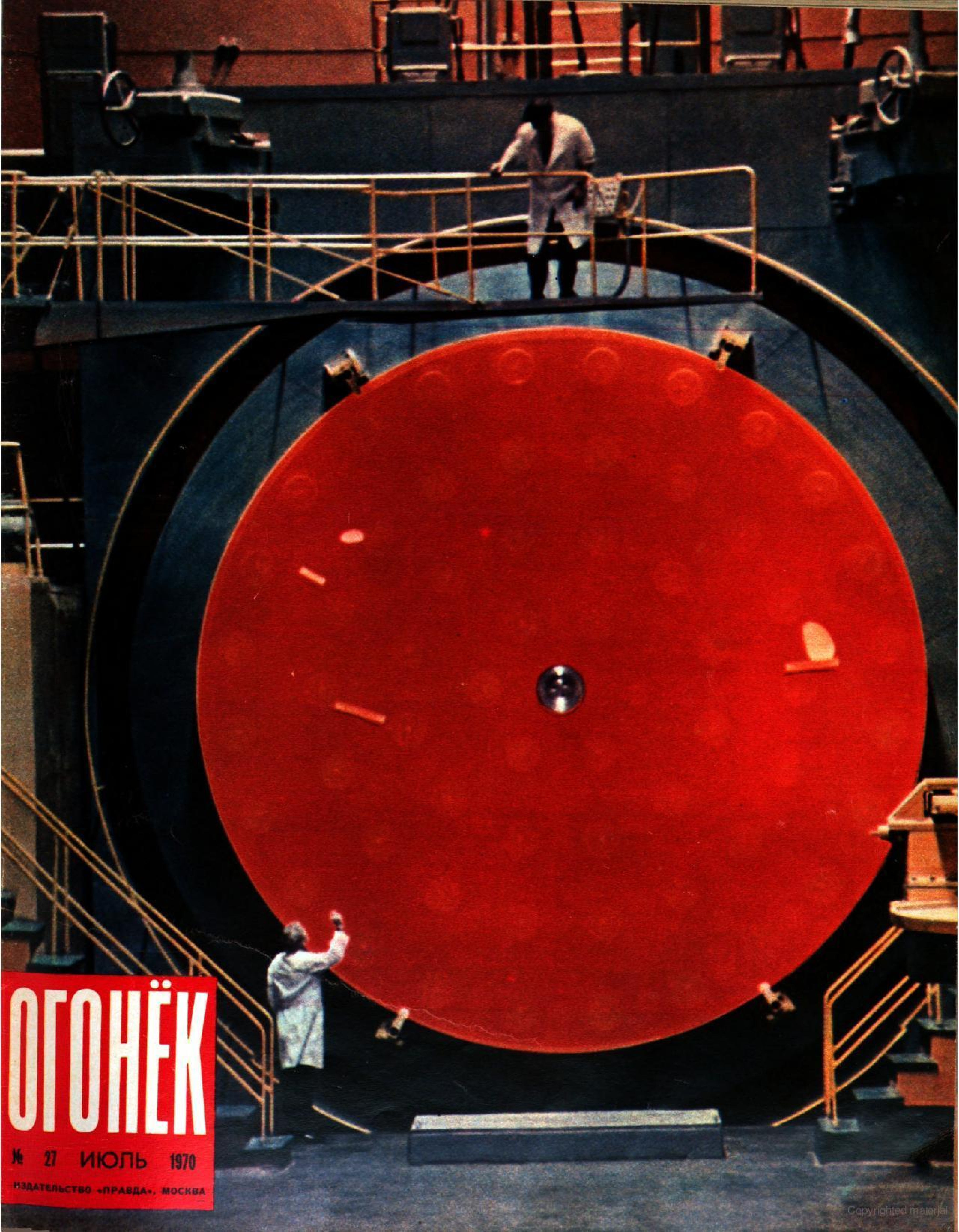
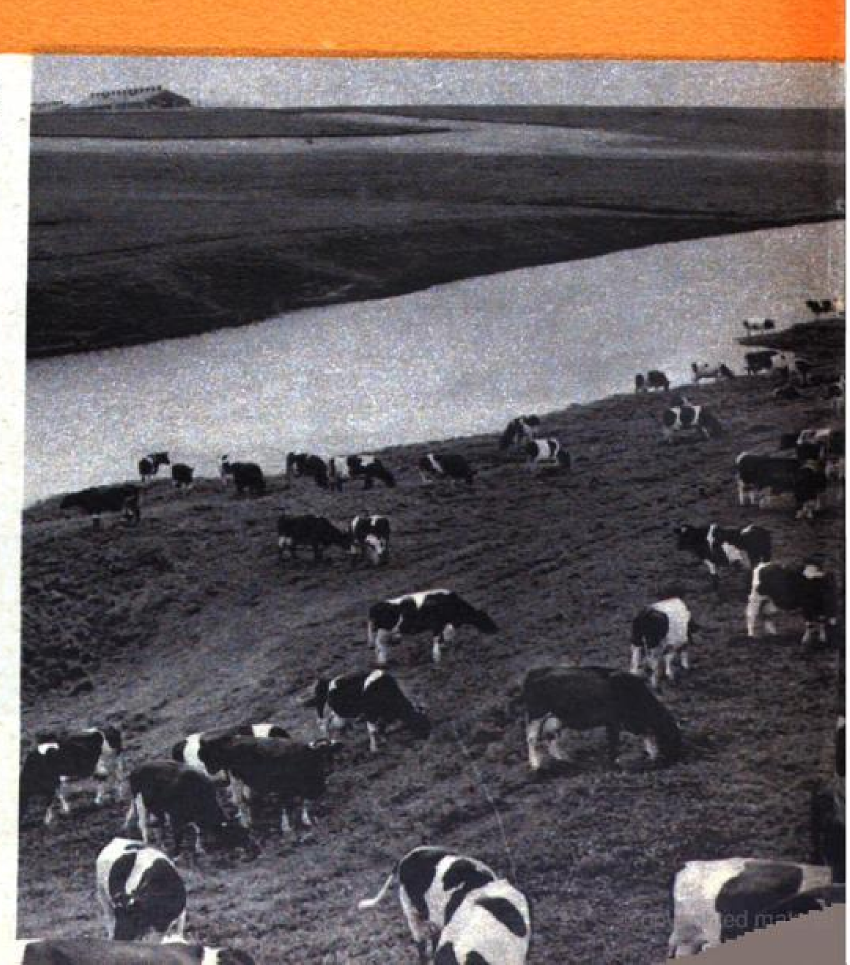

ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

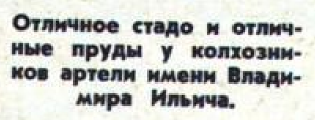
ТРУДЫ ПОДМОСК

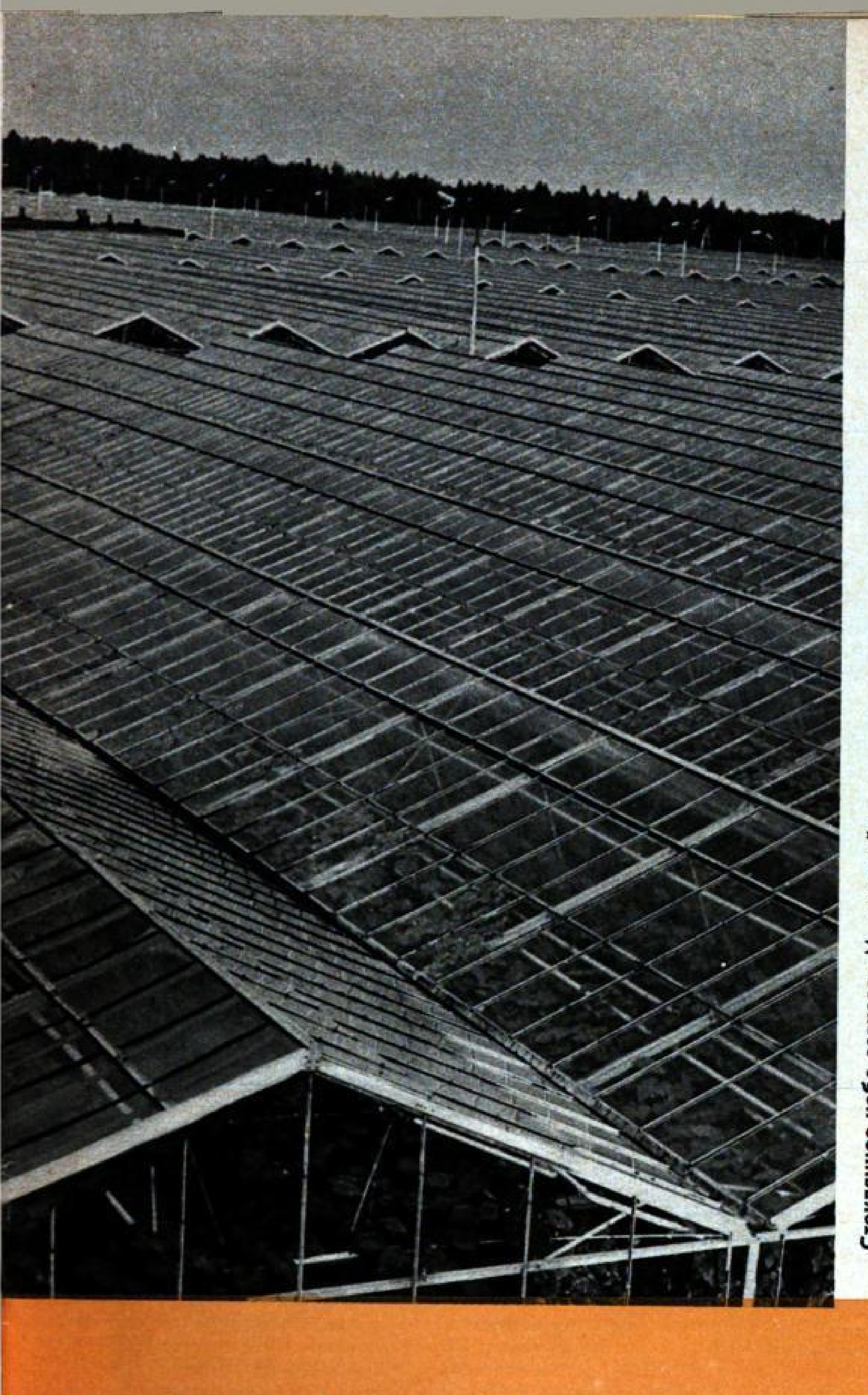

И. Ефимов более десяти лет работает трактористом совхоза имени Ленина.

Отличное стадо и отличные пруды у колхозников артели имени Владимира Ильича.

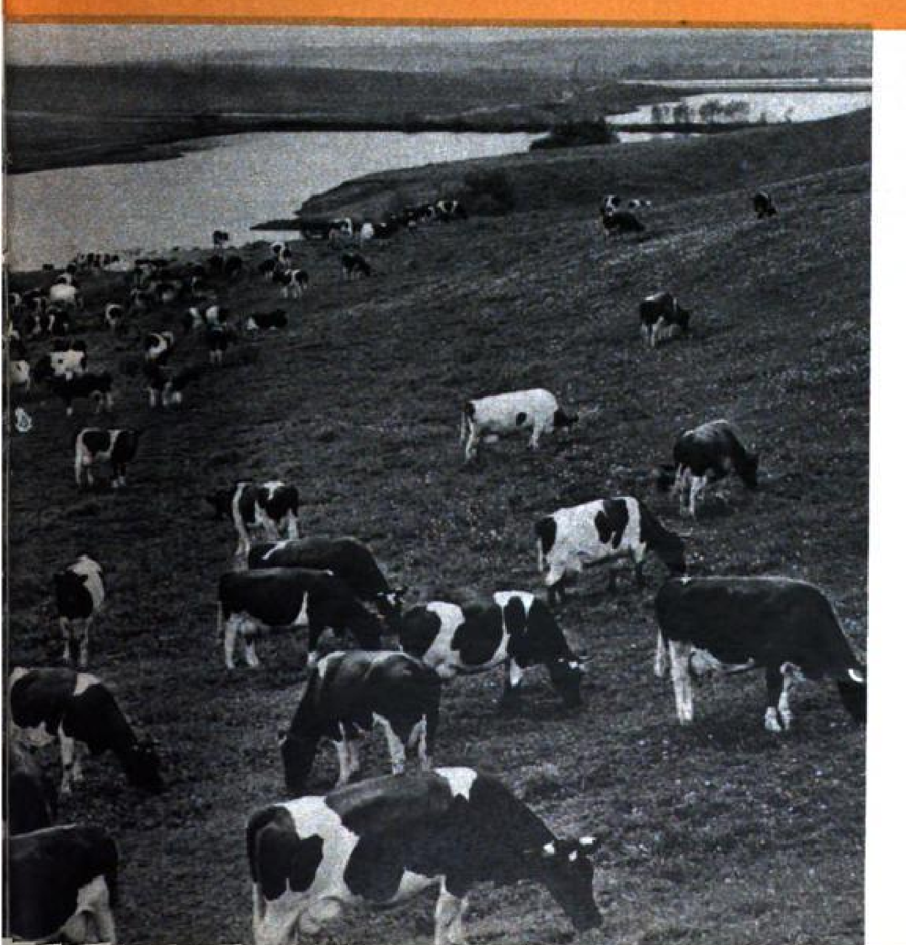
Стеклянное небо совхоза «Московский».

ОВЬЯ

Н. АНДРЕЕВ

Фото А. БОЧИНИНА.

«Подмосковные вечера»

На моем столе ромашки — гостьи из Подмосковья. Когда-то в нашу перенаселенную квартиру по утрам неизменно являлась иная гостья из пригорода — молочница. Или, как тогда говорили, коровница. Нынче же и слов таких нет.

По-прежнему, куда бы ни вела москвича дорога, она лежит через Подмосковье. Желтые поляны с одуванчиками, ландыши в росе. Но теперь это иной край. «Звездный городок», электрички, пропахшие грибами. Голубые купола Загорска и горькие дымы Левобережной на крутом берегу Москвы-реки...

Москва не выплеснулась за пределы бетона кольцевой автотрассы. За бетонкой — Подмосковье. Это о нем когда-то писали: «Там, где кончается асфальт...» Сегодня асфальт повсюду — в дачных поселках, на колхозных и совхозных улицах области. Что ас-

Продолжение см. на стр. 30.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 27 (2244)

Основан 1 апреля 1923 года

4 ИЮЛЯ 1970

29 июня в Москву по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с дружественным визитом прибыл Президент и Премьер-Министр Объединенной Арабской Республики, Председатель Арабского социалистического союза Гамаль Абдель Насер.

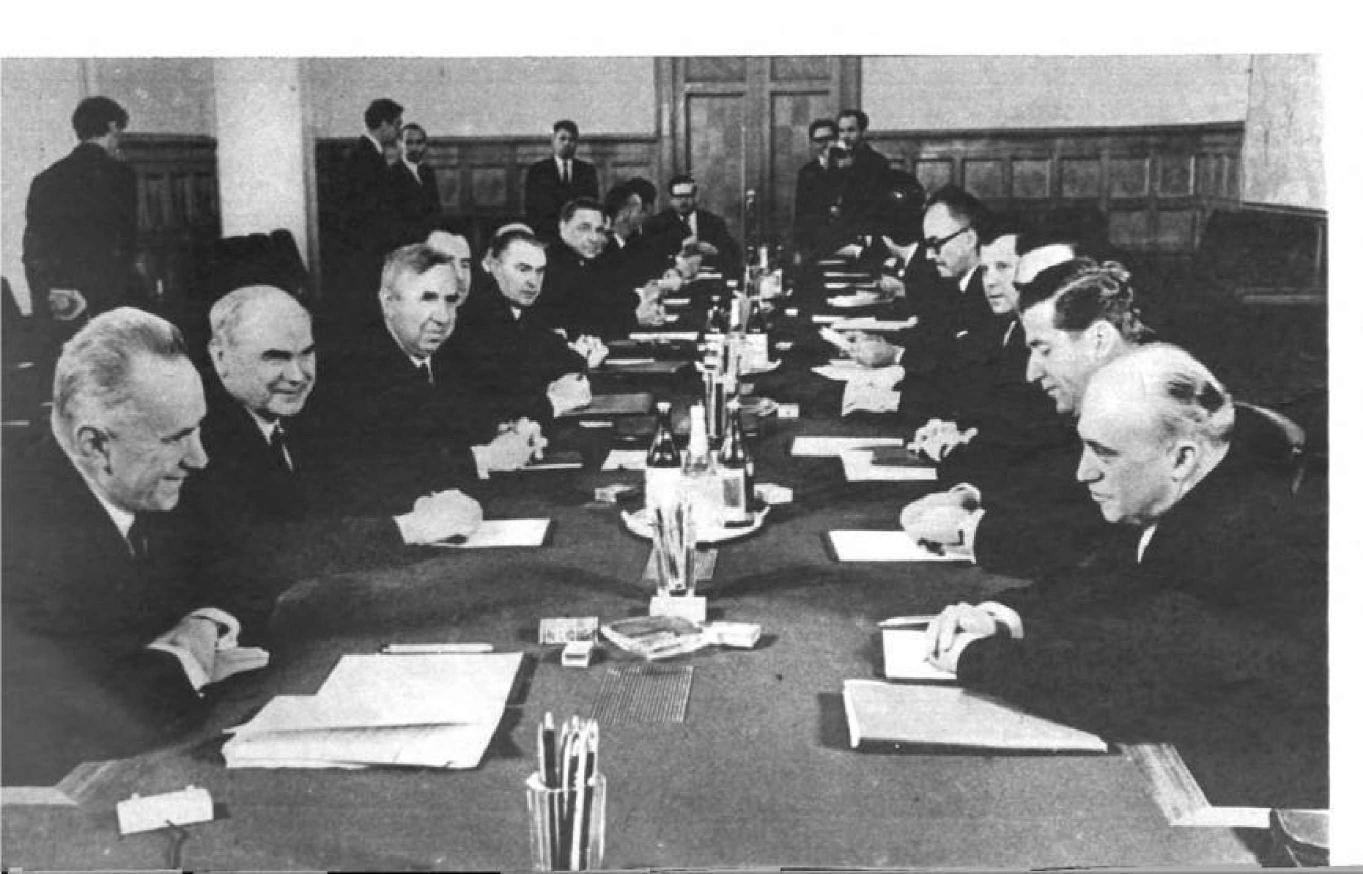
Его сопровождают: член Высшего исполнительного комитета АСС Али Сабри, министр иностранных дел ОАР Махмуд Риад, военный министр генерал Мухаммед Фавзи, министр национальной ориентации Мухаммед Хасанейн Хейкал и другие официальные лица.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами ОАР и Советского Союза, главу дружественного государства встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, министры СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко и А. А. Громыко и другие официальные лица, а также многочисленные представители трудящихся. Среди встречавших находились посол ОАР в СССР Мухаммед Мурад Галеб и дипломатические сотрудники посольства ОАР.

30 июня в Кремле состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Президентом и Премьер-Министром Объединенной Арабской Республики, Председателем Арабского социалистического союза Гамаль Абдель Насером.

На снимке: начало переговоров в Кремле.

Фото Дм. Бальтерманца.

24 июня в Москву с официальным визитом прибыл Председатель Союзного исполнительного веча Социалистической Федеративной Республики Югославии Митя Рибичич.

В тот же день в Кремле начались переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и главой правительства дружественного социалистического государства М. Рибичичем.

Правительство СССР дало в Большом Кремлевском дворце обед в честь высокого гостя из СФРЮ, на котором Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Председатель Союзного исполнительного веча СФРЮ М. Рибичич обменялись речами.

25 июня в Кремле были продолжены переговоры, в ходе которых были обсуждены состояние и перспективы дальнейшего развития сотрудничества между СССР и СФРЮ. Состоялся также откровенный обмен мнениями по ряду актуальных международных проблем, представляющих интерес для обеих сторон, включая вопрос об общеевропейском совещании. Переговоры проходили в теплой, дружественной обстановке.

На следующий день Председатель Союзного исполнительного веча СФРЮ М. Рибичич дал завтрак в честь Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. Визитом в Ленинград М. Рибичич начал свое путешествие по Советскому Союзу.

На снимке: переговоры в Кремле.

Фото А. Устинова.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялась седьмая сессия Верховного Совета РСФСР седьмого созыва.

Продолжительными аплодисментами встретили делегаты и гости появление в президиуме товарищей Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева.

На рассмотрение сессии были вынесены следующие вопросы: о работе местной промышленности РСФСР; о проекте земельного кодекса РСФСР; утверждение Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

Фото А. Гостева.

ГЛАВНАЯ ОСЬ РЕСПУБЛИКИ

Проспект В. И. Ленина в Ташкенте... Это целый архитектурный комплекс, главная ось не только города, но и всей республики. В центре четырехкилометровой магистрали — величественное, ажурно-легкое, как бы парящее в небесной выси беломраморное здание филиала Центрального музея Владимира Ильича Ленина. В обе стороны от него — светлые километры железобетона, гранита, мрамора, окруженные зелеными кронами деревьев, сизыми струями фонтанов, голубыми куполами и белизной стен многоэтажных зданий.

Прежде чем зайти в залы музея, не один час движемся от объекта к объекту вместе с куратором новостройки, первым заместителем председателя Ташкентского горисполкома Георгием Минасовичем Саркисовым, архитектором Фархадом Юсуповичем Турсуновым, авторами проекта Леоном Тиграновичем Леоновым и Юрием Андреевичем Халдеевым... Совсем недавно здесь стоял неумолчный гул моторов десятков землеройных, бетоноукладочных, подъемных и других машин, две тысячи лучших умельцев республики и страны соревновались в мастерстве.

Как всегда, своими маршрутами двигались трамваи и троллейбусы, и невдомек было пассажирам, что под землей столь же бесперебойно прокладывались энергетические, отопительные, водопроводные и другие инженерные коммуникации.

Объяснение такое:

— Метод щитовой проходки... Работали специалисты Главтуннельметростроя, Ташинжстроя, Востокподземстроя.

— А не придется ли с ростом городского хозяйства, как это нередко бывает, вскрывать эти коммуникации для расширения?

— Проложены линии впрок. На века!

Транспортная часть магистрали и тротуары сплошь устланы железобетонными плитами. По обочинам — бордюры из гранита и мраморной крошки.

— Не станут ли плиты дном реки в случае ливневых дождей?

— Предусмотрена ливневая канализация, даже реку можно отвести за город.

— Впрочем, ливни здесь редки. Для горожан куда серьезнее испытание зноем, не так ли?

— Посмотрите, весь проспект вскоре будет утопать в зелени — дубы, чинары...

— А не жарковато ли деревьям среди бетона, гранита, мрамора да еще под среднеазиатским солнцем?

— Когда начнется зной, мощный регулярный душ из дождевальных и поливочных установок решит эту проблему. Постоянная прохлада на проспекте будет даже в июле — августе.

— Не померкнет ли внешний вид магистрали осенью, когда листья опадут, камни оголятся?

— Проспект круглый год будет в зеленом убранстве. Сосны и серебристые ели сделают его нарядным и зимой. Кстати, акклиматизированная в наших питомниках серебристая ель высаживается в Средней Азии впервые. Кроме нее, можжевельник, туя, буксус, вечнозеленая лигустра. Зелень — отличный фон для радужной гаммы национальных узоров из цветной керамики, а также майолики, газганского мрамора, газалкентского, московского, украинского гранита, азербайджанского травертина.

— Да, днем тут красиво. А ночью?

— О, приходите сюда ночью!.. Это как бы рукотворный Млечный Путь...

...Входишь в здание музея и невольно думаешь о том, что ты частичка в бесконечном потоке миллионов и миллионов людей, которые побывают здесь. На торжественном многотысячном митинге в честь открытия филиала Ленинского музея в Ташкенте кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов сказал: «Нам радостно сознавать, товарищи, что Узбекская ССР обогатилась новым замечательным очагом пропаганды ленинизма. Нет сомнения, что филиал Музея В. И. Ленина станет отныне любимым местом тысяч и тысяч трудящихся нашей Родины, зарубежных стран, людей всех поколений, всех национальностей. Созданная здесь богатейшая экспозиция поможет им еще глубже осознать величие подвига Ильича, всемирно-историческое значение ленинизма, наглядно увидеть претворение в жизнь заветов Ленина на земле Узбекистана и всех республик Советского Востока».

Каждый экспонат музея — страница вечной книги. Подлинники документов, копии исторических писем В. И. Ленина.

Особое внимание привлекают экспозиции на темы «Ленин и Восток», «Ленин и народы Туркестана», «Великий Октябрь и установление Советской власти в Туркестане», «Торжество ленинской национальной политики Коммунистической партии в республиках Средней Азии». Среди документов — письмо «Товарищам коммунистам Туркестана», исторический декрет Совнаркома, подписанный В. И. Лениным, об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ, об учреждении университета в Ташкенте — первого университета на Советском Востоке... А в документах наших дней — яркая картина осуществленной мечты Владимира Ильича, впечатляющий рассказ об успехах народов Средней Азии и всей нашей многонациональной страны в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры.

...Идут и идут посетители музея. Светлой, широкой, прямой дорогой Ленинского проспекта — к Ильичу.

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Фото Н. Ключнева.

ЛЕТОПИСЬ ДРУЖБЫ

Есть города, первая встреча с которыми становится сразу же частичкой жизни. Они зовут к себе, эти города, напоминают о себе, обещая новую добрую встречу, о них думаешь, как о хороших друзьях, которые в любую тяжелую минуту протянут тебе руку, поддержат, улыбнутся светло и широко.

Их много, таких вот городов-друзей, в нашей стране. И не потому, что они просто красивы, просто хороши, не потому, что в одних любишь ты вольный разлив Волги, в других — могучее спокойствие Дона, в третьих — богатырскую силу Енисея, в четвертых — широкий простор великой степи, мудрые седые горы, сады и парни. Ты любишь их потому, что живут там хорошие люди.

Каждый, кто много ездил по нашей земле, несомненно, согласится с этой моей пусть не очень-то оригинальной мыслью: городам таким несть числа.

Ташкент... Город-друг. Город, который в тяжелую годину войны распахнул свои широкие братские объятия для тысяч и тысяч обездоленных, город, который согрел на груди своей в тот черный и тревожный сорок первый год детей Украины, Белоруссии, России...

Пожалуй, невозможно перечислить всех тех добрых дел, которые выпали на долю Ташкента и которые в конце концов, по признанию народов мира, определили его дух. Дух Ташкента — дух справедливости, братства, дружбы.

Страничку за страничкой листаю книгу «Ташкент — город братства», недавно вышедшую в издательстве ЦК Компартии Узбекистана. Скупые строчки газетной хроники, выступления видных государственных и партийных деятелей, страстные строки поэтов, колонки цифр, фотографии, с которых смотрят на читателя грузины и казахи, русские и эстонцы, белорусы и латыши, молдаване и киргизы, азербайджанцы и армяне, литовцы и туркмены, таджики и узбеки.

Представители рабочего класса всех пятнадцати республик — герои этой книги.

Мне отчетливо вспоминается ташкентское весеннее утро 26 апреля 1966 года.

Разрушенные жилые здания, школы, больницы... Раненые дети, беспомощные старики, плачущие женщины. Зыбка со спящим ребенком среди тихой домашней утвари на проезжей части улицы. Седая от пыли листва ташкентских платанов. Бесконечные звонки и скупые, как слова команды, фразы в только что образованном штабе по борьбе с последствиями землетрясения.

Знакомые, так вдруг сразу ставшие незнакомыми, улицы, кварталы, здания. Замершие стрелки всех городских часов на 5.23.

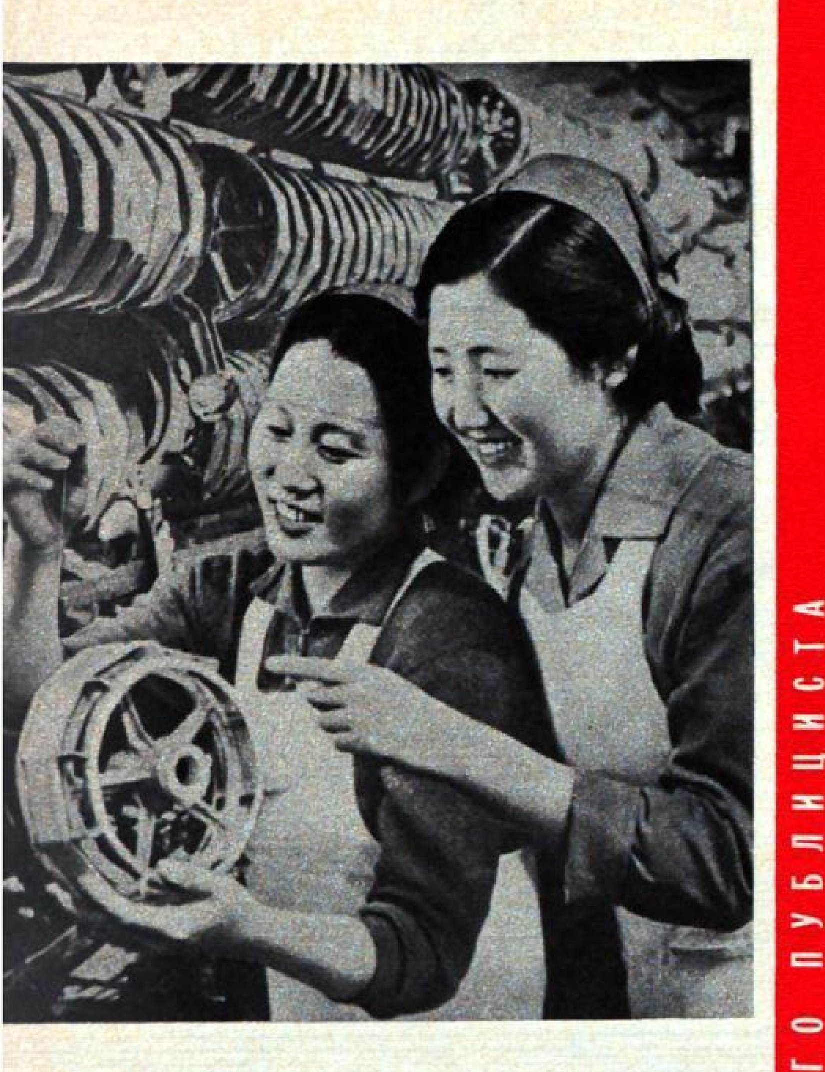
А потом уже в Москве, спустя всего несколько дней, перрон вокзала. Крепкие рукопожатия незнакомых друзей. Сотни и сотни парней и девушек, их энтузиазм, их общее: «На помощь Ташкенту».

И так в Ленинграде, Киеве, Кишиневе, Тбилиси... Так во всех уголках необъятной Родины. Всего о трех годах напряженной, дружной работы повествует эта книга. Летопись трех коротких глав в громадной книге Истории — летопись нашего Братства, нашей Дружбы, нашей Правды.

Ю. СБИТНЕВ

Центральный вход в Музей В. И. Ленина.

Проспект имени В. И. Ленина.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДЕВЯТИЛЕТИЕ БРАТСКОГО ДОГОВОРА

6 июля исполняется девятая годовщина со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой.

Советско-корейская дружба имеет глубокие корни. Она развивалась и крепла в трудные годы военных испытаний, скреплена кровью, пролитой в борьбе за общее дело свободы, прогресса и счастья людей труда.

Договор дружбы оформил и закрепил традиционные добрососедские и братские отношения, сложившиеся между нашими народами. Вместе с тем он открыл новые благоприятные возможности для того, чтобы росли и расширялись дружеские связи обеих стран и народов, чтобы процветала их экономика и культура, чтобы были обеспечены их безопасность и упрочен мир на Дальнем Востоке.

На снимке: в прядильном цехе Пхеньянской шелкоткацкой фабрики. В послевоенное время в КНДР быстрое развитие получила текстильная промышленность. Некоторые виды продукции корейских текстильщиков экспортируются в СССР.

Фотохроника ТАСС.

НИ ДОЛЛАРЫ, НИ БОМБЫ!

Викентий МАТВЕЕВ

Взглянув на билет Аэрофлота, миловидная служащая одной из авиаконтор Бангкока не то испугалась, не то удивилась: «Вы советский?» — и пояснила: — «Нам запрещено общаться с коммунистами». «Но билет-то вы все-таки оформите?» — спросил я. Билет она оформила. Запреты таиландских властей так далеко не простирались.

А спустя короткое время на улице города со мной разговорился худощавый парнишка. Он поинтересовался, откуда я. И та же самая реакция. Он сделал красноречивый жест, скрестив пальцы рук; «Вот что бывает у нас за знакомство с коммунистами...» Несмотря на это, паренек не отставал, а шел рядом и оживленно рассказывал о себе: студент университета, не любит американцев («помогают сохранять несправедливые порядки»), хотел бы знать больше о нашей стране (последовала серия вопросов — от положения детей в советской семье до нашей политики в отношении войны во Вьетнаме). Его отец два года воевал в Южном Вьетнаме в составе американо-сайгонских войск. Таиландские наемники были направлены в Южный Вьетнам под нажимом Вашингтона. Два года войны оставили у отца юноши самое мрачное впечатление: больше он в Южный Вьетнам не поедет: хватит!

Эта встреча произошла в конце апреля. Бангкокские газеты были полны сообщений об усиливающейся напряженности в Камбодже, о переброске туда американского оружия. Через несколько дней началось вторжение американо-сайгонских войск в пределы Камбоджи. Официальные таиландские деятели выражали надежду, что их страна не окажется втянутой в новый конфликт. Но в это самое время, как показали последующие события, Бангкок был объектом усиленного нажима со стороны Вашингтона. Правительство Никсона добивалось от Таиланда отправки войск для борьбы против патриотических сил в Камбодже.

Кое о чем говорили и материалы бангкокской печати. «Бангкок пост», например, поместила репортаж о зверствах, учиненных в Камбодже над мирными жителями вьетнамского происхождения в городке Такео. Погибли десятки женщин, детей, стариков. Автор репортажа упоминал об отношении послов западных держав в Пномпене к резне. Они рекомендовали западным журналистам «не поднимать шум» в прессе по этому поводу!

Недавно достоянием гласности стали подробности секретного соглашения, заключенного Вашингтоном несколько лет назад с правительством Таиланда. Выяснилось, что за отправку в Южный Вьетнам на подмогу американским интервентам войск из Таиланда Вашингтон выплачивает Бангкоку долларовые субсидии. Получается что-то около пяти тысяч долларов за одного солдата в год — сумма изрядная, позволяющая тем, в чьих карманах она оседает, пользоваться всеми благами жизни. Об этом свидетельствуют роскошные кварталы таиландской столицы, где в пышной зелени пальм прячутся особняки богачей.

В этом отношении Бангкок не отличается от Манилы — столицы другой страны, которая также крепко привязана к бизнесу, политике, военщине США. После того как поднявшийся на борьбу в конце прошлого столетия филиппинский народ сбросил иго испанской колонизации, американские наследники конкистадоров уплатили продажным политикам Манилы двадцать миллионов долларов за «право» протектората над Филиппинами. Выкачивая богатства страны, американские империалисты почти мгновенно вернули деньги в свой карман и продолжали эксплуатировать и грабить Филиппины.

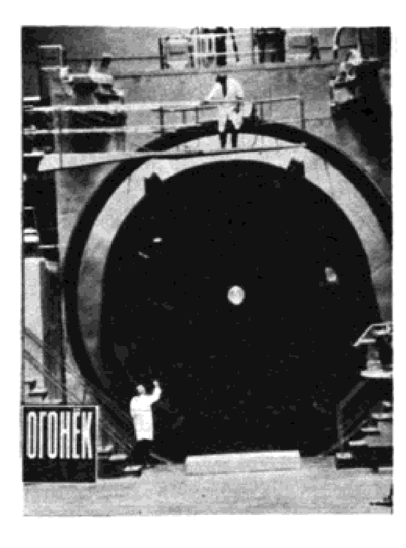
Сейчас американцам становится на Филиппинах все более неуютно. Американское посольство в Маниле похоже на осажденную крепость. Многие здания поблизости от него несут следы происходящих тут схваток; окна первых этажей почти сплошь закрыты фанерными щитами, на заборах — красноречивые надписи. В первых рядах антиамериканского движения идет молодежь. Нет, никакие деньги не способны дать американцам спокойствия на Филиппинах.

По сравнению с двадцатью миллионами долларов, которые принесли в конце прошлого века американским империалистам контроль над Филиппинами, нынешние субсидии Вашингтона властям Таиланда за посылку войск в Южный Вьетнам представляются громадной суммой. Дело не только в том, что доллар значительно поубавился в весе. Империализм давно перестал быть господином положения на нашей планете. Вернуть утраченное ему уже не помогает даже грубая сила оружия. Идет борьба в глубоких тылах бастиона империализма.

Еще в середине 60-х годов в Америке находилось немало парней, готовых за доллары воевать в Южном Вьетнаме. Отрезвление наступило быстро. Погибать во имя долларов? Хватит! Это говорят американцы. Все сильнее брожение и в рядах сайгонских наемников США. Хватит погубленных жизней, хватит страданий, слез матерей и вдов, хватит развалин городов и пепелищ деревень!

Вслед за Вьетнамом, Лаосом обагрилась кровью земля Камбоджи. Но империализм уже не может одерживать решающих успехов на фронтах своих грязных войн. Это показывают события и в Южном Вьетнаме и в Лаосе, а ныне и в Камбодже. Доллары и бомбы бессильны перед могучим валом освободительной борьбы.

О ЧЕМ ШЕПЧУТСЯ ЗВЕЗДЫ...

Марат ЦЕБОЕВ

ОПЕРАЦИЯ «ТЕЛЕСКОП»

Уличное движение в городе на Неве было приостановлено. Прохожие с любопытством наблюдали, как к набережной лейтенанта Шмидта медленно двигались огромные трейлеры с гигантскими частями многотонного телескопа. Они отправлялись далеко, в заоблачные горы Кавказа.

Путь выбрали не сразу. Всесильный «Антей» не сможет приземлиться в горах. На поезде тоже нельзя. Габариты груза не соответствуют высоте мостов и ширине туннелей. Может быть, доставить части телескопа морем вокруг Европы? Но выдержат ли хрупкие части морскую качку? Рисковать нельзя. Как же быть?

План, разработанный в «Мостренсагентстве», оказался самым реальным, выгодным и дешевым. Шесть мощнейших тягачей довозят груз на трейлерах до Невы. Оттуда баржа доставляет их по Волго-Балтийской и Волго-Донской водным системам до Ростова. Тягачи добираются до Ростова своим ходом, берут груз с баржи и выходят на трассу Ростов — Орджоникидзе. До обсерватории остается 530 километров.

В тот день, когда красные огни светофоров приостановили уличное движение в Ленинграде, план под условным названием «Телескоп» начал осуществляться.

Через некоторое время части телескопа уже двигались на трейлерах по живописному ущелью, славному своей историей.

НА ЗЕМЛЕ АЛАНСКОЙ

Наверное, ученые Алании не раз восхищались чистотой звездного неба на Северном Кавказе и мечтали о разгадке космических тайн. В этой средневековой стране до нашествия Тамерлана начали развиваться науки, в том числе астрономия. Это период расцвета могучей империи, когда слово «ахур» (ученье) стало занимать видное место в жизни алан. Уже тогда местные ученые располагали запасом астрономических знаний. Им известны были Бонварна (Венера), созвездие Ладарта (Б. Медведица), Ахсак-Темур (Полярная звезда), Арфани-фад (Млечный путь) и другие. Разработан был и календарь с оригинальными названиями месяцев и дней недели. Об этом рассказывает богатый фольклор осетин, прямых потомков некогда могущественного народа. Но не довелось аланам узнать, о чем шепчутся звезды. Империя погибла...

Теперь ее историю раскапывают неутомимые археологи. Одно поселение, очень крупное, находится у подножия гор, на правом берегу реки Большой Зеленчук. Полагают, что город был столицей алан. Мимо нее и проезжали трейлеры с частями телескопа. Неподалеку от столицы, украшенной храмом и древним монастырем, дорога круто взмывает вверх, в горы. Серпантинный подъем ведет на высоту 2 100 метров к отрогам горы Пастухова. Перед последним поворотом на голубом фоне неба стремительно, как в кинокадре, появляется и снова исчезает сияющая на солнце башня обсерватории. Здесь будут делать то, о чем мечтали аланы,— разгадывать тайны звезд. В башне поселится могущественный отражатель созвездий и галактик — крупнейший на земле БТА (большой телескоп азимутальный).

Все оптические телескопы в мире имеют параллактическую монтировку, при которой главная ось постоянно направлена на полюс мира — Полярную звезду.

Большой советский телескоп — азимутальный. Основная ось его направлена в зенит, другая строго горизонтальна. По мнению конструкторов, азимутальная система обладает рядом преимуществ перед параллактической.

РЕЗИДЕНЦИЯ БТА

Издалека башня похожа на легкий светлый шатер, в котором отдыхали в старину во время походов предводители войск. Для полного сходства недостает лишь арабского иноходца, привязанного к шатру. Но это сооружение не для кратковременного отдыха знатных воинов и полководцев.

Башня-шатер предназначена для астрономического колосса по имени БТА. В роскошной квартире БТА все оборудовано по последнему слову техники, слуги у него самые современные: автоматика, телемеханика и электроника. Для супертелескопа предусмотрено все, вплоть до микроклимата. По его желанию можно создать в башне африканскую жару и полярный холод. По его желанию башня поднимет свое забрало и повернется в любую сторону. Звездными ночами без устали будет телескоп разглядывать небо, слушать шептание звезд и рассказывать людям о чудесах, которые происходят в бесконечности световых лет.

Резиденция БТА разделена на несколько этажей. В ней имеются вычислительный центр, гостиница для приезжих ученых, цех алюминирования зеркала, которое будет производиться здесь, в башне. В специальном помещении расположится служба БТА, где будут обрабатываться результаты наблюдений.

Вес телескопа — 850 тонн. Но ему не грозит опасность продавить своей массой пол обсерватории. Его опора надежна. В центре башни пробито отверстие до самой скальной породы. Об этот природный фундамент и будет опираться крупнейший в мире оптический глаз.

ЧТО ДАЕТ ОДИН МЕТР...

В Лондонском Королевском обществе хранится уникальнейший экспонат, внешним видом и габаритами напоминающий современный микроскоп. Это первый в истории зеркальный телескоп (рефлектор), сделанный Ньютоном. Диаметр главного зеркала — 3,7 сантиметра.

Сейчас крупнейшим в мире среди оптических считается американский телескоп с 5-метровым зеркалом в Маунт-Паломар (Калифорния). Значение его огромно. С его помощью было сделано грандиозное количество открытий. Если, образно говоря, все оптические телескопы мира поставить на чашу весов, то американский будет иметь тот же вес в науке и то же значение, что остальные. Телескопы обостряют наше зрение, делают его чувствительнее к свету. Зрачок нашего глаза равен 6 миллиметрам, зрачок нового советского телескопа — 6 метрам. Было подсчитано, что телескоп видит лучше человеческого глаза в миллион раз. С помощью БТА, например, можно будет увидеть свет горящей свечи, зажженной на расстоянии от Земли до Луны.

Какое же преимущество получим мы, установив в телескопе 6-метровое зеркало? Что даст науке этот один метр? Очень многое.

Раза в полтора сравнительно с американским телескопом увеличится объем видимой Вселенной. Если американцы с трудом различают звезды 22-й величины, то мы увидим свет от звезд 23-й, а возможно, и 24-й величины — все зависит от качества зеркала. Несведущему разница в одну величину покажется незначительной. В астрономии же это понятие означает колоссальнейшее расстояние во много миллионов световых лет.

Можно будет наблюдать за интересными для науки физическими процессами, происходящими в звездах и звездных скоплениях. При изучении они окажутся полезными для земных нужд. Станет возможным полнее изучить строение и эволюцию звезд, раскрыть тайны межзвездной среды и туманностей. Много нового расскажут о себе и планеты.

Новый телескоп поможет ученым решить проблему космологии, науки о происхождении, строении и развитии Вселенной в целом.

Самое главное назначение БТА — изучение объектов за пределами нашей галактики, исследование гигантских межзвездных тел — квазаров, получение сведений о ранних стадиях зарождения галактик, расположенных от нас на расстоянии миллиардов световых лет. Мы будем получать информацию, запоздавшую на миллиарды лет, то есть увидим раннюю картину миров. Будут получены данные о плотности вещества во Вселенной, новые наблюдения помогут ученым, исследующим геометрию Вселенной.

Вот что может дать науке один метр зеркала, отличающий наш телескоп от американского. Значение этого метра невозможно переоценить.

Теперь перенесемся с горного Кавказа далеко на север. Туда, где заботливые люди пестуют хрупкое шестиметровое детище.

«ЗВУЧА АПОФЕОЗОМ...»

Когда перед входом в рабочий зал надеваешь мягкие домашние тапочки, то по ассоциации вспоминаются Эрмитаж, Архангельское, Останкино и другие знаменитые музеи.

Раскрывается тяжелая броня невысокой герметической двери. Проходишь вторую дверь, третью... И вдруг как будто из теснины вырываешься на простор, полный света и красок. Перед глазами сказочный зал, царство тишины. Кажется, пролети комар, и его писк эхом разнесется окрест, и в то же время грянь на улице гром, его раскатов не уловишь даже с помощью чувствительного акустического прибора. Настолько изолировано от внешнего мира это помещение.

Здесь, как в музее, все уникально и неповторимо. Многотонные шлифовальные и полировальные диски высятся огромными металлическими блинами. Не представляешь, как эти махины лягут на субтильно нежное и хрупкое стекло. А в стальном кольце-оправе сияет ярким изумрудом само чудо-зеркало, выдающееся творение науки и, бесспорно, искусства. Им можно любоваться часами, как на прекрасную скульптуру, выточенную резцом гениального ваятеля. Классическая строгость и романтическая восторженность сочетаются в формах зеркала с правдой реализма, звуча апофеозом нашему времени и его творцу — человеку.

А на бетонном возвышении, похожем на сказочный трон, не менее чудесное произведение науки — станок по обработке зеркала. Когда смотришь на него, фантазия рисует образы. Кажется, появится сейчас на металлическом помосте величественная богиня астрономии Урания, одна из девяти греческих муз. Она взглянет на сияющее чудо-зеркало и взметнет удивленные брови, как бы спрашивая: откуда это волшебство?

«ЕСТЬ МЯГКАЯ ПОСАДКА!»

Крупнейшее в мире зеркало БТА родилось в специально выстроенном гигантском цехе. Там великие мастера своего дела С. Степанов, И. Бужинский, В. Синяков, В. Рыбченков, В. Костюткин и другие варили его, отливали, производили отжиг и предварительную обработку. Эти длительные, трудоемкие и неимоверно сложные операции потребовали колоссальнейших затрат труда большого коллектива ученых, инженеров, конструкторов, рабочих, людей самых разных профессий.

Из стеклоплавильного корпуса заготовку перевезли в рабочее здание, где ленинградские специалисты должны довести ее до кондиции, вдохнуть в нее жизнь. Грубой и мелкой шлифовкой достигли заданного радиуса кривизны. И только после отработки всех технологических операций стали готовить стекло к переносу на станок. Хрупкую заготовку нужно было аккуратно поднять и с большой точностью установить на рабочее место.

Ответственный день испытания настал. Люди были взволнованы. Заработал стотонный мостовой кран. Включились микродвигатели, предупреждающие рывки и толчки. Стекло плавно плыло по воздуху. Вот оно застыло над станком. Спуск... Бешено стучали сердца, капельки пота выступили на бледных лицах людей. Напряжение предельное. Три миллиметра, два... один... Наконец крановщица Зоя Власова благополучно опустила стекло на станок. «Есть мягкая посадка!» — с облегчением сказал кто-то из рабочих.

Ни один инструмент не прикасался еще к стеклу. Начало шлифовки было ответственнее, чем перенос на станок. Над зеркалом склонился шлифовальный диск весом 12 тысяч килограммов. Вот он мягко приложился к стеклу и стал вращаться. У приборов люди. Скрупулезно, микрон за микроном снимались слои стеклянной поверхности. Шлифовка продолжалась много дней.

Следующая операция более тонкая — полировка. Тонкость в том, что отклонение от расчетного параболоида при полировке не должно превышать четырех сотых микрона. Эта точность фантастична, если учесть, что площадь зеркала равна 28 квадратным метрам — размеру большой комнаты. Воздух в зале тщательно отфильтровали — избавились от вредной пыли. При полировке пыль может поцарапать поверхность стекла. Если оно поцарапается, к примеру, на один микрон, то придется снимать с его поверхности микронный слой. А снять один миллиметр стекла означает уменьшить вес зеркала ровно на 70 килограммов. Такое облегчение губительно скажется на поддерживающих зеркало механизмах разгрузки, регистрирующих колебания веса в десятки граммов. Слуги-автоматы поддерживали постоянную температуру — плюс 22 по Цельсию. Зеркало почистили, и над ним склонился другой инструмент — диск со смоляным покрытием. Первичная полировка началась...

* * *

Пока что понятие «зеркало» условно. На него не нанесен алюминиевый слой. Это произойдет в горах Кавказа, на древней земле алан. Но уже сейчас зеркало телескопа «живет и дышит», как с любовью говорят создающие его увлеченные люди. Это руководители работы Вадим Иванов и Юрий Крестовский, главный специалист по механизмам разгрузки В. Павлов, рабочие Ю. Бочманов, А. Кузнецов, В. Туровец, Н. Бобков и другие.

Эти люди влюблены в свой труд. Сделать зеркало — существенная цель их жизни. Энтузиазм поможет им преодолеть любые трудности.

Они дадут большую жизнь чудесному зеркалу БТА. Пройдет время, и великану-телескопу бережно вмонтируют шестиметровый глаз. Могучий БТА впервые взглянет в глубины Вселенной. И начнет рассказывать волнующую поэму о космосе, о мироздании — о чем шепчутся звезды.

Тогда, возможно, это место на горе Пастухова, расположенное по соседству с разрушенной аланской столицей, станет крупнейшим центром астрономической науки.

Осталось ждать немного...

Человек и Родина

Эльвира ПОПОВА

Пять картин. Таких, казалось бы, разных, ни в чем не схожих. Но роднит их общая тема — Родина. Ее судьбы, ее люди, красота ее просторов.

...Летние краски России, знойного Поволжья, особенные, не похожие ни на какие другие краски земли, цветут на холсте у певца русской деревни народного художника СССР, лауреата Ленинской премии Аркадия Пластова. Высокое выгоревшее, белесоватое от зноя небо. Землю устлали бледно-золотые снопы и колосья, тоже будто высветленные солнцем. Шуршит под лаптями колючая, сухая стерня...

Степная жара написана мастером так живо, что мы невольно чувствуем жажду крестьянина, открывшего деревянный жбан, и сами бы с радостью напились вместе с ним льющейся оттуда студеной водицы, отведали б вишен из берестяной чашки.

Будто яркие большие цветы, полыхают на фоне жнивья голубая рубаха крестьянина, алая кофта и пунцовая юбка крестьянки, розовый ситец занавески над колыбелью их дитяти.

Мать, отложив серп, в краткие минуты отдыха первым делом кинулась к младенцу — кормить. Хозяин собирает поесть. Жеребенок уткнулся в материнское вымя... И все это изображено не ради бытописательства. Из цепи эпизодов, из множества бытовых подробностей, бережно собранных художником на холсте, вырастает перед нами живой образ слияния человека и природы, гармонии человеческого бытия.

Познакомившись с крестьянской семьей, мы начинаем внимательно всматриваться в каждую изображенную на холсте деталь, дивясь мастерству живописца, его умению рассказывать о жизни так увлеченно, обстоятельно, с такою любовью, видеть красоту и значительность самого простого и малого в ней. Как отражается голубень неба в стальном ободе тележного колеса, как спорит пестрота лоскутного одеяла с малиновыми, синими, желтыми брызгами полевых цветов в стерне, сколько красок вобрали в себя старый хомут и некрашеное дерево тележных оглобель, и, наконец, как это красиво: белая голова лошади, жующей темно-изумрудную, свежескошенную траву!

Но вот мы прочли название: «Из прошлого»... И пластовская картина, так ярко припомнившая былое, словно бы начала разговор о жизни, о времени, об искусстве с другими картинами, воспроизведенными на сегодняшней цветной вкладке «Огонька». И в первую очередь с полотном Петра Оссовского «Год шестьдесят пятый» — одним из четырех в созданной этим художником к ленинскому юбилею серии картин «Рубежи нашей Родины».

Едва переведешь взгляд с лирико-распевной картины-воспоминания Аркадия Пластова на монументальный холст Оссовского, посвященный современности, как сразу же предстают в разительной наглядности изменения, происшедшие в жизни страны и народа за годы, разделившие действия этих двух картин о России.

Оба полотна — эпическое, философское раздумье о жизни, глубинное ее осмысление. И, верно, потому мы не сравниваем подробности деревенского быта, написанные Пластовым внимательно-любовно — все эти лапти, серпы, деревянные жбаны, лоскутные одеяла, детали конской упряжи,— с заполнившими холст Оссовского монументальными в своей громадности приметами нашего времени: чанами с цементом, бетонными формами, стальными крюками и тросами, решенными художником обобщенно, лаконично. Нам бросается в глаза несходство между персонажами двух картин. И прежде всего мы замечаем, что облик героев Оссовского, наших современников, воплотил в себе ощущение человеком своей власти над бытием и историей. Чувство, неведомое персонажам пластовского холста!

Да, «Год шестьдесят пятый»... Новостройки, могучая индустрия, неугомонное племя строителей, которые вечно в пути. Пути в будущее!

Полотно «Год шестьдесят пятый» завершает серию «Рубежи нашей Родины», в которую вошли еще три холста: «Год девятнадцатый», «Год тридцатый», «Год сорок третий». Сами эти названия свидетельствуют, что Петр Оссовский выбрал для изображения, для осмысления средствами искусства те главные рубежи нашей истории, на которых в бою, подвиге, самоотверженном героизме труда рождалось созидающее могущество года 1965-го... Наших дней.

— Я хотел этим циклом четырех картин,— рассказал автор,— утвердить мысль о вечном торжестве жизни, устремленности ее вперед, к лучшему. После того, как я написал на первом холсте красных конников гражданской войны, на втором запечатлел трудовой энтузиазм тридцатых годов, а потом создал образ женщины-матери, вернувшейся в только что отбитый у врага город, где вместо домов лишь зияют слепыми окнами искалеченные остовы, сама собой пришла мысль завершить цикл прославлением торжества жизни над смертью и разрушением.

Ведь мастерская у меня — в Черемушках. И не один год уже наблюдаю я из своих окон, как вырастают вокруг дома и краны шагают все дальше к горизонту. А ведь словно то было еще вчера, когда строительная площадка, подсказавшая мне тему картины-финала и как бы позировавшая мне, находилась совсем рядом...

На заднем плане холста поднялся у меня только что отстроенный квартал будто золотого от солнца юного города. А центром всего стала молодая мать с ребенком. И в цвете ее платья снова вспыхнул красный цвет жизни, который проходит у меня через все четыре холста как бы главной мажорной, жизнеутверждающей нотой.

Свое слово о жизни Родины, о нашей современности говорят картины мастеров из республик.

На холсте заслуженного деятеля искусств РСФСР и Карельской АССР Суло Юнтунена запечатлены «Речные будни» Карелии. И будто тянет от картины прохладой севера, запахом свежесрубленной древесины, мазутом и хвоей. А перевести взгляд — и на полотнах народного художника Армении Ары Бекаряна и азербайджанского мастера Октая Садых-заде уже дышат пряными, горячими ароматами тенистые сады юга.

...Глядя на бледную голубизну северного неба, повторенную в студеном, будто отливающем чешуйчатой сталью зеркале вод и готовясь писать его, Суло Хейккиевич Юнтунен отбирал для своей палитры синие, фиолетовые, сине-зеленые, черно-синие колера, то есть те, что так и зовутся у художников «холодные». Немного, да и то больше для изображения «второй природы», нужен был карельскому живописцу согревающий картины красный цвет. Зато Ара Вагинакович Бекарян, чтобы написать свое полотно, запечатлевшее южный полдень, собрал на палитре краски именно теплых цветов: красные, желтые, оранжевые. Одни названия их уже вызывают у нас представление о солнце, тепле: киноварь, охра, марс-красный!..

Горячие, солнечные краски, ложась на холст армянского живописца, повторяли то, что он видел перед собой: пронизанный золотыми солнечными лучами воздух, румяные и золотые плоды, яркие орнаменты юга. Образы темноволосой матери и смуглого малыша, надкусившего сочный плод, слились в картине «Отдых» воедино с ее теплым, глубоким фоном, и перед нами, как живой, предстал поэтический кусочек мирной, счастливой жизни Армении.

Казалось бы, как все просто.

Но вся жизнь Ары Бекаряна — это поиск в себе органичной связи с родиной, воспитание изощренной восприимчивости к ее особенному, неповторимому облику. Художник знает: бессмысленно копировать природу, даже великий талант, даже гений бессилен сравниться с нею. Нужно проникнуть в ее душу, нужно отыскать свое понимание красоты. И естественность стала главным требованием мастера вместе со стремлением сохранить в картинах непосредственность своих впечатлений о жизни, донести их до зрителя, а о самом простом рассказать как о великом.

Краски пейзажа помогли азербайджанскому художнику Октаю Садых-заде интересно, своеобразно решить задачу создания портрета, полнее, глубиннее раскрыть образы своих моделей — азербайджанских колхозниц Бабаевой и Ахмедовой.

Лица обеих женщин — пожилой и молодой — художник написал так, чтобы приблизить к зрителю своих героинь, чтобы мы с вами запомнили их облик, проникли в их внутренний мир.

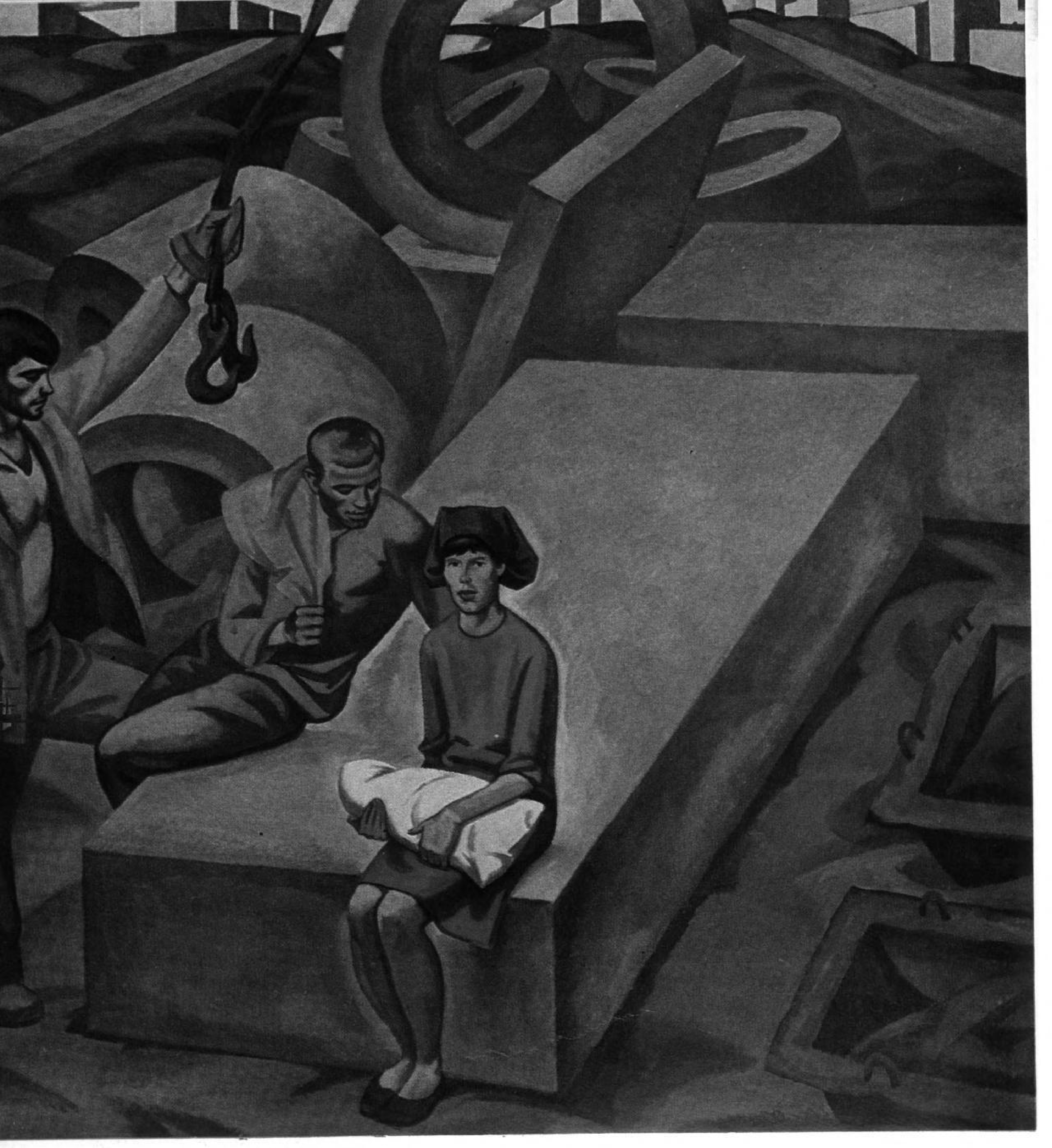
Морщинистое лицо старшей женщины — воплощение доброты и мудрости, душевной щедрости, открытости людям и миру. Прекрасное лицо молодой явственно выражает спокойное достоинство, душевную силу, гордое сознание своей красоты.

Обратите внимание — лицо Бабаевой написано рядом со старым, шершавым стволом дерева. А плавная линия овала прекрасного молодого лица Ахмедовой тонко прочерчена на гладкой, розоватой поверхности камня. Да при этом еще глубокий, собранный из множества оттенков сине-изумрудный цвет садовой зелени, серо-лиловый, почти до фиолетового цвет древесной коры, цвет камня в кладке стен — тоже серый, но чуть теплее, светлее, будто с каплей розового, как бы повторены в одеждах, проступают рефлексами на лицах, руке, придерживающей платок.

Чтобы еще отчетливее доносила портрет-картина мысль о единстве, слитности образов людей и Родины, Октай Садых-заде написал на втором плане третье, безымянное юное лицо, словно сливающееся с глубиной живого фона картины. А яркие цветастые платки на голове и плечах у героинь помогли художнику добавить к сказанному еще и то свое глубокое убеждение, что главное украшение земли — люди!

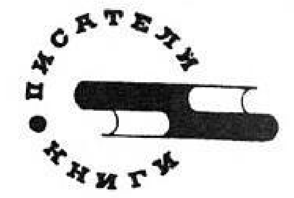

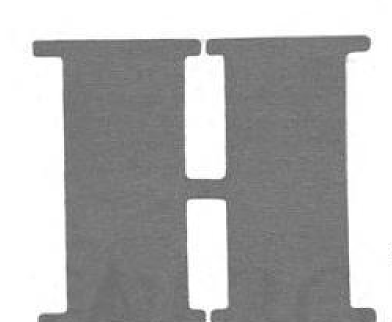
А. Пластов (Москва). ИЗ ПРОШЛОГО.

П. Оссовский (Москва). ГОД ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ. Из цикла «Рубежи жизни Родины».

Всесоюзная художественная выставка к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

ЕПЛАКУЧИЕ

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

Еще в романе «Вишневый омут», в повести «Хлеб — имя существительное» Михаил Алексеев, проявив недюжинные качества лирико-романтического описания характеров деревенского люда, дал современной русской прозе художественно и нравственно примечательные находки женских образов, в содержательной сущности которых отражен знаменательный и мощный духовный сдвиг, посвоему направивший течение житейского крестьянского моря в послереволюционное время. И тема русской крестьянки, всегда особо почитаемая в отечественной литературе, стала капитальной и стойкой в творчестве М. Алексеева. Этим он не просто отдал дань уважения благородной литературной традиции, но прежде всего реализовал и привел в действие одну из обнадеживающих возможностей своего дарования — чутье кладоискателя духовных ценностей родного народа.

В обобщающем толковании образ русской женщины был и остается для нашей литературы в первом ряду ее гуманистических утверждений, беспременно сопутствует ей на нелегких путях нравственных поисков, угадывается в предчувствуемом лучшими художниками слова идеале доброго и вечного. И если прежде в значительной мере женские образы вообще и крестьянок в частности наполнялись либо нравственно-трудовым, либо нравственно-любовным содержанием, если прежде литература по преимуществу показывала борьбу женщины против духовного пленения и местом этой борьбы были чувства, то послереволюционная русская литература в излюбленный свой образ вложила и новый смысл. Он родился в жестоких классовых схватках, во всеобщей перетряске жизни до самых глубинных ее начал и определился равным участием женщины как в сфере духовной, так и в гражданской и социальной. И этот образ, как и другие, навеянные прекрасным временем, был новым словом русской советской литературы.

Как и «Вишневый омут», новый роман М. Алексеева «Ивушка неплакучая» (журнал «Молодая гвардия» №№ 1 и 2 за 1970 г.), имея все признаки жанра семейной хроники, в конечном счете развертывается по главным идейно-художественным линиям как хроника жизни одной деревни. Семейные события Угрюмовых — и в силу многосложных родственных связей, которые еще чтятся и имеют определенные влияния в деревенской среде, и в силу общих свойств крестьянского быта — помогают нам узнать историю села Завидова, расположенного где-то в серединных краях Поволжья. Наше знакомство с завидовцами начинается в благополучную для них пору, когда только память больно хранила страшные картины неурожайного тридцать третьего года, унесшего, по словам писателя, «так много человеческих жизней и не удостоившегося хотя бы простого упоминания ни в одном из учебников новейшей истории». Память да цыганка — «так в Завидове звали лебеду какой-то особой породы с красноватыми листьями. Всякий раз она являлась на свет божий как вернейший признак запустения, его неизменный, постоянный спутник».

...Почти все Завидово гуляет ныне на свадьбе Фени Угрюмовой и председателя сельского Совета Филиппа Ивановича. Пожаловали званые и незваные, облепили избу и мал и стар. Какой живой людской хоровод проплывает на первом, быть может, завидовском пиршестве. Припожаловал непременный гость всех деревенских застолий, гроза порубщиков, хитроумный лесник Колымага; заглянул на веселье продубленный степными ветрами колхозный пастух Тихан; тайком от ревнивой жены просочился тишайший и вежливый Артем Григорьев, прозванный Апрелем; без приглашения же нагрянули «добры молодцы» Тишка и Пишка, этот привычный завидовский дуэт на дармовой чарке; лишь минутой упредил Апреля старый почтальон Максим Пакленников, три дня продержавший письмо Угрюмовым, чтобы сохранить верный повод зазвать себя на свадьбу...

Разный люд, каждый со своей чудинкой, с такой замысловатостью в натуре, от которой не заскучаешь. Михаил Алексеев любит в своих героях эту чудинку, которая затейливо, как бы на удивление людям, так при случае окажет характер, что быть человеку как на ладони — гляди, любуйся. Я бы назвал этот нередкий в современной русской литературе прием — переключить внимание на какую-нибудь второстепенность в характере, как бы непомерно развитую и не имеющую прямого отношения к главной сути натуры героя,— шолоховским добродушно-лукавым свойством скрыть смущенно великое свое любование Человеком. И я смотрю на эту мудрую художническую уловку как на проявление тонкого такта там, где неожиданно обнаженную красоту человеческого духа подстерегает умиленность и выспренность. Как в русском человеке живет стыдливость в выказывании незаурядных чувств, так и русскому писателю свойственна целомудренная сдержанность, когда он касается высоких и благородных предметов.

И вместе с тем, как бы ни разнились герои М. Алексеева, какой бы особинкой ни отличались они, есть нечто и объединяющее их. И это нечто — простодушие, какая-то сохранившаяся детскость, которая прямо-таки поразительно уживается как с хорошим, так и с плохим. Вся эта милая компания, собравшаяся на свадьбе Угрюмовых, на редкость простодушна. Отступили напасти, новая жизнь вошла в берега, еще только за горизонтом в германском небе копятся тучи самой опустошительной грозы, и потому мирно житействуют завидовцы.

Так в кратких сценах, перемежая и соединяя все, чем полнится жизнь — горе с радостью, будни с праздничеством, строгое со смешным,— М. Алексеев перелистал немногие страницы завидовской истории доброй поры, чтобы познакомить читателей с долгими главами ее, когда грянула война на нашу страну. Как все обернулось в Завидове; глухо заволновалось оно, когда закружилась по его просторным улицам беда. Вот тут-то и обозначились резкие людские линии, отступили, стушевались пустяки и второстепенности, двинулось напеперед, укрупнилось главное, словно за ненадобностью до времени припрятанное завидовцами. Ушло из села на фронт все сильное и молодое, остались женщины, дети, старики да те, кому увечья не позволили уйти. Осталось Завидово той частью, где не было, как видим, ни силы, ни молодости, ни здоровья. Но по каким-то непонятным для чужого глаза законам жизненной устойчивости, необходимой восполнимости в час смертного испытания открылась в русской колхозной деревне жизнетворящая причина, которая не дала умереть селу, помогла сохранить себя, снарядить и прокормить свое грозное воинство и бесчисленные города родины, вооружившие это воинство огнем и сталью. Пожалуй, в эту Отечественную войну окончательно укоренилось за советской женщиной тяжкое, но и гордое имя «солдатка». Вдумайтесь: «Солдатка!» Точно и благодарно нарек народ. Значит, вместе со сражающимися, значит, тоже не покорилась врагу, значит, помогает воинству.

В романе М. Алексеева, так горько наименованном (ведь даже выплакать горе-горькое нету времени), даны поистине волнующие, заставляющие сердце биться и много думать сцены нератной стороны войны. В помысле о них рождается представление о героическом, освободительном деянии. И носителями этого деяния стали в героическом повествовании одаренного русского писателя неплакучие наши женщины — матери, сестры, вдовы, солдатки. В ненарядный, строгого убранства образ Фени Угрюмовой любовно вложил М. Алексеев народные представления о прекрасных, нетленных чертах крестьянки минувшей войны. Еще ранее общей беды остался на чужой испанской земле Фенин муж, за короткие дни не узнанный и не полюбившийся; бесследно исчез на опаленной войной родной земле и тот, к кому с отрочества тянулось сердце; ушли воевать брат и отец. И велик же был ее труд на селе, так что валило с ног после каждого длинного дня, голодного и холодного.

«...— Руки и ноги гудут, гудут, гудут, моченьки от них моей нету, в пору хоть плачь.

— А правда, почему ты никогда не поплачешь с нами, Феня? — спросила вдруг Настя.

— Отчель тебе знать, плачу я аль нет? Может, я реву больше всех, да только никто не видит. Зачем я буду выставлять перед людьми свои болячки, когда у них и своих хоть отбавляй?..»

Да ведь какие же слезы могут ра́вниться тем, невыплаканным потому, чтобы у других они не пролились?

И вот еще что подумалось. Суровой должна быть история того народа, лучшие художники которого вдохновляются и находят свой идеал прекрасной женщины в таких земных пределах, где живому и выстоять сказочно. Непонятное иным странное рыцарство русского литератора.

«— Знаете ли вы сами-то, что вы такое?» — спросит восхищенно и сам восхищения достойный, золотая большевистская душа Федор Федорович, секретарь райкома, изболевшийся в делах и сострадании человек.— «Придет время, Федосья Леонтьевна, и вам воздастся полною мерой. Будь на то моя воля, я бы уже и сейчас памятник вам поставил!»

Какая же лавина благодарности нахлынула в душу повидавшего с лихвой жизнь старого несгибаемого человека, чтобы ручейками скупых слов пробиться наружу!

Так что же это — непонятное чужому глазу,— что же за причина, которая не дала заглохнуть ниве крестьянской жизни, когда все, казалось бы, должно обуглиться и стать чернее черного? Хочется ответить на этот и недругов наших и подглядывателей озадачивающий вопрос корявыми словами завидовских стариков, словами верными и вескими, как горсть родной землицы.

«...вспомнили про первую германскую, ибо все были ее участниками. Хозяин сказал при этом:

— Тогда солдаткам нашим было еще горше, чем теперь. Никому до них никакого дела не было. Живи баба одна, как знаешь и как хочешь. Ни тебе председателя колхоза, ни тебе бригадира, с которых можно что-то потребовать, ни тебе сельского Совета, куда можно пойти по крайности и пожаловаться, ни тебе парторга-заступника. Никого — одна со своею бабьей нуждой. Кругом одна. А теперь совсем другое дело. К тому же как-никак они, солдатки, сейчас все вместе. На миру, известное дело, и смерть красна.

— Не говори, кум,— поддержал дядю Колю Апрель,— без колхозу нам бы теперь крышка.

— А мы еще, дурье, артачились, не хотели итить в него.

— Не все артачились,— сказал Леонтий Сидорович.

— Знамо, не все, а все ж таки...»

Я опустил за чертой своих впечатлений от романа людей и события, которые в другом мнении, наверное, покажутся первостепенными. Мне же только хотелось, не опережая замысла романа «Ивушка неплакучая», действию которого, нужно думать, предстоит еще течение — ведь опубликована первая книга,— и не торопя оценки, и не уклоняясь от них, высказаться о дорогих мне наблюдениях автора, сродственных собственным и, надеюсь, интересных для читающих роман.

Яков УХСАЙ

Разговор с

ПОЭМА

Неподалеку от деревни
В те незабвенные года
Росли мохнатые деревья
И тихо булькала вода.

Так о тебе
Светло поется,
Мой заповедный уголок
С названьем
Малое Болотце,—
Я о тебе забыть не мог.

Я пас там
выводок гусиный.
Там не стучали топоры,
Лишь в небосвод
взлетали синий
Зеленогривые костры.

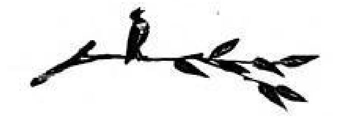
Но все же,
Все же застучали.
И я, вернувшись,
Здесь стою,
И сердце,
Полное печали,
Горит у детства на краю.

Вот так бывает:
Холят,
Любят
Зеленый шум,
Журчанье вод,
Потом возьмут
И враз погубят,
Погубят,
Пусть в жестокий год.

Лишь в небе
Отражаясь косо,
Легко звеня над головой,
Стоит
Знакомая береза
В сорочке белой,
Снеговой.

А ветер
Ходит круг за кругом,
Колышет сонную зарю.
С березой,
С добрым старым другом,
Я по-чувашски говорю.
Деревья,
Ветви воздымая,
Белесый сумрак вдалеке
Меня легко
Воспринимают
На милом сердцу языке.
Нет,
Я другой язык не хаю,
Но все и всюду
Под луной
Поют,
Смеются
И вздыхают
На языке земли родной.

Я был в Татарии недавно.
И там,
Среди родных ветвей,
Так выводил рулады славно —
Пел по-татарски
Соловей.

И как татарская девчонка,
В цвету черемуха,
Светясь,
— Привет, Ухсай! —
Сказала тонко,
На мой привет отозвалась.

И в синих полосах тумана,
На тиховейном ветерке
Читал в лесу
Стихи Туфана
Я
На татарском языке.

И вот,
Придя на отчий берег,
Среди родных долин и гор,
С березой милой —
Другом белым —
Веду душевный разговор.

* * *

— Как поживаешь, друг далекий,
Друг детства
Самый близкий мой?
Вот видишь,
Я свернул с дороги,
Пришел,
Чтоб встретиться с тобой.

...Благоговейно,
Вековечно
Ее чуваш берег, любил,
Ей в ноги
Кланялся сердечно
И сок ее целебный пил.

Прекрасен этот мир в березах,
Он как-то ближе,
Тих и мил.
Не видел я,
Чтоб кто на посох
Березку малую срубил.

Спросите, если нету веры,
Ответят вам
Умельцы прясть:
Нужна березовая сера,
Чтоб тоньше ниточка вилась.

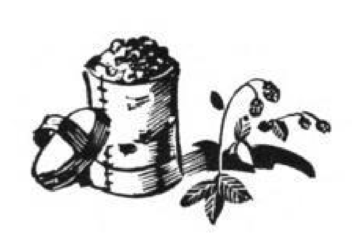
Ту серу
Споро мы варили
Из горько пахнущей коры.
И щедро девушкам дарили
Свои нехитрые дары.

Одна красавица напряла
Все семьдесят
и семь мотков
И сшила к осени немало
Сорочек,
Платьев
И платков.

И тихий вечер шел напевно.
И вот,
В сиянье низких звезд,
Казалось:
Выросла в деревне
Веселых
Тысяча берез!

Сплетали туески
для ягод
Мы из березовой коры,
И гнали деготь мы
В оврагах:
Был нужен деготь до поры.

За свет,
За цвет платка красивый,
За веники
в любой избе,
За туески,
За все
Спасибо,
Спасибо,
белая,
тебе.

* * *

Ты родилась
Шуметь над полем,
Одна из равных средь берез,
А я однажды
взял топорик
И злой удар тебе нанес.

В каком-то смутном отрешенье
Я ранил, гордая,
Тебя.
И не просил за то прощенья,
Прозрачный сок твой
Пригубя.

Затем я,
Утоляя жажду,
Вернее, голод,
Долго пил.
Так поступал я не однажды,
Хотя душой тебя любил.

Тогда
Не слишком понимала
Всю суть вещей
душа моя.
В жестокий век
Рожала мама
На белый свет
таких, как я.

И под глазами полукружья
Темнели сумрачней беды.
Избы закуренной удушье
И горький хлеб
Из лебеды.

И горький дым.
И горький пепел.
Сухая горечь детских слез.
Ни дня, поверь,
Я сытым не был,
А как-то жил
И как-то рос.

Я из избы бежал украдкой
В поля,
С топориком,
К тебе.
Ты лишь одна
была мне
сладкой
В той горькой,
В черной той судьбе.
Горело нёбо,
Пухли десны.
Смещались мглистые черты.
Моим спасеньем
Были весны.
Была моим спасеньем
Ты.

Ты серьги легкие кружила,
Лебедушка,
В моем краю.
И жизнь твоя
Текла по жилам,
Спасая этим
Жизнь мою.

И ныне
Хлебом не единым
Жив я, обычный человек,
Вошел твой цвет
в мои седины,
Как сок твой
В кровь мою — навек.

И в городском веселом гаме
Береза у меня
Гостит:
Береза спит
перед глазами,
В глазах береза
Шелестит.

Я весь пронзен
Твоим сияньем
И запахом твоей земли.
Сквозь все пути
и расставанья
Меж нами
нити пролегли.

И чтоб с тобой
Соединиться,
Навек судьбу с тобой связать,
Теперь обязан я
Страницы
Зеленой книги написать.

...Уже зарубцевалась рана,
Что мной
Была нанесена.

БЕЛОЙ БЕРЕЗОЙ

Рисунки В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

А ты, посмотришь утром рано,
Совсем одна стоишь,
Одна.

А сколько было
в белых платьях,
В сорочках белых,
Сколько их
Вокруг тебя,
сестер и братьев,
Кудрявых,
Звонких,
Золотых!

Как плыли в небо голубое,
Как хоровод вели они!
Вокруг тебя
И в ряд с тобою —
Седые пни.
Глухие пни.

Да,
Земляки их порубили.
Такие были вот дела.
Но ты не думай —
Не любили,
Но ты не думай,
что со зла.

Не ради зла,
Не для утехи.
Утеха —
Бог не приведи!
Тут было людям
не до смеха.
Ты их сурово
не суди.

* * *

Пришла война
Сплошной бедою,
Страшна,
Чудовищно-горька.
Деревня
Стала сиротою
Без трактора,
Без мужика.

Лишь клячи сонные
Остались,
Что не способны воевать,
Голодным ржанием
Под старость
Они остались тосковать.

Во всей немеряной округе,
Заледеневшей от тоски,—
Лишь дети,
Женщины,
Старухи,
Лишь девушки
Да старики.

А вести шли
Чернее тучи,
И плач стелился над рекой.
И слезы капали
Горюче
На треугольник дорогой.

Где телеграфные дороги,
Простор шатался
И роптал:
Тот ранен,
Тот погиб до срока,
А этот
Без вести пропал.

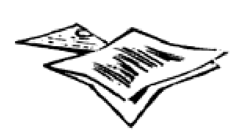
Да,
У земли моей веками
Удел печален и высок.
Терпели люди
Пуще камня —
Ложился иней на висок.

И сено выкошено в луге.
Зима
свирепствует
в ночи.
И сани сломаны
И дуги.
И дети
мерзнут на печи.

Деревья
Женщины рубили
Не от хорошей жизни,
Да.
Священных ив
Не пощадили,
Которым кланялись всегда.

И, повергая небо в трепет,
Сады ложились
Наповал.
И обращались ветви
В пепел.
А ветер пепел развевал.

Вот так!
Спасаясь от мороза,
Вернее,
Чтоб детей спасти,
Губили женщины
Березы,
Но ты осталась
тут
цвести.

* * *

И вот
Осколки отсвистели,
Как эти черные года.
Они остались
только в теле.
Да рана в сердце — навсегда.

И не умолкло горе в мире.
И воздух
Я хватаю ртом:
Перо становится,
как гиря,
Когда хочу писать
О том,
Как снился свет
Родимых окон
Среди разрывов,
Стонов,
Льдин.

Стоишь, береза, одиноко.
И я к тебе
Пришел один.

Друзей не видно знаменитых —
Одни
кочуют по стране,
А больше, милая, убито.
Они остались на войне.

Так,
Пребывая в мире порознь,
К тебе нам
Вместе не прийти.
А ты шуми,
Цвети
И поросль
Березок-девочек
Плоди!

Взошли
Зеленые побеги,
И березняк уже сквозит.
Пусть смерть ему
От человека
Под этим небом
Не грозит.

А мне
Товарищей не встретить
И не внимать их голосам.
О них шумит
зеленый ветер,
Скользящий скорбно
К небесам.

Ты помнишь, милая, конечно,
Как мы
Под вешний птичий гам
Шли под тобой,
Смеясь беспечно,
К сильбийским
розовым
лугам.

А ты медлительно кивала,
Звенела ласково:
— Привет!
В логах кукушка куковала
И обещала
Много лет.

Что ж, верно,
Было силы вдоволь
И был в душе
Простор мечтам.
И девушки — еще не вдовы —
По вечерам
Нас ждали там...

Над изумрудными лесами
Цветенья высились дымы!

И соколиными
глазами
На светлый мир
глядели мы.

Журчал родник на дне оврага,
Росою веяло с лугов.
И нами
Правила отвага
И верховодила любовь.

Знамена мирные
пылали,
И жизнь размеренно текла.
Мы зла
букашке не желали,
Не причиняли
пташке зла.

* * *

Зеленоглазый,
Ясноликий,
Вставал июнь,
входя в сердца
Мерцаньем зревшей земляники,
Румянцем
Милого лица.

А петухи
Рассвет трубили,
И начинался
Новый день
Над васильковым изобильем,
Над пробужденьем деревень.

Он плыл
Огромной синей птицей,
Туманом
в поймах
оседал,
Гасил
Веселые зарницы,
Росою рощи осыпал.

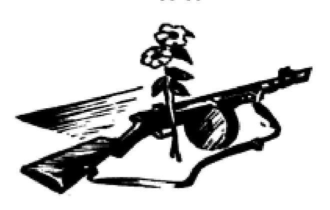
Светлело.
Ласточки сновали.
Смеялся лес.
Цвели цветы.
Но спали мы на сеновале,
Не видя
этой
красоты.

Мы спали сладко.
А над нами —
Сиянье неба,
пенье птиц.
А в этот миг
Гудело пламя
Вдоль наших западных границ.

И каждый,
Распростившись с милой,
Встречался с милою во сне.
Мы засыпали
Ночью мирной,
Ну, а проснулись
На войне.

Та весть была
Нежданной, дикой —
Не помышляли мы о зле.
Но превращалась
земляника
В крапинки
крови
на земле.

И нам,
Чернявым,
Светлым,
Русым,
Все было ясно:
Завтра в бой.
Нет,
Ни один не вышел трусом,
Взращенный, Родина, тобой.
Да,
Мы пройдем огни и воды.
И, не колеблясь,
Как один,
Во имя мира и свободы
Мы жизнь,
Коль надо,
отдадим.

* * *

Я вспомню их —
и вижу слезы,
Слегка размытые черты.
И лица их —
белей березы,
И так гнетуще
сжаты
рты.

Как снились нам на сеновале!
Я благодарен
Этим снам,
Печально девушки стояли,
Им было тяжелей,
чем нам.

В глазах росло недоуменье:
Ну, как же так
И почему?
Любила так его,
Не смея
Кисета подарить ему.

Сказать о главном
Не успела,
Когда брели
в полночный сад.
Труба военная пропела:
Нас ждите,
девушки,
назад.

Они ведь ждали свадеб,
лета,
Родную стерегли тропу...
Смущенно
сунули кисеты,
Вернулись, грустные, в толпу.

Но мы на свадьбу не потрафим.
И было больно потому,
Что нету
Ваших фотографий
Ни при себе,
Ни на дому.

Еще не делали портреты
В деревне нашей
Этих лет.
И лишь

На стенке сельсовета
Висел единственный портрет —
Кому мы верили безмерно,
Чье имя берегли уста.

В полях
Туманилась люцерна.
Гудели трубно
Поезда.

Горели зори,
Как черешни...
Собрав походные мешки,
Бросали мы —
орел ли решка —
Перед дорогой
медяки.

Не ожидали мы повесток,
Нас чувство патриота
Жгло,
И дело совести и чести
В районный центр
Нас повело.

— Отец и мать, вы не сироты!
Любимая,
побьем врага —
Придем,
Заснимут нас на фото
Здесь,
у родного очага.
Мы черные сломаем крылья,
Вернемся целыми сюда —
Так мы в июне
Говорили
Всем провожающим тогда.

И флаг
Гудел над сельсоветом.
Шли мы,
Подтянуты,
Легки.
И ты, береза,
Видя это,
Глядела
Вслед из-под руки.

* * *

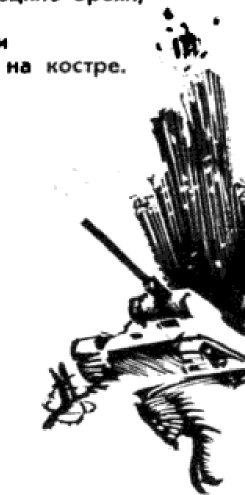
Мы жили вместе,
Вместе пели,
Глядели вместе
в высь и дол.
Но вот шинели мы надели,
И фронт
Дороженьки развел.

Один пошел пешком
В пехоте,
Другой
орудия катил.
Один
Поднялся в самолете,
Другой внизу
мосты мостил.

Ни одному не вышло брони.
Любовь к стране —
Была броня.
Все были,
Словно на ладони
У беспощадного огня.

Про ад
Рассказывать не надо,
Об этом много говорят.
Как говорится,
Мы с парада
Попали в этот самый
Ад.

Лишь неба
тусклые прорехи —
День, ночь ли —
Что там на дворе?
Как будто грецкие орехи,
Трещали
танки
на костре.

Огонь в упор,
Огонь навылет,
Огонь —
И долгий-долгий дым...
Горели мертвые.
Живые
Дышали дымом тем густым.

Я видел сам,
На самом деле —
К чему пустое говорить:
У друга
Волосы седели
В теченье мига, может быть.

И, выйдя из такого ада,
Где многие легли костьми,
Солдат кричал:
— А что, ребята,
Жизнь-то прекрасна, черт возьми!

Когда ж рейхстаг
В аду затмится
И в керосине гад сгорит,
Весь мир
Солдату поклонится
И будет век
Благодарить.

Мечтали мы о том заране:
Орудья
встанут на прикол,
Отец натопит знойно баню,
А мать
Накроет щедро стол.

Нам сны цивильные приснятся:
Так будем жить да поживать,
Да телеграммами
меняться —
Друг друга в гости
Приглашать.

Да,
Нам немногого хотелось
В минуты ветхой тишины —
Чтоб нам
Работалось и пелось,
Как это было до войны.

А самолет
Все ниже,
ниже,
И бомб
проклятых
вой
сквозной.

И смерть была
Гораздо ближе,
Чем залп победы
Над страной.

Меня, береза, миновали
Все сто
и семьдесят
смертей.

А им
Не спать на сеновале,
Из речек
Не тянуть сетей.

А им,
Друзьям моим великим,
На зореньке не зоревать,
Не есть
Душистой земляники,
Невест своих
Не обнимать.

А я
Среди ржаного поля
В такой
бездонной тишине,
А я
В росе,
В цветах по пояс
Стою
с тобой наедине.

* * *

А ты
Ничуть не постарела:
Стоишь, как девушка, светла.
И под тобой
Земля горела,
И ты в опасности
Была.

Я приходил к тебе.
Ты помнишь?
И были волосы тогда
Черны,
Как ягоды черемух,
И стыли зубы
в два ряда.

Теперь же
Тихо вспоминаю
Отгрохотавшие бои.
Как цвет черемуховый
В мае,
Белеют волосы мои.

Вот
Если б мы вернулись вместе
В зеленокудрый
Твой предел,
Тогда —
Клянусь на этом месте,—
Береза,
Я б помолодел.

Но от друзей
Широкоплечих,
Чья юность тут светло текла,
В пространствах ветреных,
Далече,
Остались
Каски да зола.

Вот корень твой
Дает побеги.
Пусть их листва
Твоей новей.
А им
Не прорасти вовеки
На свет
глазами
сыновей.

Я знаю,
Нет святого духа,
Нет душ усопших в вышине.
Но вот
Душа солдата-друга —
Неотлетевшая —
Во мне.

Они живут во мне,
Святыни.
И я,
Друзьями заселен,
Как путник,
Страждущий в пустыне,
Пью жадно
Память их имен.

Не отлетели
Ваши души,
Да,
Их отвергли небеса.
Я —
Ваши руки,
Ваши уши,
В моих глазах —
Друзей глаза.
Их золотыми голосами
Поет строка
Моих стихов.
Они сидят со мною сами,
Когда
сижу
до петухов,
Когда сижу,
Стихи слагаю,
И память за сердце берет.
Я память их оберегаю
За них
На сотни лет вперед.

Я ваш —
Надежный добрый угол,
Кусочек Родины большой.
Я был вам
И остался другом,
Глазами,
Сердцем
И душой.

Я не забуду торопливо,
Как вы шептали
На краю:
— Была бы Родина счастливой!..—
Спасли вы
Родину свою.

Ваш подвиг
Не истерся в высях:
Средь шума фабрик и листвы
Живете вы
В делах и мыслях
Таких же юных,
словно вы.

И снова мнится мне:
— В атаку! —
И криком тем
разодран
рот.
И мчится танк,
Как алый факел,
Пылает
Мчащийся вперед.

А там, у Дона,
Под горою,
На чистом месте,
Белым днем
Саперы мост понтонный
Строят
Под бомбами,
Под артогнем.

И пламя
Каски жадно лижет,
И звезды
Плавятся в огне.

Но, странно,
Мертвыми не вижу
Друзей-товарищей
Во сне.
Не вижу я
Надгробный камень,
Ограды
роковую
нить.

И я хочу,
Как их руками,
Сады и парки
Посадить,
Чтоб там,
Где жили и ходили,
Где отстояли жизнь они,
Цвели цветы,
Хлеба родили,
Горели
мирные огни.

Чтоб эти дали
Ликовали,
Полны свободы и любви,
Чтобы кукушки
Куковали,
Переливались
Соловьи.

* * *

Шел Человек,
Большой и сильный,
Земле
Всю силу отдавал.
И на Земле
Под небом синим
Зеленый цвет
преобладал.
Шел
По земле раскрепощенной...
А я
В расцвете юных лет
Четыре года видел
Черный,
Необратимо черный цвет.
Я буду,
Есть
И был солдатом.
И вот поэтому, солдат,
Я проклинаю
Черный атом,
Которым Родине грозят.

Я,
Черным шумом сокрушимый,
Лежал в жнивье
Без грез,
Без дум.

Я славлю
Выкрик петушиный,
Как самый
Благотворный шум;
И мирной ночи
Мрак кромешный,
Рассветный звон
Косы и вил;
И солнца луч,
Крутой и нежный,
Земле
несущий
хлорофилл!

...Смеешься тихо,
Как невеста,
Береза милая моя!
Не ищешь ты
иного места,
Не тянет
в лучшие края.

И мне предел не нужен дальний,
Тем более
На склоне лет,
Нет слаще
Этих вод хрустальных,
Тучней лугов сильбийских
Нет.
Ты знаешь,
Добрая береза,
Во мне
Друзья мои живут.
Они меня
В стихах и прозе
В далекий путь
Зовут, зовут.

Вернусь к тебе,
Благоговея
Перед тобой
В пургу и зной,
Зеленым парусом
Провеяв
Над необъятною
страной.

**Перевели с чувашского
Анатолий Заяц и Егор Исаев.**

ИСТОРИЯ «БЕРКУТА»

Это было первого августа 1943 года. Над небольшой деревушкой Мохово, что на Орловщине, под хмурыми, грозовыми облаками кипел воздушный бой. Деревенские жители с замиранием сердца следили за смертельной схваткой наших краснозвездных истребителей с фашистскими стервятниками. Окутываясь клубами черного дыма, обрушилась на землю машина с крестами на плоскостях. За ней другая, третья...

Но вдруг одному нашему «ястребку» зашел в хвост «мессершмитт». Казалось, гибель этой машины неотвратима... И тут произошло что-то невероятное: другой советский «ястребок» рванулся наперерез фашисту прямо под его огненные трассы. Машина героя вспыхнула и камнем пошла вниз. Все ждали, что советский летчик выпрыгнет, раскроет парашют. Но этого не произошло. Краснозвездная машина упала где-то за лесом...

Много времени прошло с тех пор. Давно закончилась война. Но мысль о разбившемся летчике не покидала жителей села. Пионеры Моховской школы, потрясенные рассказами односельчан о подвиге неизвестного советского летчика, своими руками соорудили скромный обелиск безымянному герою.

«А что если откопать самолет?» — решил однажды сельский учитель, офицер запаса Ададуров.

И вот как-то в погожий день под руководством Ададурова красные следопыты отправились на поиски. Дружно зазвенели лопаты. Копали долго. И вдруг — о радость! — кабина пилота. Можно представить, как заволновались пионеры, ожидая увидеть останки летчика. Но... фонарь кабины оказался открытым... Ребята обнаружили лишь хорошо сохранившийся фронтовой планшет. На топографической карте в правом верхнем углу ребята прочли надпись: «Старший лейтенант П. С. ШЕМЕНДЮК». В планшете же нашли и вырезку из фронтовой газеты, в которой рассказывалось о боевых делах отважного летчика и о том, что он был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

— Неужели жив?!

Ребята написали письмо в Министерство обороны. И вот пришел ответ. Герой жив!

...Мы сидим с Петром Семеновичем Шемендюком в его уютной квартире в городе Калининграде. Здесь он закончил войну, здесь и остался жить. На штатском пиджаке поблескивает Золотая Звезда Героя. Пустой правый рукав засунут в карман...

Дорогу в небо Петр Шемендюк начал в тридцатые годы по комсомольской путевке на Дальнем Востоке, куда уехал строить Комсомольск-на-Амуре. Появились новые друзья. С одним из них Петр особенно сдружился. Звали его Алексей Маресьев. Вместе занимались они в группе юных летчиков. Своими руками в свободное от работы время расчистили поле под аэродром, построили вышку для прыжков с парашютом. Даже маленький самолет добыли...

А потом товарищи поступили в летную школу и успешно окончили ее перед самой войной.

...Первый воздушный бой принес Шемендюку желанную победу. После левого разворота он очутился лоб в лоб с гитлеровцем. Пальцы намертво впились в штурвал. Советский летчик был готов пойти на лобовой таран. Самолеты сближались на больших скоростях. Вот-вот врежутся друг в друга. Но в последнее мгновение нервы у фашиста сдали. Он рванулся вниз, и Шемендюк тут же прошил его длинной очередью.

В начале октября 1942 года звено Шемендюка, состоявшее из трех самолетов, было внезапно поднято в воздух. Большая группа вражеских самолетов шла в направлении Ржева. 27 черных точек насчитал Петр Шемендюк в небе.

По установившейся привычке командир звена сразу же атаковал ведущий гитлеровский самолет, поджег его. Строй врага рассыпался.

— Я — «Беркут». В облака! — подал по радио команду Шемендюк.

Краснозвездные машины, круто набирая высоту, полезли вверх. А через несколько секунд наши истребители обрушились на врага сверху. Запылал еще один «мессер», потом еще и еще... И вот уже обломки пяти машин с черными крестами рухнули на землю. Советские же асы потерь не имели. К лету 1943 года Петр Семенович Шемендюк совершил 160 боевых вылетов и сбил 24 вражеских самолета. Советское правительство высоко оценило мужество и бесстрашие летчика. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

1 августа 1943 года Петр Семенович провел свой последний бой. Это произошло над той самой деревней Мохово, о которой было упомянуто в начале нашего рассказа.

Звено старшего лейтенанта Шемендюка атаковали шестнадцать «мессеров». В решительную минуту схватки он вдруг заметил, как один из фашистских самолетов — на его фюзеляже красовался туз пик — символ аса, зашел в хвост молодому, еще неопытному летчику лейтенанту Редькину. И тогда, чтобы спасти товарища, Шемендюк бросил свою машину наперерез врагу...

— Необстрелянный ведь, увернуться вовремя не сможет,— словно оправдываясь, рассказывал Петр Семенович.— Что тут делать? Ну и бросил свою машину под вражеские трассы... Мотор сразу же вспыхнул. Руку обожгло. Кровь так и брызнула на приборную доску. Чувствую, пламя лезет в кабину, достает до лица. А прыгать нельзя! Расстреляют в воздухе. Пришлось покинуть машину почти у самой земли. Приземлился я в основном благополучно. Перевязал руку куском парашюта, обмотался стропами и пополз... До сих пор не могу объяснить себе, как это мне удалось доползти до деревни Дьячье. К счастью, немцы из нее ушли. Стучусь в первый попавшийся погреб. Выходит пожилая колхозница. Глянула на меня — и в обморок. Кое-как привел ее в чувство. Она помогла мне сделать перевязку. Сунула в карман ломоть хлеба, две вареных картофелины. И снова я пошел...

Но самое страшное испытание ждало впереди. Врачи осмотрели руку: «Гангрена, брат. Требуется срочная операция». И под самый корень обрубили левую «плоскость»...

В госпитале у меня побывал мой друг Алексей Маресьев. Чтобы не расстраивать меня окончательно, не сказал, что лишился обеих ног. Но Алексей добился своего, снова стал летать. А мне пришлось навсегда распрощаться с небом, со штурвалом самолета. Но на войне был почти до самого конца. Прошел после госпиталя всю Прибалтику да еще в Восточной Пруссии повоевал.

Г. КУВИТАНОВ

НОВОСТИ ИСКУССТВА

ПИСЬМА С КРЕЙСЕРА «ГРОЗНЫЙ»

Этот фильм документально-художественный. В нем нет актеров. Зато есть сквозной герой — молодой призывник, который станет матросом.

Вместе с ним мы едем к месту его флотской службы — на крейсер «Грозный». Рассказ о жизни на корабле и составляет содержание матросских писем домой. Фильм так и называется: «Письма домой».

Сначала, правда, мы увидим на огромном плацу учебного отряда шеренги матросов в робах — не в романтических форменках, а именно в робах и тогда поймем, какой нужен труд, какая учеба, какая подготовка, прежде чем смогут парни прийти на корабль. Поэтому-то с грустью начнет свой монолог герой фильма: «Здравствуй, Игорь! Сегодня уже месяц, как... я служу!.. Строевая замучила вконец! Тяжко, но надо выдержать...»

Позже мы узнаем, что будущие моряки уже ходили на ночные стрельбища, но наш герой не отличился успехами — не все приходит сразу, не все дается легко... В общем, грустно и непривычно после домашней жизни: никакой романтики поначалу нет. Но тогда почему же призывники просятся на флот? Ведь на флоте служба длиннее на целый год! И на этот вопрос тоже ответят письма. Мы видим один из многих волнующих до слез эпизодов: прощание матросов и старшин, отслуживших свой срок. Прощание с кораблем, с друзьями... Одни сдают материальную часть, другие принимают... Смена смене идет. И когда новый матрос — наш герой — впервые попадает на военный корабль, когда отдает первое приветствие корабельному флагу и с гордостью сообщает: «...теперь мой адрес: ракетный крейсер «Грозный»,— мы уже видим его на боевом посту.

Пребывание на советских военных кораблях помогло создателям фильма постигнуть глубину настроений моряков, подружиться с ними. Поэтому они шли от их жизни, а не выдумывали ее. Есть в фильме совсем крохотный фрагмент: встреча с советской подводной лодкой, всплывшей где-то далеко-далеко от дома. Звучит только одна, оброненная как бы между прочим фраза вахтенного офицера, что лодка сорок шесть дней не всплывала на поверхность.

Сорок шесть дней... Полтора месяца без солнца и неба в корабельных отсеках подводной лодки... И хотя авторы тут отнюдь не педалируют, в этом фрагменте до нас полностью доходит смысл повседневного подвига, совершаемого экипажем. В трудном походе матрос стал взрослее.

Вот только теперь письма другу, домой, на «гражданку», туда, где все привычно, где каждый — сам себе хозяин, обретают ощущение подлинной романтики, той самой, возвышенной, к которой и стремился наш герой... Авторы фильма, подтверждая эту романтику, привлекли огромный материал, волнующий и наглядный, предельно убедительный для размышлений и выводов.

В фильме, поставленном по сценарию В. Беренштейна на студии имени Горького, с любовью обрисованы советские моряки, преданные и самоотверженные друзья людей, друзья мира на всех параллелях и широтах земли.

Тихон НЕПОМНЯЩИЙ,
кинодраматург

Кадр из фильма. Советские моряки идут на помощь горящему итальянскому танкеру.

Сцена из спектакля.

Фото С. Хенкина.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОПЕРЕТТА

В суровые годы гражданской войны дочь царского генерала Ирина Волховитинова полюбила простого моряка, встретившись в госпитале с матросом Михаилом. Однако любящие расстались: Ирина с семьей покидает Россию, едет во Францию, где ждет ее горькая судьба...

Проходит много лет.

Идет война... В море гибнет советское военное судно. Командир корабля Михаил и его давний друг и помощник Василий, попавшие в фашистский плен, бегут из концлагеря и вступают в отряд движения Сопротивления, действующий в небольшом городке под Парижем. Однажды моряков выручает из беды француженка Симона, и вдруг

СУДЬБЫ ПРИРОДЫ И МЫ...

Два фильма говорят о неисчислимых возможностях природы, если только к ней относиться бережно. Об ее будущем...

Мне посчастливилось посмотреть подряд один за другим эти фильмы: «Природа всегда права» и «Планета — океан». Именно посчастливилось. Потому что все мы любим природу — свежий воздух, лес, чистую воду,— порой не задумываясь о том, как бережно следует сохранять ее, заботиться о ней.

Обе картины публицистичны в самом прямом и высоком смысле этого слова. Они убедительны, аргументированы, эмоциональны.

Первый фильм создан совсем юным вгиковцем, выпускником операторского факультета Валерием Ледковым. Он делал свою дипломную работу на Байкале, куда поехал с комплексной экспедицией Института географии Академии наук СССР.

Над второй лентой работала студия «Центрнаучфильм». Ее создали режиссер В. Капитановский, сценарий В. Капитановского и Б. Ляпунова, операторы М. Цирульников, А. Климентьев, А. Попов и звукооператор М. Гофштейн.

Авторы интересно, живо рассказывают о насущных проблемах, волнующих океанологов,— об изучении поверхностного слоя океана, использовании морских продуктов и водорослей, добыче полезных ископаемых...

Кинорассказ этот особо важен потому, что СССР — страна морей и океанов. Привлечь внимание к их ресурсам — задача очень серьезная и важная.

Г. СМЕТАНИНА

«МЕЧТАТЕЛИ» — НОВЫЙ ТЕАТР

Как бы счастливо ни сложилась судьба артиста, у него непременно есть творческие мечты, которые по тем или иным причинам не удалось осуществить. В актерской среде давно жила мысль о создании театра, который предоставлял бы свою сценическую площадку артистам различных театров, где каждый мог хотя бы частично реализовать свою заветную мечту: сыграть главную, но еще не сыгранную роль, поставить сцены из любимой пьесы, приготовить концертную программу.

Начало такому театру положено. Он родился при Центральном доме работников искусств. Название «Мечтатели» точно соответствует его благородному назначению.

Для первого публичного вечера сцена этого своеобразного театра была отдана актрисе театра имени Вахтангова, заслуженной артистке республики, лауреату Государственной премии Галине Пашковой. Она выступила с концертной программой из произведений Бертольта Брехта, разработанной совместно с режиссером Д. Ливневым. Программа — стихи, песни, рассказы — шла в сопровождении инструментального квартета под управлением И. Ягодина.

Создателей своеобразного спектакля интересовал главным образом Брехт-антифашист. Галина Пашкова поет, рассказывает, читает стихи Брехта без микрофона. Удивительно чистый голос актрисы звучит то гневно, то по-женски кокетливо, то по-детски доверчиво, то насмешливо и язвительно...

Пашкова читает Брехта...

Брехт на советской сцене всегда несколько иной, чем на сцене немецкой: у наших актеров, думается, меньше рационализма, в их исполнении он проще и добрее...

Галина Пашкова, внеся свою лепту в раскрытие бесценного эмоционального богатства, которое таится в поэзии Брехта, и сама нашла «второе дыхание» в работе над Брехтом. Пусть же с этой интересной работой актрисы встретится самый широкий зритель.

Б. ЗАХАВА,
народный артист СССР

оказывается, что Михаил помнит ее еще по Москве, когда Симона была гувернанткой в семье Волховитиновых!..

Дружба «маки» и советских воинов крепнет в борьбе против фашистских оккупантов. И наконец в День Победы вновь встречаются в Москве все советские и французские друзья, прошедшие столь долгий путь борьбы и испытаний...

Сложна, но полна жизни и правды сюжетная канва новой оперетты народного артиста СССР Вано Мурадели «Москва — Париж — Москва» (пьеса В. Винникова и В. Крахта), с большим успехом идущая и в столице и во многих других музыкальных театрах страны.

С блеском играет княгиню Волховитинову народная артистка РСФСР О. Власова. Трагедию белоэмигранта — генерала Волховитинова — правдиво раскрывает заслуженный артист РСФСР А. Горелик; его балладу «Прости меня, моя Россия» публика неизменно встречает аплодисментами.

Всех актерских удач спектакля не перечислишь, особенно же радует в нем молодежь. Чудесно играют мужественных советских патриотов В. Николаев (Михаил) и необыкновенно обаятельный В. Мишле (Василий). Верная дружба моряков хорошо охарактеризована в дуэте третьего акта «Если бы не ты!..». Многоплановые роли Ирины и Симоны талантливо исполнены актрисами З. Ивановой и С. Варгузовой.

Удаче спектакля, поставленного заслуженным деятелем искусств Казахской республики Г. Ансимовым, во многом способствуют слаженное звучание оркестра и хора под управлением дирижера, музыкального руководителя постановки Г. Черкасова, отличные декорации художника О. Арутюняна.

Приятно отметить новаторство Театра оперетты, показавшего интересный и волнующий, героический спектакль.

Борис АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР

НА ЭКРАНЕ ПОДВИГ ОРЛОВСКОГО

Если бы Кирилла Орловского не было на свете, а из-под пера художника появилось бы жизнеописание такого, как он, человека, наверняка кто-нибудь сказал бы, что автор, мол, выдумал героя... Человеку, мол, не одолеть такой дороги. Не пронести такой ноши через десятилетия...

К счастью, Кирилл Орловский жил на земле. И прожил он такую жизнь, в которой каждый день — бой, каждый этап биографии — подвиг, каждый шаг — пример героизма.

Прославленный чекист, мужественный партизанский вожак, знаменитый председатель знаменитого белорусского колхоза, Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда... Все мы знаем, как распорядился этот человек отпущенными ему судьбой годами. И все же очень хорошо, что студия «Беларусьфильм» еще раз напомнила нам об этой жизни кинолентой «В огне жизни», поставленной по сценарию Вал. Пономарева режиссером И. Вейнеровичем (оператор Э. Гайдук).

«В огне жизни» — фильм-портрет, фильм-сборник коротких новелл. Главное их достоинство — публицистичность. Тут все публицистично: и текст, и режиссерские приемы, и операторские находки, и музыкальное сопровождение, и особенно внутреннее, философское звучание картины — осмысление легендарной жизни Кирилла Орловского, всего события.

Вот один только эпизод... Светлое утро. Совсем еще рано, а Кирилл Прокофьевич уже собирается начать длинный трудовой день, необъятный по заботам... Сборы нелегки. Искалеченный в бою председатель не в состоянии даже одеться сам, ему помогает жена. И почти двадцать пять лет так... Каждое утро, в любую погоду...

Великолепных кадров много в фильме. Глубоко волнуют разговор Орловского с секретарем райкома партии, сцена в больнице, рассказ старшей дочери... Вспоминаешь их и думаешь о мудрости настоящего героизма.

Что же самое героическое в биографии Орловского?.. Выполнение труднейших заданий ЧК или участие в борьбе за свободу Испании? Партизанские будни в Белоруссии или добровольное возвращение в родные Мышковичи, которые были сожжены и разорены, а он приехал, чтобы вернуть Мышковичи к жизни, изувеченный врагами и неопытный в председательских делах, одинокий? Все здесь взаимосвязано, утверждает фильм. И подчеркивает тем самым, что великая мудрость героизма не только в способности человека совершить подвиг, но в способности быть до конца верным тому, ради чего подвиги совершаются.

По разным причинам кинохроника «взяла» от Орловского сравнительно мало. Во всяком случае, взяла далеко не все, что следовало бы сохранить для истории. Тем не менее авторы фильма сумели выбрать из прежних лент и отснять заново такие кадры, показать такие страницы жизни героя, которые делают фильм заметным и ярким произведением нашей кинодокументалистики.

А. ЩЕРБАКОВ

Минск.

СЦЕНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КОСМОНАВТА

...А после спектакля встреча с Германом Титовым...

Фото В. Журавлева.

Над беломраморной лестницей — барельеф К. Э. Циолковского. Он как бы символизирует близость Калужского театра драмы к космической теме. И действительно, тема эта театру дорога и близка; доказательством тому — с успехом идущий здесь спектакль «Космонавты».

Спектакль создан по роману Геннадия Семенихина «Космонавты живут на земле».

Герой спектакля — военный летчик-истребитель Алексей Горелов — человек смелой и сильной души, человек ищущий... Успешно завершив сложнейший космический рейс, он добивается своей главной жизненной цели.

Для нас, людей, каждодневно пропагандирующих идеи Циолковского, космическую науку, встречающихся со «звездными братьями» не только в официальной обстановке, но знающих героев близко, пьеса имела особое значение. Нам хотелось узнать, как донес театр до зрителей образы покорителей Вселенной.

С самого начала видно было, что театр поставил перед собой непростую задачу. «Ее трудность,— говорил главный режиссер театра, заслуженный деятель искусств Литовской ССР В. Каплин,— определялась тем, что спектакль о космонавтах создавался на сцене впервые».

Актер Г. Шевченко, работавший над образом летчика-космонавта Горелова, заметил, что весь период работы над ролью был очень беспокойным, трудным, но в то же время очень радостным.

Приятно заметить, что творчество большого постановочного коллектива оказалось достойным доброй оценки.

Спектакль о космонавтах, настоящих героях, патриотах Родины, помогает воспитывать молодежь, в том числе и тех, кто примет участие в дальнейшем покорении Вселенной... Таково мнение зрителей-калужан.

А. КОСТИН,
заведующий Домом-музеем К. Э. Циолковского

СЛОВО ДОБРОЕ О «ГНЕВНОМ СЛОВЕ»

«Гневное слово» — еще один из тех целевых сборников, выпускаемых в 1970 году издательством «Искусство», появление которых в свет хочется сразу же отметить словом добрым. Адресованные участникам самодеятельности, артистам народных театров, они в большинстве своем предлагают тематический репертуар, серьезно обдуманный и тщательно отобранный. Так и в данном случае: «Гневное слово», бесспорно, позволит руководителю кружка художественной самодеятельности, режиссеру народного театра выступить с концертом не просто интересным, но глубоко содержательным. Большой общественный смысл сборника отчетливо выражен на первых же его страницах, где двое персонажей говорят публике:

ВЕДУЩАЯ. Я хочу, чтобы прозвучали гневные слова против отвратительного пьянства, нарушающего труд, делающего бессмысленным отдых, разрушающего семью, уничтожающего человеческую личность!

ВЕДУЩИЙ. А я за решительную борьбу с пьянством вообще и с каждым пьяницей в отдельности.

ВЕДУЩАЯ. Я хочу, чтобы прозвучали гневные слова против хулиганства, не щадящего ничего и даже самое дорогое у человека — жизнь!

ВЕДУЩИЙ. А я за решительную борьбу с хулиганством до тех пор, пока не исчезнет из нашего общества последний хулиган!

Хулиганам и пьяницам объявлен самый решительный бой в программе концерта «Гневное слово».

Лучшими номерами для чтецов, несомненно, станут пламенные стихи Владимира Маяковского, сохраняющие и сегодня весь свой боевой накал. В сборнике они представлены щедро. Здесь «Два опиума», «Рассказ о Змее-Горыныче и о том, в кого Горыныч обратился нынче», «Душа общества», «Хулиган»...

Немалую ценность представляют, на мой взгляд, несколько напечатанных в сборнике одноактных пьес, где тема борьбы с пьянством и хулиганством решается с позиций глубоко нравственных. Авторы таких пьес, как «Опоздавшие», «Можно, я пойду с вами?», «Женщина уходит в дождь», «Мир в ладонях», стараются докопаться до истоков порочного явления, ищут причину беды. Да, социальных истоков она теперь не имеет, но как же часто она начинается с кажущихся пустяков, с малого. А увяз коготок — всей птичке пропасть: «пустяк» переходит в привычку, привычка — в болезнь, травмирующую окружающих, мешающую людям жить...

В конечном счете борьба против пьяницы и хулигана — это не пустяки, а серьезнейшая общественная задача, борьба народа против позорнейших пережитков прошлого. Искусство в этой борьбе призвано сыграть огромную роль.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Николай БЫКОВ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

«...Этот город, который я знаю уже давно, более 10 лет, оставил во мне немало дурных воспоминаний, но я эскулап, я должен быть объективен и судить по справедливости. Ялта лучше Ниццы, несравненно чище ее. Но русские курорты бедны и потому скучны, ужасно скучны, скучнее даже, чем поездка на кумыс».

А. Чехов.
Последний год XIX века.

ЮБК... Нужно ли расшифровывать эти три буквы? ЮБК... Страница отечественной истории. Ворота в страну здоровья. ЮБК — позывные еще одной проблемы государственной важности, в решении которой заинтересованы тысячи и тысячи людей, жителей северных широт и восточных долгот нашей страны. Южный берег Крыма — заветное место паломничества всех, кто поклоняется солнцу золотого полуострова. ЮБК—страна, которую еще предстоит узнать миллионам, потому что лишь в последние годы забота о ней стала реальностью и постепенно воплощается в расчетах, чертежах, строительных лесах. И если еще пять лет назад паломники ЮБК сетовали на то, что цивилизация слишком медлит с захватом столь благодатного живого куска земли, то ныне есть все основания вспомнить мудрое: «Семь раз отмерь...»

Ибо долгожданная «индустрия отдыха» довольно бесцеремонна в своих железобетонных отношениях и с легко осыпающейся линией берега, и с крымскими лесами, и с самим морем. А море не прощает ни одного неверного хода со стороны тех, кто посягает на великое равновесие в природе.

До сих пор я неплохо знал степной Крым, горькое Присивашье, рисовые чеки Джанкоя, безводье Керченского полуострова, его беды от черных бурь и наводнений. Это все Крым, мало кому известный за пределами области. Это тот Крым, который до сих пор нуждается в новоселах. Но кто же при упоминании Крыма думает о суховеях, о поливной пшенице, о рисовых чеках и о пальметных садах? Для большинства побывавших там и не бывавших ни разу в жизни Крым — это Большая Ялта, а Большая Ялта — пляж и «сплошь рестораны»... Но в Ялте есть и рыбколхоз «Пролетарский луч», и совхоз «Горный», и комбинат «Массандра», и научно-исследовательские институты имени Сеченова, «Магарач».

Троллейбус мчит к морю, в Ялту, которой я не знал. Над асфальтом широкой дороги повис вертолет «МИ-8». Рейс Симферополь — Ялта. Кажется, что солнечный ветер сносит вертолет за зеленый перевал. Троллейбус легко скатывается следом, потом, поотстав, урчит на подъеме, милостиво дает обогнать себя такси и «Волгам». Троллейбус — вот первый пример одной из решенных проблем. Эстеты говорят, что сливающиеся в бетонную стену опоры троллейбусной линии мешают воспринимать экзотику крымской дороги. Может быть, может быть, но зато теперь есть возможность в месяцы «пик» быстро и бесшумно перевозить к морю десятки тысяч пассажиров в сутки. Летом самолеты с отдыхающими приземляются в Симферополе каждые сколько-то там минут, и лишь троллейбусы решили проблему «десантирования» страждущих на ЮБК.

Наверное, только весной и можно вникать в проблемы Большой Ялты. Весной... Летом же, говорят, здесь приезжих «навалом», и тогда уж не до «цивилизации»,— лишь бы отвоевать несколько квадратных сантиметров днем у моря и чуть больше после захода солнца, дабы скоротать темную знойную ночь... Конечно, счастье не в лежаках, но проблема Большой Ялты — это не только «дворцы здоровья», но и те же самые лежаки.

Трудно вообще быть на земле городом-курортом. Втройне трудно быть Ялтой. Сегодняшней Ялтой. Ибо когда-то все здесь устраивалось будто само собой, и устраивалось отлично. Теперь вот какой уж год регистрируют наплыв отдыхающих, людской цунами! Причем обладатели завидного здоровья порой не прочь потеснить тех, для кого месяц-два в Ялте важны для лечения. Конечно, конфликта нет и быть не может. У Ялты добрая слава курорта. Слава города, откуда рукой подать и до открыточного «Ласточкина гнезда», и до пыльных бастионов Севастополя, и до генуэзских башен Судака, и до могилы Александра Грина в Старом Крыму...

Ялта, Большая Ялта... Есть где отдохнуть, но... Где поставить машину? Где жить тем, кто кормит отдыхающих, заправляет машины путешествующих гостей, выдает лежаки, увеселяет и лечит, рекламирует и строит, строит Ялту?

Кипарисы, гнездовья старенькой Ялты с теплыми камнями тесных стен и сухими жгутами дикого винограда в живописных дворах. Там и сям «виды», которые так и просятся на базарный коврик с сюжетом «знойного юга». И рядом — море. Вот оно, играючи, перетирает гравий и галечник. Вот оно, вечно «модное» — все остальное стремительно устаревает: и архитектура курортного города с дореволюционным стажем, и интерьеры санаторных корпусов под «дворцы», и принцип устроительства пляжей. В том-то и трудность: на чаше весов надо разместить и геодезию, и стоянки автомашин, и жилье для приезжающих без путевок, и новинки архитектуры, и растущие возможности миллионов семейных бюджетов.

В Ялте и над Ялтой немало зеленых ковров и лесов, некоторые называют их пустырями, якобы самой природой приготовленными для застройки. Но «пустыри» — последние зеленые окна в мир тишины и прохлады. Так ли уж необходимо закрывать их асфальтовыми и бетонными ставнями? Ибо если не будет тех окон, почводержащих и влагоемких, не будет и Крыма. Кончится Крым. Да, нужда в новых строительных объектах велика. Очень! Но нельзя брать гравий под ногами на пляжах Коктебеля. А ведь было такое — брали, открывая дорогу морским валам. А было и такое — занесли руку с топором над крымскими кипарисами...

А проблема воды? Старожилы помнят, как воду на набережной стаканами продавали мальчишки. Потом ее привозили морем в танкерах. Воды в Крыму и поныне мало, об этом знают немногие. Водопровод, канализация — вот что еще сдерживает размах жилого и санаторного строительства в Большой Ялте. Мне рассказывали, что недавно здесь мыли ресторанную посуду... нарзаном, а то и квасом. В 1959—1963 годах вода пришла по тоннелю, пробитому под хребтом. Когда-то по ту сторону гор речушка Бельбек пересыхала. Ее перекрыли, воду собрали и направили по тоннелю (а это более семи километров!) в Ялту. Подземная река — решение еще одной проблемы. Постепенно, постепенно...

1920 год. Декабрь... Москва в снегах. Начало зимы, но дрова уже на исходе. Граждане новой России думают о тепле. Надо выстоять до конца зимы, до конца войны, до весны. Они знают, что выстоят. Только поэтому они и побеждали в те страшные годы. Только поэтому одолели турецкий вал Перекопа, пешком, аки по суху, перешли Сиваш в ноябре, ворвались на тачанках в золотую страну ЮБК, ключи от которой врангелевцы забросили в почерневшее зимнее море. 21 декабря 1920 года В. Ульянов (Ленин) подписал декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об использовании Крыма для лечения трудящихся».

...Главный архитектор города Ялты Эдуард Михайлович Демидов неожиданно предлагает:

— Давайте попытаемся обойтись без цифр. Ключ к решению многосложной проблемы Большой Ялты в словах ленинского декрета: прежде всего лечение и восстановление трудоспособности...

Но без цифр не обошлось. Утвержден генеральный план реконструкции и строительства Большой Ялты — завтрашний день побережья от Гурзуфа до Фороса. И тут — колонки цифр, комментирующих главную: восемьдесят километров ЮБК...

Каковы принципы, заложенные в генплане? Не закрывая дорогу в Крым для всех желающих отдохнуть на берегу моря, создать максимум удобств для нуждающихся в лечении. В первый советский курортный сезон 1921 года в Ялте отдыхали, залечивали раны около восьми тысяч бойцов революции, большевиков, переживших каторгу. В прошлом году «организованных» отдыхающих и лечившихся было около пятисот тысяч человек! Полмиллиона. А сколько же тогда обидно называемых «дикарями»?

Можно ли их учесть? Никакой официальной статистики нет. И учесть всех, кого поманила и покорила, по словам главного архитектора Э. Демидова, лирика Ялты, можно лишь... по количеству выпекаемого хлеба. Хлеб — критерий, оказалось, вполне надежный. Так вот, в месяцы «пик» 1969 года Ялта съедала хлеба раз в пятнадцать больше, чем в зимнее время. И на здоровье! Считается, что всего побывало в том году до полутора миллионов человек! Они с аппетитом выпивали 200 тонн молока в день. Хорошо! Ежесуточно автобусная станция Ялты обслуживала свыше десяти тысяч пассажиров.

А что ожидают руководители города и служба сервиса в ближайшие годы? Расчет таков: на конец проектного периода (25—30 лет) численность мест будет увеличена в лечебно-курортных учреждениях до 75 тысяч, в оздоровительных (дома отдыха, турбазы, пансионаты) — до 44 тысяч, а в мотелях, гостиницах — до 90 тысяч мест. Нагрузка для сегодняшней Ялты немыслимая.

Но увеличение числа отдыхающих механически повлечет за собою увеличение числа обслуживающих. Таков закон курорта. Уже сейчас нелегко укомплектовать штаты здравниц, мест отдыха и развлечений, а также магазинов, ресторанов, столовых. А не лучше ли призвать на помощь технику? Машины, автоматы? Большую Ялту готовят в основном (80 процентов объема услуг!) для тех, кто нуждается в лечении. Остальные — не взыщите. Должно помочь сознание, что в сущности ЮБК — зона уникальных природно-климатических условий, и транжирить гектары и даже квадратные метры золотого побережья неразумно, часто и невыгодно.

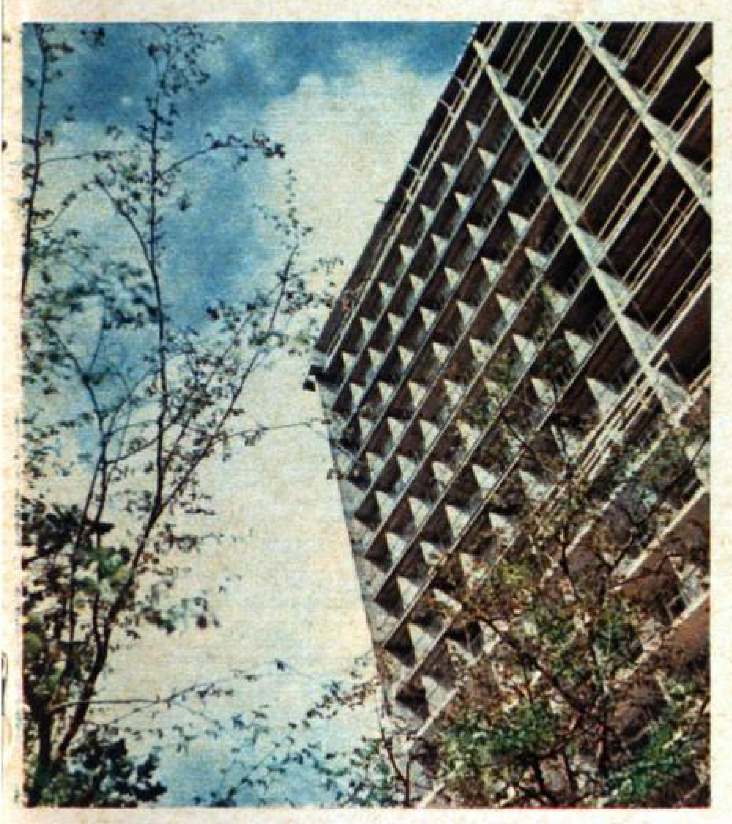
Кстати, о выгоде, о курортном хозрасчете. Хорошо, что здесь безбедно может прожить каждый. Троллейбус дешев. Место под пляжным солнцем стоит недорого, а то и вовсе ни копейки. И нет ничего плохого в том, что до Ялты добраться дешевле, чем из центра страны до Соловков, до Красноярских столбов или тем более до Тувы или до Байкала. Но вот тут-то и есть над чем подумать. Именно хозрасчет должен извлечь выгоду из сезонного людского цунами. Но только не за счет тех, кто приехал «восстановить трудоспособность». Если лечиться, другое дело, тут все должно быть для тебя. Ну, а если только ради развлечения, то будь добр оплати «веселья час». Естественно, поездка в страну ЮБК требует накоплений. Она не обязательна для человека здорового, молодого, еще не видавшего ни Мещеры, ни тундры за Айхалом, ни Сахалина (хотя бы Южного). Вы, читатель, пышущий здоровьем, не согласны? Давайте поспорим... Чур, совесть — тоже аргумент.

Надо осознать, как это и приличествует каждому, кто чувствует себя хозяином страны, что на ЮБК все проблемы. Например, раздаются голоса в пользу железной дороги. Но ценность земель крымских, лесов, стоящих на страже водного режима побережья, такова, что решиться на строительство железной дороги очень трудно. И так во всем.

Время наше таково, что служба сервиса, комфорт — в повестке дня. Дорога в Ялту никому не заказана. Именно поэтому нельзя больше игнорировать ни «индустрии отдыха», ни «курортной цивилизации». Они же несут с собою определенные потери, они потребуют и жертв со стороны любителей и охранителей природы. И тем не менее поступь их неизбежна. Комфорт в Крыму должны получить все гости, и в первую очередь тысячи нуждающихся в море и в особом здешнем солнце. Во имя этого построены и строятся комплексы «Заря», «Донбасс», гостиница «Интурист», санатории «Парус» и «Орлиное гнездо». В каждом комплексе обязательны многоэтажные спальные корпуса, столовые, бары, бассейны, спортивные залы...

Курортное строительство, к сожалению, еще не стало отраслью народного хозяйства, а ведь именно в этом был смысл ленинского декрета. И вдруг выясняется, что до сих пор требуется немало энергии, чтобы внести перелом в практику жилищного строительства в Ялте. Лишь в этом году в план включили разработку новых, именно ялтинских типов жилья (прямо скажем, город не украшают те коробки ниже общесоюзного стандарта, которые ставились до сих пор где попало). Эдуард Михайлович Демидов порадовал тем, что применение уже разработанных

Архитекторы Большой Ялты (слева направо): Э. Демидов, Ю. Постников, И. Татиев.

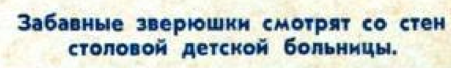
Новый 16-этажный корпус санатория «Ай-Даниль».

Ресторан «Лесной» на озере Караголь.

На развороте вкладки: секретарь комсомольской организации станции «Скорой помощи» Евгения Герасимова.

Теплоход «Россия» у причала Ялтинского порта.

Бар «Крабы».

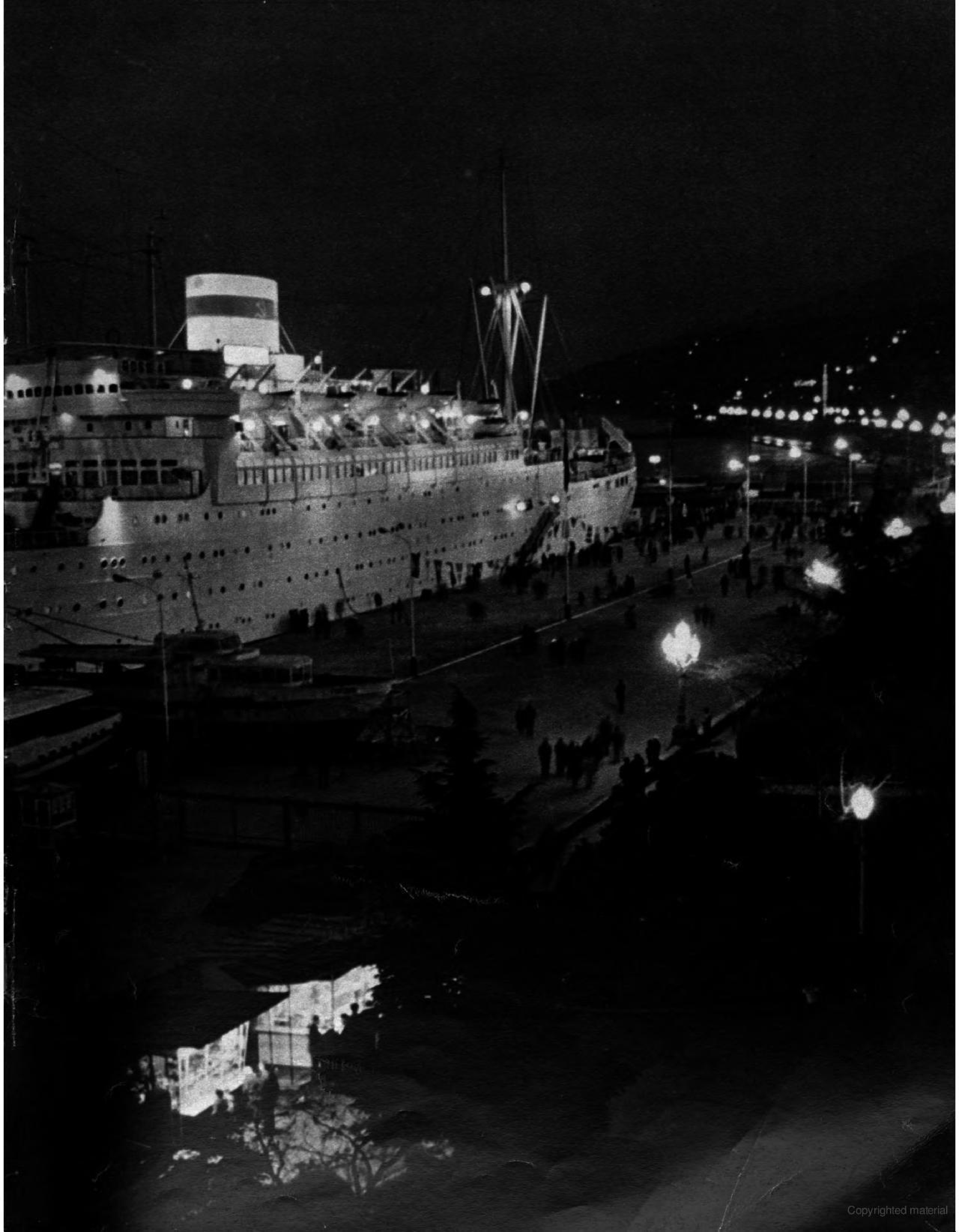

Забавные зверюшки смотрят со стен столовой детской больницы.

Ялта. Вид на город с ресторана «Горка».

Выставка «Художники — детям» в новом выставочном зале Союза художников СССР.

Выставочный зал Союза художников СССР.

блоков, их набор позволит осуществлять неожиданные решения: уступы, каскады, открытая перспектива и прочее. Однако строительная база оставляет желать лучшего. Не помогают и постановления республиканских органов власти. А ведь Большая Ялта — здравница всесоюзного значения. Именно поэтому ее судьба должна решаться обязательно комплексно, со всесторонним охватом проблемы. Да и средства сюда должны направляться одной рукой, централизованно. Пока же застройка побережья ведется на глазок, хозяйничают тут десятка три ведомств!

Более пятидесяти проектных организаций посильно работают на полуострове. А ведь это разные вкусы, разное понимание проблем, это и разные возможности. Скоординировать, сделать единой политику градостроительства на ЮБК пока практически невозможно. Об этом говорили мне и в Ялтинском горкоме и в Крымском обкоме партии. Ведомства же не знают ценности земли полуострова, а главное — побережья. Не знают часто и сейсмических условий. А ведь пример застройки мыса Пицунды небоскребами почти на линии прибоя заставляет крымских градостроителей с тревогой о многом подумать: здесь море то же самое, и здесь оно не менее коварное. В Ялте уже исчезли в свое время не одна улица, не одна набережная. Неумное использование склонов убило тут не один родник, не один ручей, а оползни и в нынешнем году, как и в прошлые годы, рвали асфальтовые дороги. Речь идет не о том, чтобы отступить, а о том, чтобы не давать воли бульдозерам. Да, и запад Большой Ялты, и районы Голубого залива, «Зари», «Понизовки» — все они будут застроены, но по принципам, заложенным в генплане.

Перефразируя известное изречение, можно смело сказать, что город начинается с вокзала. Ялта начинается с автовокзала. Описывать его бесполезно: ни места, ни красок не хватит. Здесь надо быть. Имя автора проекта в Ялте слышишь на каждом шагу: Георгий Варламович Чахава. Его творение — уже праздник. Отсюда и начинается ялтинский сервис. Вот вышли вы из автобуса. Вас встречают прежде всего справочные всех видов: видеотелефон, электронная установка с набором кнопок и легким шелестом металлических страниц, телекамеры и указатели, управляемые дистанционно.

— Заманить — наша цель,— поясняет директор автовокзала Г. И. Горфинкель,— не отогнать смущенного приезжего от города, а заманить его. Вы нажимаете на кнопку «Сарыч» и читаете...

Я нажал и прочел: «Сарыч — мыс, самая южная точка Крыма, ехать на автобусе, расстояние 47 км, стоимость 70 коп.».

— Надо тронуть, сдвинуть человека с места. О, это, поверьте, искусство...— говорят мне.

Охотно верю, по себе знаю, как тяжелы чемоданы отпускника... Но вот видеотелефон. Парень жмет кнопку, и на экране... На экране Ира Тарасова, она возникает, выплывает из глубокой голубизны, юная, красивая, доброжелательная.

— Девушка, как бы... где тут квартиру подыскать?

— Квартирное бюро на улице Рузвельта, проехать можно...

— Спасибо, девушка! Какая вы красивая...

— Я об этом знаю...

Ира уплывает, растворяется в голубом — в море, в воздухе Ялты. Этого парня, считайте, «заманили». Он теперь знает, что Ялта гостеприимна. А это важно почувствовать! Пассажир — существо прихотливое, ему надо угодить. Ему надо билет «обеспечить», да еще в оба конца. Пожалуйста. Пообедать вкусно? Обязательно. В «Джалите», в «Ницце», а еще есть «Лесной» на Караголе — живописнейшее место. А еще есть бар «Крабы» и погребок винный, где вам, кстати, объяснят, что такое винотерапия: «Ни одна подводная лодка в мире не уходит в поход без сухого вина... Кагор в двадцатые годы спас четверть населения новой России от тифа, от смерти...»

И тут хорошо бы приезжему знать, что имя Николая Эрнестовича Шпаковского в Ялте почетно так же, как имя архитектора Чахавы. Николай Эрнестович — управляющий трестом ресторанов. Вы вот его фамилии и не слышали, а блинная машина Шпаковского известна кулинарам многих стран. О тесте он может говорить часами. За горшочком с дичью по-охотничьи Николай Эрнестович рассказал о кухонной индустрии нынешней Ялты — шутка ли, накормить полтора миллиона человек за сезон! Сколько пальцев пообрезали, чтобы открыть тысячи банок со сгущенкой и соусами, а он придумал такой диковинный нож, который за несколько секунд взрезает банку.

— Нельзя было в новый пищекомбинат входить с пустыми руками, с бабушкиной скалкой. Нельзя издеваться над тестом.— В этом Н. Э. Шпаковский убежден.

Теперь на комбинате машина, дающая непрерывную блинную ленту — 750 блинов в час, а три машины дают до сорока тонн в сутки! Для замеса теста приспособили фаршемешалку, лук сечет переоборудованная соломорезка, эклеры «шприцует» тоже машина — до 150 тысяч штук в сутки. А про то, как найден принцип пирожкового конвейера, можно написать увлекательнейшую книгу.

Есть новинки и в торговой сети. Прежде всего это магазин «Сервис». Здесь выполняются заказы на продукты. Утром по пути на пляж или на процедуры отдыхающий оставляет заявку, а вечером он обнаружит дома заказанный набор. Можно и самому зайти за заказом — не велик труд. Очереди тут не предусмотрены, а людей и машин достаточно.

Надо сказать, что в последние годы ялтинцы повернулись лицом к приезжающим. Много делают строители. Директор совхоза «Горный» Н. М. Сотников ломает голову над овощным конвейером для курортников. А еще он думает: как бы это утилизировать тонны пищевых отходов? Выход — свиноферма, но только на уровне века. Не десяток «ароматных» сараюшек, а комбинат, хорошо продуманный, замкнутый цикл: поступает молочный поросеночек, а на выходе — бекон, заливное и прочие виды продукции. Тут уж слово за люксповаром Шпаковским! Во всяком случае, осуществись одна из идей Н. М. Сотникова, и совхоз, волею судьбы попавший в курортную зону, обернется этаким рогом изобилия.

Люди твои, Ялта... Здесь славно трудится кавалер ордена Ленина Захар Иванович Калабун. Он помнит, помнит натиск на врангелевцев! Ныне Калабун водитель-наставник. Здесь живет Никифор Никитич Котляров, старый и всеми уважаемый повар, умеющий так вкусно поведать о тайнах старой кухни — и тут уж старик переходит на французский! Короче:

— Не надо новых блюд, и старых не переешь!.. Равнодушие, стряпня — вот беда...

Нет, нельзя назвать равнодушным молодого Николая Мацко, заведующего производством из «Джалиты». Это он, Николай Степанович, восстановил многие блюда из «репертуара» старого Никитича. Архитекторы П. А. Старнков, автор лесной сказки на Караголе И. Г. Татиев и Ю. А. Постников, художник-чеканщик Геннадий Давыдов, бригадир тепличного хозяйства Надежда Ерохина, тренеры морского лечебно-плавательного бассейна, агрономы зелентреста и шоферы грузового автотранспортного предприятия, занявшего первенство в Союзе, официанты и гиды — их тысячи, людей из службы сервиса, помогающих превратить каждый ялтинский день в праздник. Думаю, что самое время и место привести цифры — нет, без них не обойдешься: Ялта — это 355 магазинов, 438 торговых «точек», 265 столовых, кафе, ресторанов. Ялта — это 120 здравниц!

...Город у моря. Быть таким городом нелегко. Помните: «Пассажир — существо прихотливое». Тем более что пассажир, как только ступит он под своды детища Чахавы, перестает быть таковым. Отныне он в звании отдыхающего. Ему вынь да положь, да еще и улыбнись! Ялтинцы, мне показалось, это понимают. Они и не возражают — такова их участь, призвание, таковы их профессии.

Вот почему естественно и искренне приглашает в город Ира Тарасова — «телесправочная», возникающая из голубизны то ли горного воздуха, то ли близкого моря. Она доброжелательна и красива и знает об этом. Такова, пожалуй, и сама Ялта. Сегодня. А завтра?.. Но пока здесь всё, как при Чехове: «Пароходы то приходють, то уходють». И автобусы тоже. И такси. Это, наверное, оттого, что Ялта лучше Ниццы...

ВДОХНОВЕНИЕ И МАСТЕРСТВО

Однажды редактор нашей армейской газеты «В бой за Родину» пригласил меня и еще одного сотрудника и сказал:

— На Волховский фронт в нашу армию приехала делегация из блокадного Ленинграда. Срочно туда, и быстро очерк в номер!

Когда мы прибыли в часть, где находилась делегация, то, к великому удивлению своему, я увидел в числе ленинградцев Веру Михайловну Инбер. Хотя я, конечно, знал, что поэтесса в осажденном городе и сражается с врагом своим поэтическим словом, тем не менее увидеть ее в волховских лесах и болотах не ожидал. Ведь путь из Ленинграда к нам был неимоверно трудным и очень опасным, не всякому удавалось преодолеть его. А Вера Михайловна приехала и прекрасно выступала перед нашими бойцами с приветом от ленинградцев, со стихами, которые трогали сердца окопных слушателей, готовившихся к наступлению.

На обратном пути в редакцию мой спутник сказал:

— Не верю глазам своим. В моем представлении с этой поэтессой, с ее именем связано нечто рукодельное, камерное.

— Было,— ответил я,— было, но давно прошло! Разве чудесные стихи памяти Ильича, написанные в дни его похорон, не показали нам, что родилась новая поэтесса, шагнувшая из будуара в широкие просторы народной жизни?..

Вспоминая сейчас этот фронтовой разговор, я вновь перечитал классическое стихотворение поэтессы «Пять ночей и дней». Как глубоко и точно выражено в нем чувство всеобщего горя, охватившего людей:

Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

Вместе с людскими толпами, которые текли к Колонному залу, «неся знамена впереди», была и Вера Инбер. В дни Великой Отечественной войны она была на переднем крае как гражданин и поэт, как коммунист. В своем ленинградском дневнике «Почти три года», этом исключительном по душевной силе документе о страданиях и мужестве великого города, Вера Инбер рассказывает, как 29 декабря 1943 года ее на заседании бюро райкома принимали в ряды партии. После этого она мысленно обратилась к себе: «Как действуют сейчас мои стихи? Как работало мое перо, мое оружие, в осажденном Ленинграде? Сумела ли я хоть в какой-то степени быть нужной ему? Я отвечаю за это. Мне это поручено партией, это мое партийное дело».

Со своей партийной задачей Вера Михайловна Инбер справилась отлично. В поэме «Пулковский меридиан», запечатлевшей подвиг Ленинграда, мы читаем такие, проникнутые острым чувством автобиографические строки:

Без жалости к себе, без снисхожденья
Иду по этим минным загражденьям
Затем, чтобы перо свое питала
Я кровью сердца. Этот сорт чернил...
Проходит год — они все так же алы,
Проходит жизнь — им цвет не изменил.

Да, кровью сердца написаны стихи и поэмы, рассказы и очерки, дневники и статьи Веры Инбер. Вы ощутите это и при чтении путевых записок «Америка в Париже», где писательница подымает голос против империализма, и знакомясь с книгой «Место под солнцем» — о путях интеллигенции к новой жизни, и листая лирические сборники поэтессы. Все ее творчество пронизывает гневное неприятие капиталистического мира, ненависть к фашизму, к угнетению человека. О ее социально-этической позиции можно судить по таким выразительным строкам:

Избавить мир, планету от чумы —
Вот гуманизм! И гуманисты — мы.

Революционный гуманизм, новые отношения между людьми, торжество коммунистических идеалов видит писательница, повседневно общаясь с людьми в многочисленных поездках по стране, встречаясь с выдающимися современниками. И об этом рассказывает она в стихах и прозе последних лет, свидетельствующих о росте ее художественного мастерства, о взыскательности к своему творчеству. Этому посвящена книга «Вдохновение и мастерство», статьи и письма товарищам по перу, беседы с молодыми литераторами. Раскрылось богатство души поэтессы и в ее увлекательных книгах для детей.

Все, о чем пишет Вера Инбер, отмечено талантом человечности, неиссякаемой любви к людям, строящим новое, коммунистическое общество.

В день восьмидесятилетия мы желаем Вере Михайловне здоровья, счастья и успехов на поприще ее славной творческой деятельности.

Григорий БРОВМАН

Сергей ВОРОНИН

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Едва на дороге показалась эта специальная с темным высоким фургоном машина, как сразу же небольшая толпа, преимущественно из женщин — старух и пожилых,— пришла в движение, и все разом, словно по команде, повернули к дороге; стали напряженными почерневшие от солнца и ветра лица, и смолкли всякие разговоры, и только слышно было, как неподалеку шумит Чудское озеро.

И так, не обронив ни звука, они простояли до той минуты, пока машина не подошла к клубу, и даже тогда молчали, когда из кабины ловко выскочил молоденький милиционер с маленькой звездочкой на погонах и деловито прошел к дверке, которая находилась в задней стенке фургона, и открыл ее ключом.

Оттуда на солнечный свет, на мягкий ветер, веявший с большой прохладной воды, показалось бледное лицо с остриженной головой, и тут же крупная, разработанная рука ухватилась за край проема, и арестант стал неуверенно спускаться по приставной лесенке на землю. И когда спустился, щурясь, стал вглядываться в толпу и отыскал там своих — жену, дочь, сынишку — и, не увидав старшего, пасынка, заметался взглядом, но, отыскав и его, стоявшего чуть в стороне, успокоился и опустил голову. И только тут в толпе послышались какие-то неясные говоры, кто-то охнул, заплакал. Он потянулся на плач, но милиционер тронул его за плечо, и он пошел, и все расступились, давая ему дорогу в клуб.

Как только подсудимый вошел в большое помещение, заставленное лавками, так сразу же судьи, почему-то все женщины, разошлись по своим местам. То есть судья села в центре небольшого стола, покрытого красной материей, по бокам от нее — народные заседатели, одна из которых работала дояркой в совхозе, а другая — полеводом; справа от судейского стола села, оправив короткую юбку, стройная, с живыми, улыбающимися глазами прокурор, слева — защитник, полная, с добрым, усталым лицом пожилая женщина. Рядом с нею пристроилась сухонькая, озабоченная секретарь суда. Она дождалась, когда люди разместились по лавкам, поглядела на передний ряд, где должны были находиться свидетели, после чего стала называть фамилии.

Первой она назвала жену подсудимого Екатерину Николаевну Авилову. За то время, как случилась в ее семье беда, она похудела, даже состарилась и теперь стояла сутулая, будто кто ее давил к земле.

— Здесь я,— ответила Авилова. Голос ее прозвучал тускло, без прежней веселой уверенности.

Затем был назван Сергей Зимин, сын ее от первого мужа, студент третьего курса сельскохозяйственного техникума, мрачноватый парень, в коротком пиджачке с разрезами по бокам и густой черной челкой, закрывавшей лоб.

— Здесь! — ответил он.

— Авилова Елена! — сказала секретарь.

— Здесь! — ответила дочь подсудимого. Она встала, и все увидели вытянувшуюся не по возрасту, с тонкой шеей и заплаканным лицом девочку лет тринадцати.

— Здесь! — бойко ответила свидетельница Петрова, когда назвали и ее имя, соседка Авиловых, осанистая женщина с пышной грудью и крепкими короткими ногами, горожанка, приехавшая в отпуск в деревню.

Когда были названы все свидетели, начался суд.

Подсудимый сидел перед судьями на выдвинутом вперед стуле, и всем сидевшим в зале была видна его опущенная стриженая голова, синевато-бледная и потому казавшаяся маленькой по сравнению с сильной загорелой шеей и широкими угловатыми плечами.

Судья попросила Авилова Николая Васильевича — так звали подсудимого — встать. Он встал. Когда судья начала задавать ему вопросы, он повернулся к ней левым ухом, напряженно вслушиваясь, но, отвечая, каждый раз выпрямлялся и старался глядеть прямо и честно в глаза судье. Она спросила его, где он родился, в каком году, женат ли, сколько детей, служил ли в армии, где работает. На все вопросы Авилов отвечал негромко и однотонно. Родился здесь, в деревне Кузёлово, лет — тридцать пять, женат, трое детей, в армии не служил, работал в колхозе трактористом.

Сбоку от него сидел милиционер. С довольным видом он поглядывал то на судью, то на подсудимого, и чувствовалось, что ему нравится быть во всем происходящем одним из главных действующих лиц. Нравилось и то, что подсудимый ведет себя тихо и, надо надеяться, так спокойно будет вести себя до конца суда. Когда подсудимый ответил на все вопросы, милиционер удовлетворенно кивнул головой и посмотрел на судью, как бы говоря: «Все в порядке, можете продолжать дальше».

Судья попросила свидетелей выйти из зала, как она сказала — «отдохнуть». Свидетели один за другим покинули зал. Последней вышла жена Авилова.

Когда за ними закрылась дверь, было зачитано обвинительное заключение, из которого стало ясно, что Первого мая Авилов Николай Васильевич, находясь в нетрезвом состоянии, поджег свой дом. Дом сгорел дотла, сгорели все вещи, сгорели крытый двор и вместе с ним корова, девятипудовый боров, овцы.

— Признаете ли вы себя виновным? — спросила судья.

Авилов, вместо того чтобы ответить, заплакал. Стоял и плакал, торкая себя то в один, то в другой глаз скомканным платком. Глядя на него, закачали головами старухи. Все знали и Николая и жену его Катю и знали, какая беда приключилась с ними, и все жалели их.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь,— сказала судья. Несмотря на весь свой опыт судейской работы, ей непривычно было глядеть на плачущего мужчину. Помолчав, она повторила вопрос:

— Признаете ли вы себя виновным?

— Признаю,— ответил Авилов.

— Понимаете ли вы, что совершили? Оставили без крова своих детей, жену...— Это она сказала не только для него, сколько для всех сидевших в зале, чтобы лучше поняли, какое преступление совершил Авилов, их однодеревенец.

— Непоправимо это.— Снова заплакал Авилов, и его широкие, прямоугольные плечи еще сильнее задергались.

В зале зашевелились, послышался сочувственный говор — милиционер строго сдвинул брови, давая понять, что это ему не нравится, и в зале стихло.

— Расскажите все, как было,— сказала судья и, хотя она хорошо знала «дело», приготовилась внимательно слушать.

— Это было Первого мая,— не сразу начал Авилов. За все время рассказа он ни разу не изменил голоса, говорил так, будто у него не было в груди сердца.— Я поехал в совхоз, к сестре в гости. Она звала нас, только Катя не могла: на ней овцеферма. Просился со мной младший сынишка, на мотоцикле ему хотелось прокатиться, но я не взял, подумал: все же в гостях придется выпить, и мало ли чего может на дороге случиться... В гостях я пробыл часа полтора. Выпил, конечно, но немного. И поехал обратно. Было часа уже четыре, когда я вернулся. Катя была еще на ферме. Я хотел пойти ей помочь, но вот тут-то все и началось. Сергуня, это мой старший, стал просить у меня мотоцикл съездить в соседнюю деревню, навестить бабушку. Она на праздники ушла к своей сестре. В другой бы раз я дал, а тут вижу, он выпивши. Я еще спросил его: «С кем это ты угостился?» «С Костькой»,— ответил он мне. Это есть такой у нас парень. Ну, я отказал ему, боялся — разбиться может, а он по-своему понял, будто мне жалко мотоциклета...— Авилов замолчал и молчал долго, видимо, вспоминая тот день и час.— В общем, нехорошо получилось... Если б была Катя, может, и не дошло бы до позора. Я не дал мотоцикл, Сергуня стал вырывать его у меня из рук. Ну, я оттолкнул его. «Чего ты,— говорю,— с ума, что ли, сошел!» Вот тогда он мне и сказал: «Мотоциклета жалеешь, а что живешь в чужом доме, это как?» «В каком чужом?» — спросил я, а сам уже понял, о чем он говорит. В их дом-то я пришел. Только ведь тому пятнадцать лет будет. «А в таком,— ответил Сергуня,— что этот дом моего отца. Тут камни и те для тебя чужие!» После таких его слов мне стало обидно...— Авилов опять замолчал.

— Что же было дальше? — спросила судья.

— Сейчас трудно все обсказать, только в ту минуту на меня будто черная туча навалилась. До того тяжело стало, что даже воздуху не хватало... Ну, чтобы доказать, что Сергуня не прав, что мотоцикла мне совсем не жалко, я стал рушить его... фару разбил. А потом понял, что это все ни к чему. Ушел в дом. Сижу и плачу.

— Что-то вы часто плачете,— сказала судья.

— От обиды...

— Ну, продолжайте.

— Тяжело мне было. И в первый раз потянулся к водке. Выпил. Думал, полегче станет, а вышло еще хуже. И не знаю, что делать. Выходит, все пятнадцать лет, что любил, воспитывал Сергуню, что работал, заботился, все зря. И с такой злостью мне он сказал, что даже камни и те чужие... И вот тут услышал я, как в печке дрова трещат. И подумал: «Взять да и спалить все. И не будет тогда больше упреков из-за это-

го дома». Но это я только так подумал, решенья-то не было. А тут, слышу, дверь в сенях стукнула. Я выхватил из плиты головешку и сую ее к стене. Думал, Сергуня идет. А оказалось, дочка. Увидела она у меня головешку, закричала и обратно. И тут, слышу, Сергуня бежит. Открыл он дверь и сразу за кочергу. И на меня. Я-то думал, увидит он меня, поймет, до чего довел, и устыдится. А он ударил меня. Лоб рассек. И убежал. А я как увидел на руке кровь, так и совсем потерял себя. «Вот как,— думаю,— дело пошло. Руку на меня поднял, и все из-за дома. Да провались ты и дом этот. Сгори живьем!» ...Ну, вгорячах, конечно, я так подумал, а тогда решил — спалю!.. И спалил... побежал в дверь, а она заперта. В окно выскочил... Побежал к Кате, на ферму, упал перед ней на колени, сказал: «Прости меня: я ведь дом сжег»...

— Это могли бы и потом сделать,— осуждающе сказала судья.— Надо было не «на колешки» падать, а спасать скот хотя бы.

— Не до того мне было...

— Не хотите что-нибудь добавить?

— Нет...

— Садитесь. Вопросы у сторон будут?

ЕНИЕ

— Да,— сказала прокурор.— Скажите, подсудимый, как же вы все-таки подожгли дом? Неужели одной головешкой?

— Да,— не поднимая головы, ответил Авилов.

— Как же вы это сделали?

— Положил к стене... Потом еще бросил головешку.

— И что же, стена сразу загорелась?

— Да...

— Сразу?.. А бензином или керосином вы не обливали стены?

— Нет... Не обливал.

— У меня больше вопросов нет.

— Разрешите мне,— сказала защитник.— Скажите, Авилов, в каких вы были отношениях с Анастасьей Петровной, матерью первого мужа вашей жены?

— Я не обижал ее.

— А она вас?

— Я понимал ее и потому не обижался. Так мы с Катей условились.

— Ну, а подробнее.

— Подробнее... Теперь это уже в прошлом. Дома-то нет, и укора больше не будет.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не нравилось ей, что я живу в доме ее сына.

— Она работала в колхозе?

— Нет, она уже старая.

— Значит, она была на вашем иждивении?

— Мы не считались с этим.

— У меня больше вопросов нет.

— Садитесь,— сказала судья подсудимому.— Пригласите Авилову Екатерину Николаевну.

Милиционер быстро вскочил, прошел четким шагом к дверям и вызвал Авилову.

— Вы должны говорить только правду,— сказала ей судья, в то время как секретарь подала Авиловой лист бумаги, чтобы она расписалась в том, что будет говорить только правду.— Расскажите все, что вы знаете о своем муже и как случился пожар.

Екатерина Авилова с жалостью посмотрела на бледно-сизый затылок мужа, делавший его таким непохожим на того сильного, ласкового человека, с которым она прожила пятнадцать лет, и, смахнув набежавшую слезу, вздохнула.

— Хорошо мы жили с Колей... Он пришел в наш дом совсем молоденьким: двадцать лет всего было. Вот наши деревенские не знают, а ведь я ему говорила: зачем я тебе? Ведь на восемь лет старше. А он ответил: «Я слушаться буду тебя». И ни разу меня не обидел. И к детям ласковый... Работник такой, что поискать. Ничего плохого не могу сказать про Колю. И нет у меня на него зла. И к Сергуне хорошо относился, как к своему. Учиться его заставил. Теперь уж кончил три курса Сергуня.— Екатерина Авилова помолчала, как бы собираясь с мыслями, что еще сказать.— Хорошо мы жили... Заботливый Коля, старательный, сложа руки не посидит. Все в деле. Если правду сказать, так и дом-то теперь его: и крышу шифером покрыл, ведь была солома, и вагонкой весь дом обшил, и покрасил, и крылечко застекленное сделал. И все вещи, которые мы с ним нажили, все новое, от старого ничего не осталось... Телевизор был... Стиральную машину купили...

— Вы про пожар расскажите,— сказала судья.

— Про пожар я узнала от Коли, когда он прибежал ко мне. Очень расстроенный был, прямо не в себе. Выбежала я с фермы, а там, где наш дом, огонь до неба...

— Вы знаете, из-за чего пожар произошел? — спросила судья.

— Сергуня обидел. Да не свои это он слова сказал, бабка все домом попрекала. Невзлюбила она Колю. С самого первого раза, как он пришел, не приняла его. По незнанию сел на то место, где раньше Василий сидел, первый мой муж,— он утонул,— так она согнала его. Велела сажать туда Сергуню, внука. Потом портрет вынесла из своей комнаты, повесила на самом виду, сына портрет, Василия,— это к тому, чтобы указать, кто в дому хозяин... Но мы с Колей условились не обращать внимания на это... Человек она старый, да и понять ее можно: в горе она...— Екатерина Авилова выпрямилась, и судья увидала измученное лицо с большими, расплывшимися от тоски глазами.

— Вопросы у сторон будут? — чуть дрогнувшим голосом спросила судья.

— Да,— сказала защитник.— Скажите, Авилова, а разве у вашего мужа, Николая Авилова, не было своего дома?

— Он ведь без отца, с матерью жил. Отца в войну повесили как партизана. Сестра была старшая, но вышла замуж, уехала... И жил Коля с матерью сначала в землянке, а потом уж кое-как сладил домишко. Мы его на баньку переделали, когда его мать умерла.

— У меня больше вопросов нет,— сказала защитник и откинулась на спинку стула: в зале было душновато.

— Разрешите мне,— сказала прокурор и внимательно посмотрела на Авилову.— Скажите, вы дома держали бензин или керосин?

— Нет, в дому не было.

— А где хранили?

— Во дворе держали немного керосина, на случай, если погаснет электричество. А бензин Коля хранил за баней, в канистре.

— Скажите, в каком месте находился во дворе керосин? — быстро спросила прокурор.

— За дровами.

— В чем он был?

— В банке.

— У меня вопрос к подсудимому. Скажите, Авилов, вы знали, где находился керосин?

— Знал.

— Вы настаиваете, что от головешки произошел пожар?

— Да... настаиваю.

— У меня вопрос к свидетельнице. Скажите, чтобы достать банку с керосином, надо было выбегать на улицу? Или можно было через сенцы выйти во двор?

— Можно и через сенцы,— нерешительно ответила Екатерина Авилова.

— У меня больше вопросов нет,— сказала прокурор и что-то записала.

— Во стригет! — громко сказал сидевший в зале старик Морков.

Милиционер строго взглянул на него и укоризненно покачал головой, Морков сделал вид, будто это и не он говорил.

— У вас есть вопросы к свидетельнице? — спросила судья у Авилова.

Авилов долгим печальным взглядом посмотрел на жену и не судье, а ей сказал:

— Нет у меня вопросов.

— Садитесь,— сказала судья.

Но Авилов продолжал стоять, вглядываясь в лицо жены. За то время, что он просидел в тюрьме, она два раза навещала его, но то ли сумрачен там был свет, то ли ему было только до себя, но он не замечал той перемены, которая так резко бросилась ему в глаза. Перед ним стояла не та Катя, какую он привык видеть каждый день: с большими ясными глазами и веселым ртом,— старуха стояла перед ним, с опущенными углами губ, с тусклым взглядом, и даже брови вразлет были вытянуты в одну ломаную черту. Авилов прерывисто вздохнул и отвернулся.

— Попросите свидетеля Зимина,— сказала судья.

Милиционер бодро вскочил, прошагал к дверям и молодцевато крикнул:

— Зимин!

Вошел Сергуня. Он бросил настороженный взгляд на мать, на отчима, но ничего не уловил для себя и встревоженно поглядел на судью.

— Вы должны говорить только правду,— сказала ему судья.— За ложные показания будете привлечены к уголовной ответственности. Идите распишитесь, что будете говорить только правду!

Секретарь суда деловито придвинула на край стола лист бумаги, и Сергуня нерешительно расписался. Нерешительно потому, что он боялся говорить правду. Не скажи он тогда отчиму тех обидных слов, ничего бы и не было — ни пожара, ни суда. Так что вина его есть. А коли есть, то, кто знает, как может обернуться суд. И не получится ли так, что и он вместе с отчимом окажется на скамье подсудимых? Поэтому, когда судья попросила его рассказать, из-за чего произошла у него с отчимом ссора, Сергуня, прежде чем произнести слово, так его обдумывал, так медлил, что судья не раз как бы подталкивала его, заставляя все рассказать, что он знал.

— Мотоцикл не дал он мне, а я хотел бабушку проведать,— сказал он и замолчал.

— Ну, не дал, что же дальше?

— Я обозвал его жадным.

— Ну, ну, дальше... Обозвал жадным. Дальше что?

— Он стал ломать мотоцикл.— И Сергуня опять замолчал.

— Зачем же он стал ломать?

— Не знаю...

— Ну, а что дальше?

— А потом он убежал в дом и поджег его...

— Зачем же он поджег?

— Не знаю...

— Ну, как же так, ни с того ни с сего взял да сжег дом?! Наверно, какая-нибудь причина была?

— Не знаю...

— Ну, что ж, не знаешь так не знаешь... У сторон вопросы будут?

— Да,— сказала защитник,— скажите, свидетель, вы говорили отчиму о том, что он жадный, когда он не дал вам мотоцикл?

— Сказал,— не сразу ответил Сергуня, хотя и отлично помнил, что говорил, и сознался только потому, что надо было говорить правду.

— Так разве вам непонятно, что вы обидели его, заподозрив в жадности? Он жалел что-нибудь для вас? Были такие случаи?

— Нет...

— Скажите, говорили вы отчиму о том, что он живет в чужом доме, что камни в этом дому и те для него чужие?

Сергуня встревоженно посмотрел на мать, но мать сидела, опустив голову, посмотрел на отчима, но тот не обернулся, поглядел на судью и увидал пристально смотрящие, ждущие от него ответа глаза.

— Не помню, может, вгорячах и сказал...

— Было так, что вы ударили отчима по голове? — сурово спросила защитник.

— Это нечаянно я,— выкрикнул Сергуня,— хотел у него выбить головешку!

— Вы замечали разницу в отношениях к вам и к своим детям со стороны отчима?

— Нет... нет.

— Значит, он хорошо к вам относился?

— Да...

— У меня больше вопросов нет,— сказала защитник, и от этих ее слов, что «больше вопросов нет», Сергуня встревожился, чувствуя, что в своих ответах допустил ошибку, в чем-то проговорился и что это может худо отозваться на нем. Но это длилось недолго, до той минуты, когда его стала спрашивать прокурор. Тут с каждым ответом он все больше успокаивался и под конец уже ободрился совсем.

— Скажите, свидетель, когда вы пытались выбить головешку из рук отчима, не видели вы у него банку с керосином?

— В тот раз не видел, а когда прибежал с соседкой Петровой, то у отчима была банка.

Авилов, до этого сидевший понуро, быстро обернулся на Сергуню, но тут прокурор обратилась к нему:

— Скажите, подсудимый, вы настаиваете на том, что не было банки?

— Не было,— с отчаянием в голосе ответил Авилов.

— Свидетель, вы утверждаете, что именно банка была в руках отчима? Не ковш? Не чайник? Не ведро? А банка?

— Банка,— ответил Сергуня, испытывая сложное состояние и очищения и какой-то нравственной грязи, понимая, что ухудшает положение отчима и одновременно как бы защищает себя. И вздохнул, услыхав голос старика Моркова.

— Во как, вали батьку-то! — громко сказал Морков.

Судья предупреждающе постучала карандашом по столу. Милиционер строго сдвинул брови. Но Морков, этот вездесущий старик, без которого не обходилось ни одно дело в деревне, снова принял такой вид, будто он тут и ни при чем. Но слова его услышали сидевшие рядом и стали осуждать Сергуню.

— Чего ему надо валить-то? Легче, что ли, без батьки будет? — возмущенно сказала Степанида, рыхлая старуха, и сурово посмотрела на Сергуню.

— Если банки не было — один разговор,— не удержался опять Морков,— а если была — совсем другой. А так мало ли, от искры могло...

Судья еще строже постучала карандашом, и разговоры стихли.

— Подсудимый, у вас будут вопросы к свидетелю? — спросила она.

— Будут,— ответил, вставая, Авилов и поглядел на Сергуню широко раскрытыми глазами.— Скажи, кто закрыл дверь на закладку?

— Я не знаю,— быстро ответил Сергуня.

— Но ты-то не закрывал?

— Нет... Честное слово, нет!

— О какой закладке идет речь? — спросила судья.

— А это у нас дверь так из сеней закрывается. Когда еще малые дети были, чтоб не убегали из дому, на закладку мы запирали...— ответил Авилов.

— А сейчас при чем закладка?

— Так ведь я же из огня не мог выйти,— ответил Авилов, и в зале все ахнули.— Когда Сергуня с Петровой вбежали в кухню, а там все горело, так они обратно, и я за ними, а дверь-то оказалась на закладке...

— О как! Живьем хотели сжечь,— снова раздался голос Моркова.

— Да за что же? — громко спросила Степанида.

— А вот про то следует расследовать. Видишь, куда дело пошло? — ответил Морков и увидал устремленный на себя взгляд милиционера.— Обмен мнениями! — сказал он ему.

— Я вас удалю из зала суда, если будете мешать,— сказала судья Моркову.

— Просим прощенья,— поклонился ей Морков и сам тут же вполголоса пробурчал: — Слова лишают, видала?

Но судья его не слышала, и суд продолжался.

— Скажите, свидетель,— спросила защитник,— могла сама закладка упасть и закрыть дверь, ну хотя бы от содрогания, от стука?

— Нет, она тяжелая. Железная.

— Были только вы и Петрова?

— Да.

— Значит, не вы закрывали на закладку?

— Нет, честное слово, нет!

Авилов слабо улыбнулся и больше ни о чем не спросил пасынка.

Вызвали Лену, его дочь. Высокая, тоненькая, слабая из-за своего роста, она жалостливо поглядела на отца и подошла к судье.

— Лена,— ласково, как говорят детям, сказала судья,— ты должна говорить только правду. Поняла?

— Поняла,— чуть слышно ответила Лена.

— Скажи все, что ты знаешь про пожар.

— У нас все сгорело,— ответила Лена.

— Это мы знаем. А из-за чего сгорело?

Лена поглядела на отца и промолчала.

— Ну, мы тоже знаем, это твой папа виноват,— сказала судья и подумала, что не стоило бы вызывать девочку на суд.— Скажи, что ты знаешь о ссоре Сережи с папой?

— Я не знаю: меня дома не было.

— А когда ты пришла?

— А когда я пришла, то в кухне уже горело...

— А кто-нибудь был тогда в кухне?

— Был папа...

— Вопросы у сторон будут? — спросила судья, все больше убеждаясь в том, что не надо бы ребенка вызывать на суд.

— Да,— ответила прокурор.— Скажи, Лена, когда ты вошла в кухню, у папы была в руках банка?

Лена посмотрела на отца, на его опущенную голову, и ей стало так жалко его, что она чуть не заплакала. В последний раз она видела его в то утро, когда приехал милиционер и увез его. Но тогда столько горя сразу навалилось на них всех, что и без дома остались, и без вещей, и без еды, и что корова сгорела — это Лене было особенно непереносимо,— что она с какой-то тупой безучастностью отнеслась к аресту отца, понимая, что это он, хоть и по несправедливой обиде, обрушил на них беду. Теперь же, когда время прошло и жизнь снова стала налаживаться,— им собрали посуду, одежду, даже деньгами помогли, правление колхоза вынесло решение построить им дом, и уже на пепелище стоял новый сруб,— теперь ей было только жаль отца, и хотя в тот час, когда она вбежала в дом, когда уже горели стены, она видела в руках отца банку, тут она не могла сказать, что видела, и сказала: «Не видела».

— Не видела или не было? — спросила прокурор.

В зале наступила такая тишина, что было слышно, как скрипнула под Морковым скамейка.

— Не было, не было! — чуть ли не крикнула Лена и увидела, как отец совсем низко опустил голову, а в зале зашевелились.

— Садись, Лена,— сказала судья и попросила вызвать Петрову.

Петрова бойко простучала каблуками от двери до судейского стола и остановилась.

— Вы должны говорить только правду,— сказала судья.

— Я никогда не вру,— тут же ответила Петрова.

— Тем более,— сказала судья,— идите распишитесь, что будете говорить только правду. За дачу ложных показаний можете быть привлеченной к уголовной ответственности.

Петрова расписалась и поправила прическу.

— Скажите все, что вы знаете о пожаре,— сказала судья.

— Ничего не знала до той минуты, пока не прибежал Сергей. От него я узнала, что Авилов жжет дом. Я сказала «с ума сошел!» и побежала. Но как только мы открыли дверь, так сразу же огонь хлынул на нас. И я, потрясенная, убежала. Дом сгорел. Больше я ничего не знаю.

— Подсудимый, у вас есть к свидетельнице вопросы? — спросила судья.

— Есть,— ответил Авилов, пристально всматриваясь в Петрову.— Это ты закрыла дверь на закладку?

— Я.

— То есть как это ты? — даже растерялся Авилов.

— А вот так, я! Ты бы поглядел на себя. Кошмар! В крови, в огне, мне так и подумалось, что можешь убить меня или Сергея, поэтому и закрыла.

— А то, что я мог сгореть? — спросил Авилов.

— С чего ж это тебе гореть? Окна-то были. В любое сигай!

— Ну, баба! — засмеялся Морков.— Сигай в окно, вот черт! — И эта неожиданная развязка с закладкой оживила всех. Даже судья улыбнулась.

— Будут у сторон вопросы? — спросила она.

— Да,— ответила прокурор.— Скажите, Петрова, вы видели в руках обвиняемого Авилова банку, когда вбежали в дом?

— Видела.

— У меня больше вопросов нет.

— Разрешите мне,— сказала защитник.— Скажите, свидетельница, какая это была банка?

— Банка?.. Я не помню.

— То есть как не помните? Вы же видели ее. Большая она или маленькая?

— Мне как-то ни к чему...

— Какого цвета?

— Не обратила внимания.

— Вот так видела! — раздался громкий голос Моркова, и в зале засмеялись. Но милиционер строго оглянулся, и все стихло.

— Ну, стеклянная была банка или железная?

— Не знаю. Только видела у него банку. Да он и сам это знает. Или отказывается?

— Подсудимый утверждает, что никакой банки у него не было.

— Была, была!

— Но какого цвета или формы, вы не помните?

— Ей-богу, не помню, испугалась до ужаса. И нечего ему запираться. Только подумать, сжег дом, с ума сойти!

— Упаси христос! — перекрестилась старуха Степанида.

— Садитесь, Петрова,— сказала судья и предоставила слово сторонам.

— Мы судим горе! — сказала прокурор.— Несчастная семья. Жалок и подсудимый. Нам жаль их, но все же мы не должны забывать, какое опасное совершено преступление! — И дальше она стала говорить о пожарах, о том, какое это бедствие для деревни, когда впритык один к одному стоят деревянные дома, когда достаточно спички, чтобы огонь охватил всю деревню, когда сгорают дети.— И здесь, здесь все это могло быть!.. Точно установить не удалось, была ли банка с керосином в руках у обвиняемого, то есть сознательно он сжег свой дом или в состоянии психического расстройства совершил это, но дело в конечном счете и не в этом. Он сжег дом. Он в этом сознался. Характеристика от правления колхоза говорит о нем как о человеке трудолюбивом и честном, поэтому я предлагаю, исходя из соответствующей статьи Уголовного кодекса, ограничиться мерой наказания для Авилова Николая Васильевича сроком на два года с содержанием в исправительно-трудовой колонии.

— Ну, два уже ничего, может, еще и

скинут. Статья-то до восьми лет,— сказал Морков и приготовился слушать защитника.

Защитник просила только о снисхождении суда к подсудимому, отцу несчастной семьи.

Дали последнее слово Авилову.

— Уж очень мне было обидно,— сказал он,— из-за этого и пошло все колесом.— И, помолчав, тихо добавил: — Простите...

* * *

Суд приговорил его к двум годам лишения свободы. В ту минуту, когда зачитывали приговор, объявили срок, словно тугая воздушная волна накатила на Авилова, он качнулся — и ярко вспомнился ему тот далекий день, когда он мальчишкой, и с ним еще двое, таких же, как он, разрядили гранату. Их было много на псковской земле, таких злых игрушек, после войны. И раздался взрыв, один из них был убит, другой ослеп, а Николай Авилов оглох. Постепенно, с годами, слух вернулся, но не совсем, потому и в армию не взяли.

Волна качнула его и опустила, только долго в ушах стоял звон. И под этот звон повел его милиционер. И все толпой хлынули из клуба на улицу, на солнце, на мягкий влажный ветер Чудского.

Милиционер открыл дверку машины и уже безо всякой официальности, просто сказал:

— Прощайтесь.

Лена, плача, кинулась к отцу, за ней припал к нему сынишка, во время суда он сидел, забившись в угол, оттуда засматривая на отца, теперь он прильнул к нему, и Авилов ласково водил ослабевшей рукой по его мягким, шелковистым волосам. Жена скорбно глядела на него и не утирала слез. Сергей стоял в стороне. Опять в стороне, как и тогда, несколько часов назад, когда привезли отчима.

«Что же это? — подумал Авилов.— Значит, совсем чужие».— И поглядел на пасынка и увидал то, что дано видеть только страдающему человеку: Сергей томился, в его глазах было не меньше страдания, чем у отчима, но ему что-то мешало сделать шаг, чтобы приблизиться, открыть свою душу.

— Сергуня,— с болью сказал Авилов. И тут случилось то, что должно было случиться, потому что в сердце этого парня еще была доброта, еще равнодушие не успело ее загасить, еще так недалеко было детство, когда отчим качал его на ноге и брал с собой на покос и на озеро, и Сергуня сделал шаг к нему и громко, так, что все услышали, вскрикнул:

— Отец, это я во всем виноват!

И словно камень свалился с сердца Авилова, и только тут он понял, что все эти два месяца, пока сидел в тюрьме до суда, всего больше заставляла его страдать изо дня в день не сама беда, а то, что произошло у него с пасынком, когда думалось: если близкий становится таким жестоким, то чего же ждать от чужих людей?

И как на суде, когда он поверил, что Сергуня не закрывал его на закладку, так и теперь он слабо улыбнулся, прижал к себе старшего, и уже то, что ожидало его впереди — два года незнакомой суровой жизни,— не так страшило его, и где-то, как просвет в глухом лесу, завиднелся для него кусок голубого неба.

Так мы шли часами...

Анатолий АГАРЫШЕВ

Фото автора.

ФРОНТ ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЖУНГЛИ

РЕПОРТАЖ ИЗ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

В отблеске пламени костра лес кажется декорацией на огромной сцене, на которой разыгрываются эпические, поражающие воображение картины. Через несколько минут по партизанским тропам через леса и болота мы пойдем в глубь освобожденных районов страны. Нам повезло: скоро должна появиться автомашина, она идет с боеприпасами во фронтовой сектор. А пока что с интересом осматриваем все, что происходит вокруг: мы среди тех, кто сегодня днем вел ожесточенный многочасовой бой с врагом.

Мое внимание привлекает вещевой мешок у костра — весь в застежках и ремешках и с мотком стального троса. Трос торчит из кармана, похожий на меч «куп-куп», которым местные крестьяне прорубают в джунглях тропу среди лиан.

Несколько минут назад с этим мешком к костру подошел человек. Он был в ободранной гимнастерке, с автоматом в руках. Человек снял гимнастерку и повесил ее сушить на лиане, а сам лег у костра на спину и громко захрапел, раскинув в стороны руки. Когда пламя костра затухало, человек исчезал в ночной тьме, сливаясь с землей. Он был черен, как сама земля, как Африка... Отблески пламени то гасли, то вспыхивали, скользя по широкой, будто натертой пальмовым маслом груди человека. Кругом шумели, кричали, а он ничего не слышал.

Но вот где-то в кустах взревел мотор машины. Мы идем к ней, натыкаясь на сучья. Бари, наш проводник, о чем-то спорит с часовыми...

Машина останавливается, из кузова выпрыгивают бойцы. Среди них один новенький. Вот уже семь лет бойцы народной армии освобождения ведут войну с португальскими колонизаторами. Новеньких узнают сразу.

Один из бойцов — он без ноги, опирается на костыль, у пояса привязана целлофановая фляга, заткнутая бутылочной пробкой — смотрит на новичка, не отрываясь.

— Ты не узнаешь меня, Карлос? — спрашивает он наконец.

В глазах новенького нерешительность. Он переминается с ноги на ногу. Кеды, кажется, жмут ему. Щеки его дрожат. Но губы так и не могут ничего сказать. Нет, он не узнает его...

— Что ты говоришь, Карлос? Ты не узнаешь меня? Не узнаешь Томаса?..

Глаза Карлоса делаются влажными.

— Томас!..

Они обнимаются. Костыль летит в сторону.

Потом они стоят друг против друга: безногий Томас и Карлос в тесных кедах.

— Как это тебя, Томас?

— На мине...

— А семья?

— Все живые... В освобожденном районе.

— А мои где?..

Теперь Томас неловко подпрыгивает на одной ноге и говорит, уставившись в землю, не глядя другу в глаза:

— Не знаю, Карлос... После того как ты уехал, была карательная экспедиция. С тех пор шесть лет прошло. Не знаю...

Томас пытается отойти в сторону. Ему подают упавший костыль.

— Что теперь думаешь делать? — спрашивает Карлос.

— Еду учиться,— отвечает Томас.

— Мы из одного села, это друг детства,— обращается уже ко мне Карлос. — Когда он уходил в партизаны, я уезжал учиться в сельскохозяйственный институт, на Украину. Но пришлось мне вместо мирного труда взяться за винтовку.

Свидание друзей обрывает шофер. Он садится в машину, звонко хлопнув дверью.

— Так и не успели поговорить! — огорчается командир заставы, которого почему-то зовут по-русски Петей.

Мы взбираемся один за другим в кузов и усаживаемся среди ящиков и мешков.

«Пригните головы!» — то и дело напоминает нам автоматчик с подножки кабины. Мы тычемся носами в колени, а по спинам, словно веники в бане, хлещут ветви деревьев. Машина скачет по ухабам. Лес вплотную обступил с двух сторон дорогу, и кроны деревьев скрывают небо.

— До войны это была самая большая торговая дорога,— говорит Бари. Конца фразы я не слышу. Машина начинает валиться на бок, шофер останавливается и предупреждает, чтобы мы были настороже. Мы почти ложимся на дно кузова. Машина протискивается между стволами деревьев, царапая бока и крышу кабины. Наконец вновь выезжаем на дорогу. «Граница!» — показывает боец рукой куда-то в темноту. Я ничего не вижу. Чувствую только, что лес отступил немного в сторону и деревья у дороги выстроились в ряд, словно часовые. Но часовых здесь нет, и некому показывать документы.

«Проверили рюкзаки? Все в порядке? Через 15 минут выходим...» Солнце уже спряталось за горизонт. Последние минуты отдыха. Нас предупредили: сегодня будет самый трудный переход.

В воздухе отчетливо слышится звук барабана. Мы идем уже час, а барабан гремит все так же далеко, не приближаясь. На нашем пути крестьянские поля с убранным рисом и глинобитные, под соломенными крышами, селения — табанки. Свежие воронки тянутся справа и слева от тропинки.

Впереди меня с огромным, туго набитым вещевым мешком на голове вышагивает Амелия. Эта девушка из госпиталя «Донка» упросила нашего сопровождающего Бари разрешить ей идти с нами. По лицу Амелии хлещут ветви кустарника, она обламывает их на ходу, чтобы тем, кто идет сзади, было легче. Весь день с утра и до вечера португальские самолеты

бомбили соседний участок леса, за рекой.

Теперь мы уже далеко за фронтовым сектором. Мы идем по глубинным районам страны, в которых уже несколько лет прочно удерживается народная власть. Мы не прячемся, беседуем в табанках с крестьянами. В одном из селений мы встретились с товарищем Сабину. Два года он сидел в португальской тюрьме, схваченный по подозрению в помощи партизанам. Ему удалось бежать из заключения в освобожденный район.

— Наша главная задача,—рассказывает он,— обеспечить продуктами армию. Мы сеем рис, овощи, ловим рыбу. Работа в нашем хозяйстве добровольная, и немало крестьян приходит к нам, чтобы отдать плоды своего труда народной армии, партии. Мы ловим рыбу, снабжая воинские части. А когда появляются вражеские самолеты, рыбаки прячут пироги в камыши, сами забираются в воду и дышат через трубочки. За семь лет войны,— говорит он,— мы хорошо научились обманывать врага...

Нас угощают вяленой рыбой. Но приходится отказываться: соленая. Впереди длинный путь, а вода уже на исходе.

Еще несколько километров пути, и начинается первый в моей жизни переход через широкую африканскую реку. С одного берега на другой перекинут мостик из жердей. Они положены на воткнутые в дно реки рогатки и даже не связаны между собой. Пока мы доходим до переправы, ноги уже покрылись липкой грязью, и подошвы катятся, словно по льду. Сняв ботинки и балансируя руками, гвинейцы ловко перебираются с одного берега на другой. Мы же не можем проделывать этот трюк: сказывается отсутствие тренировки. Мы ложимся на жерди и ползем.

Наконец переправа закончена. Снова идем по твердой земле, но недолго. Впереди опять река, величественная и спокойная. Тихо, почти без шума подходит пирога. Перебираемся по трое. Сначала группа автоматчиков, потом я с двумя автоматчиками, потом остальные. Плывем молча. При свете фонариков вспыхивают и блестят, словно гнилушки, глаза крокодилов. Они эскортируют наши пироги с одного берега до другого. Иногда вода под кустами расходится в разные стороны волнами, но бегемоты, ленивые и неповоротливые, не обращают на нас никакого внимания. А на берегу нас уже ждут автоматчики. Они стоят по пояс в воде, подняв над головой оружие, и показывают, куда следует прыгать. Мы прыгаем в воду, и начинается медленный, тяжелый переход через затопленные водой поля недавно убранного риса. Идем след в след, цепочкой, по пути, который уже проложили двое солдат, идущих впереди. Так, мокрые, со слипшейся грязью на ногах, мы вошли в деревню. Едва солнце село за горизонт, крестьяне вернулись в деревню из джунглей. И запылали костры у хижин. Молодые парни сели на площади у бамболо (это выжженный из цельного ствола дерева барабан) и, взяв в руки палочки, послали весть о нашем прибытии; а еще барабан сообщал о том, что сегодня в деревне веселье и всех приглашают в гости. А потом парни по очереди брали в руки барабанные палочки, и в темноту полетели «частные письма». И девушки в соседних табанках узнавали почерк своих возлюбленных и летели, словно птицы, на их зов.

На площади заполыхали огромные костры из рисовой соломы. Вокруг них в ритмичном хороводе ходили юноши в нарядах из рогожи и мочала. Похожие на лесных духов, с разрисованными лицами и ожерельями из ракушек, они звенели пустыми банками, привязанными к ногам и поясу, и плясали, напевая, стараясь перещеголять друг друга. А вокруг стояли кольцом девушки, подбадривая их криками.

— По какому поводу этот праздник? — спросил я.

— Просто так,— ответили они. И это «просто так» говорило о многом. Оно означало, что эти люди, несмотря на постоянные налеты и бомбежки, ничего не боятся. Борьба — девиз их жизни.

В одной из табанок нам показали заброшенные дома, где до начала войны жили португальцы. Это были так называемые коммерческие дома. Их строили в богатейших сельскохозяйственных районах для тех, кто выкачивал из страны и отправлял за океан тропические продукты. Давно уже поросли бурьяном эти аванпосты колонизаторов и высохли травы на дорогах, соединяющих португальские лагеря. И сегодня самый оживленный путь проходит по партизанским тропам, которые пересекают всю страну.

...Уже девять часов подряд мы в пути. Впереди последняя переправа. А потом еще два часа перехода по открытой местности. Рассвет должен обязательно застать нас в лесу.

Растянувшись на полкилометра, мы еле бредем к реке, ну еще, еще немножко... Но пироги на берегу нет! Мы ходим вдоль реки и кричим. На той стороне никто не откликается. К берегу подходит боец и, подняв ствол автомата, дает одну за другой несколько коротких очередей. Звуки выстрелов эхом разносятся по реке. По-прежнему никто не откликается.

Назад возвращаться нельзя: позади — огромное открытое пространство, да и сил нет. Через два часа рассвет, и, когда прилетит самолет-разведчик, скрыться будет некуда...

Это понимают все.

И вот приходит рассвет. Противоположный берег все более отчетливо выплывает из утреннего тумана. На наше счастье, на берегу появляется крестьянин.

— Пироги нет! — кричит он.—Ее утопили португальцы...

Мы молчим, понимая, что оказались в мышеловке.

— Там, в нескольких километрах, был где-то мостик! — кричит крестьянин.

Нам больше ничего объяснять не надо. Это последняя надежда. Откуда-то берутся силы. Мы идем, почти бежим в сторону, указанную крестьянином. Проходит не больше часа, уже взошло солнце.

Вот, наконец, и мостик. Несколько жердей, положенных на рогатки. Переправа закончена, и мы снова уходим от реки через кусты, к спасительному зеленеющему лесу.

Лес встает перед нами во всей своей утренней красе. До него остается каких-нибудь сто метров по затопленному водой полю. И тут мы слышим назойливый, все приближающийся рокот в небе.

— Авион! — кричит впереди идущий боец, и мы все бросаемся в теплую, застоявшуюся воду. Теперь мы не то идем, не то плывем по илу. И вот, наконец, цепляясь за ветки и корни кустарников, выползаем из воды в лес.

Самолет-разведчик, сделав круг, уходит, а мы все еще не в силах встать, лежим, тяжело дыша. Ноги избиты в кровь.

— Я ведь пообещала покормить вас в пути,— говорит Амелия и раздает всем по горстке сухого риса. Мы жуем его и начинаем улыбаться. Солнце, освободившееся от тумана, стремительно расправляет свои лучи.

Южный фронт, действующая армия патриотов Гвинеи-Бисау.

Она взяла в руки оружие, чтобы защитить свободу и независимость родины.

СТРАННАЯ ПОЭМА ПУШКИНА

ПОПЫТКА НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ

●

Олег ШМЕЛЕВ

Белинский сказал:

«Пушкин от всех предшествовавших ему поэтов отличается именно тем, что по его произведениям можно следить за постепенным развитием его не только как поэта, но вместе с тем как человека и характера».

Почему же сам Белинский пренебрегал при разборе произведений Пушкина биографическими фактами?

П. В. Владимиров, профессор Киевского университета, историк русской литературы, в 1899 году объяснял это так: «Фактические сведения о Пушкине стали собирать только с 50-х годов» (начало положил П. В. Анненков, издавший в 1855—1857 годах «Сочинения Пушкина, с приложением материалов для его биографии и оценки произведений»).

Здесь уместно привести слова одного из крупнейших пушкинистов — Б. В. Томашевского: «Долгое время существовало мнение, что эти статьи (статьи Белинского о Пушкине. — **О. Ш.**) исчерпали тему критической оценки произведений Пушкина. Сейчас мы не можем этого повторить по ряду причин. Во-первых, все-таки Белинский не в достаточной степени знал как творчество, так и биографию Пушкина. Иногда он повторял предвзятые мнения врагов Пушкина, не располагая фактическим материалом для их опровержения».

У Белинского есть замечательное высказывание:

«Не знаем, к какому времени относится следующее суждение Пушкина о «Кавказском пленнике», но оно очень интересно, как факт, доказывающий, как смело умел Пушкин смотреть на свои произведения: «Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам...» Слова «характер, с которым я насилу сладил» особенно замечательны: они показывают, что **поэт силился изобразить вне себя (объективировать) настоящее состояние своего духа**; и по тому самому не мог вполне этого сделать» (подчеркнуто здесь и далее мною. — **О. Ш.**).

О том, с какой зеркальной буквальностью отражались в стихах Пушкина факты его жизни и его помыслы, говорит хотя бы нижеследующий пример, относящийся к тем дням, когда поэт работал над «Тазитом».

Вот стихотворение, сочиненное 23 декабря 1829 года.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого **Китая**,
В кипящий ли **Париж**, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец...

А вот письмо-прошение графу Бенкендорфу от 7 января 1830 года:

«Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во **Францию** или **Италию**. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством» (подлинник по-французски).

Обратите внимание: сначала было стихотворение, а уже потом официальная бумага. **Созревшая и облеченная в стих мысль становится программой действия.**

Тут настала пора приступить к поиску мостиков, прямо связывающих «Тазита» с фактами жизни Пушкина.

Начнем с письма, отправленного матери Натальи Гончаровой в апреле 1830 года. В нем Пушкин показывает череду тех душевных состояний, через которые прошел он за год, минувший с апреля 1829-го. Мы выделим те строчки, которые потом пригодятся нам в поисках мостиков:

«После того, милостивая государыня, как вы дали мне разрешение писать к вам, я, взявшись за перо, столь же взволнован, как если бы был в вашем присутствии. Мне так много надо высказать, и чем больше я об этом думаю, тем более грустные и безнадежные мысли приходят мне в голову. Я изложу их вам,— вполне чистосердечно и подробно, умоляя вас проявить терпение и особенно снисходительность.

Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь вам, не знаю, но какая-то непроизвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия. Я вам писал; надеялся, ждал ответа — он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастию, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние.

Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня не хватило мужества объясниться,— я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери. Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни,— а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы соблаговолили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо. Постараюсь объясниться.

Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но, будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз; может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа,— эта мысль для меня — ад.

Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, все, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И все же не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?

Вот в чем отчасти заключаются мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдете их слишком справедливыми...» (подлинник по-французски).

А теперь приступим к сопоставлениям.

Слова «в ту же ночь...» и далее заставляют вспомнить пребывание Пушкина в войске графа Паскевича, шедшем на Арзрум, и то, как безрассудно он подставлял себя под турецкие пули. И непроизвольно возникает вопрос: а безрассудство ли то было? Не умышленно ли Александр Сергеевич вел себя так, **не искал ли он свою пулю?** На это обращали внимание некоторые биографы поэта (в частности А. Скабичевский писал: «Словно нарочно искал смерти, становясь под неприятельские пули»).

Первый, отвергнутый план «Тазита» существенно отличается от второго, рабочего. Приступая к поэме, Пушкин, вероятно, вовсе не думал сделать ее исповедью и уж тем менее программой своих будущих реальных действий. Но тот бесспорный факт, что после разговора с Н. И. Гончаровой весной 1829 года им владело безотчетное желание бежать, скрыться с глаз долой, подтверждается и пунктом первого плана — «Юноша и монах». Эти настроения вылились тогда же в стихотворение «Монастырь на Казбеке»:

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

Тут Пушкин прямо говорит, по слову Белинского, о «настоящем состоянии своего духа», оставляя возможность «изобразить вне себя (объективировать)» его в «Тазите».

Можно с большой степенью вероятия предположить, что набросок первого плана, так же как набросок имен к поэме, был сделан еще на Кавказе или на пути в Москву. И Пушкин, вероятно, тогда еще испытывал колебания насчет задач, которые он собирался решать в «Тазите».

Первый план страдает некоторой расплывчатостью. Второй категоричен и четок. Пушкин отбросил колебания и принялся писать. Это произошло в конце 1829 года, когда он приехал из Москвы в Санкт-Петербург, вторично получив отказ.

Можно представить себе его настроение. Пушкин, безусловно, вспоминал, принимаясь за «Тази-

Окончание. Начало в № 26.

А. Бекарян (Ереван). ОТДЫХ.

Всесоюзная художественная выставка к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

С. Юнтунен (Петрозаводск). РЕЧНЫЕ БУДНИ.

О. Садых-Заде (Баку). ПОРТРЕТ КОЛХОЗНИЦ БАБАЕВОЙ И АХМЕДОВОЙ.

та», те далекие счастливые времена, когда он, молодой, полный надежд, только вступивший в жизнь, впервые совершил путешествие на Кавказ с любимой им семьей Раевских, а после этого создал свое «Кавказского пленника». Вспоминал и сопоставлял себя тогдашнего с собою нынешним. Сколько нравственных мучений, сколько разочарований пришлось ему пережить за минувшие восемь лет! И не свой ли портрет нарисовал он в «Тазите» как дань этим воспоминаниям?

Он иногда до поздней ночи
Сидит, печален, над горой,
Недвижно в даль уставя очи,
Опершись на руку главой.

Как эхо слов из письма «первый раз в жизни я был робок» звучат строки поэмы — обращение старика Гасуба к Тазиту:

Будь проклят мной! поди — чтоб слуха
Никто о робком не имел.

И в наброске 9-го пункта есть слова, обращенные к Тазиту:

Кто робок даже пред рабом,
Кто изгнан и проклят отцом...

На последней строке стоит остановиться.

Каково содержание поэмы? Вкратце оно сводится к следующему. «Рукой завистника убит» старший сын старика Гасуба. Его хоронят, и во время похорон появляется младший сын, Тазит. Он был отдан мальчиком на воспитание в чужой аул к седому старику. И вот мальчик превратился в стройного отрока, он воспитан «храбрым чеченцем», и Гасуб ждет от Тазита, что он отомстит за смерть брата. Но Тазит не таков, чтобы проливать чужую кровь, он белая ворона в своем племени, и Гасуб изгоняет сына из дома. Тазит влюбляется в молодую красавицу и просит у отца ее руки. На этом поэма обрывается.

Белинский говорил, что изображенная в «Тазите» «трагическая коллизия между отцом и сыном» суть конфликт «между обществом и человеком». Это глубоко верно. Но нельзя ли сказать так: между Пушкиным и обществом? Это не покажется слишком сомнительным, если учесть, что первая часть составленного Белинским равенства — «трагическая коллизия между отцом и сыном» — могла бы быть прямо взята из жизни Пушкина.

Не требует доказательства, что Пушкин считал себя и фактически был изгнанником по отношению к обществу и правительству уже с двадцатилетнего возраста. Отец, Сергей Львович Пушкин, считал и называл его паршивой овцой в семье, чудовищем и даже выродком. Их отношения порой становились невыносимы. Достаточно вспомнить случай, имевший место в октябре 1824 года в Михайловском. Власти тогда не нашли ничего умнее и приличнее, как предложить Сергею Львовичу шпионить за собственным сыном — вскрывать его переписку и докладывать обо всем замеченном. Узнав об этом, Пушкин долго крепился, но в конце концов не выдержал и потребовал у отца объяснений. Произошел скандал. Вот что пишет Пушкин Жуковскому по этому поводу:

«Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что **я его бил, хотел бить...** (подчеркнуто Пушкиным.— **О. Ш.**).

Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем. Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра — еще раз спаси меня.— А. П.

Поспеши: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться — дойдет до правительства, посуди, что будет... а на меня и суда нет. Я hors la loi» (вне закона).

И тут же Пушкин, доведенный до отчаяния, пишет псковскому губернатору Адеркасу (письмо это, вероятно, не было отправлено):

«Милостивый государь Борис Антонович, Государь император высочайше соизволил меня послать в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Неважные обвинения правительства (Пушкин обвинялся в атеизме.— О. Ш.) сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нежной любови его к прочим детям. Решился для его спокойствия и своего собственного просить его императорское величество, да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей. Ожидаю сей последней милости от ходатайства вашего превосходительства».

Изгнанник ищет, доведенный до крайности, еще одного изгнания, более тяжкого.

Изгнанник в обществе, изгнанник в собственном доме. Таков Пушкин, таков Тазит. Совпадение полное.

А теперь снова посмотрим на план.

Что делает Пушкин?

Исполнив восемь пунктов, он приступает к девятому пункту, который называется «Отказ». Но ему не пишется, ибо в нем еще живет надежда. Две предыдущие попытки сватовства окончились неудачно, но ведь и отказа, собственно, не было. Мать Натальи говорила с ним оба раза обиняками, недомолвками.

Пушкин переписывает набело готовые восемь пунктов и спешит в Москву, куда прибывает 11 марта 1830 года, и в тот же день, попав в концерт прямо из дорожной кибитки, встречается с Натальей.

Вскоре последовали новые переговоры с Гончаровой-матерью, и на сей раз все решилось вполне определенно. Правда, неуравновешенная и капризная будущая теща Пушкина даже и в последний момент, перед самой свадьбой, терзала его намеками на то, что все еще можно повернуть, и, как видно из приведенного письма. Пушкин и сам еще не прогнал сомнений, но все-таки сватовство состоялось и его предложение было принято.

Не было отказа — отпала необходимость продолжать поэму, приостановленную на пункте «Отказ».

Тот факт, что в стихах, которые Пушкин сочинял в период работы над «Тазитом», прямо отражались его мысли о собственной судьбе и поведении, подтверждается, между прочим, еще одной деталью. В вариантах к стихотворению «Поедем, я готов...» есть такая строка. Сначала он написал: «Но полно, **разорвал** оковы я любви». Потом поправил «разорвал» на **«разорву»**, а в конце концов вообще выбросил эту строку (этот момент очень тонко отметил Д. Д. Благой).

Добавим еще несколько сопоставлений.

Поэма обрывается речью Тазита к отцу его возлюбленной. Ее предваряют строки:

И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К ее отцу, его отводит
И говорит...

Сравним это со строками письма к Н. И. Гончаровой: «Голова у меня закружилась, я сделал предложение». Не правда ли, похоже? А вот как просит руки Тазит:

И говорит: «Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскуя,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден, но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей — приверженный супруг».

Сравним «Я удалю от нашей сакли тощий голод» со словами из письма: «Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения».

Фраза «Мне труд легок» очень характерна. В письмах Пушкина она встречается в разных вариациях. И вспомним хотя бы «Домик в Коломне»:

Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.

Интересно, что в одном из черновых вариантов Тазит просил руки красавицы не у ее отца, а у брата:

И где ж то время — где они,
Надежд исполненные дни,
Как пережил он их утрату?
Тазит ее родному брату
Сказал однажды...

Во-первых, эти строчки прямо перекликаются со стихотворением «Поедем, я готов...».

...но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?

Во-вторых, почему Пушкин отказался от брата? Не потому ли, что сам он мог говорить о Наталье с ее братом Дмитрием? В таком случае все понятно: он не мог допустить столь прямых совпадений — это было бы против приличий.

Что касается приводимых Г. Ф. Турчаниновым стихов

Но под отеческую сень
Не возвратился сын изгнанный,

то их вполне можно толковать как решение Пушкина в случае отказа не возвращаться более ни в Петербург, ни в Михайловское. Во всяком случае, противопоказаний к такому толкованию нет.

И снова возникает вопрос: почему исследователи так прочно связали «Тазита» с поездкой Пушкина на Кавказ? «После этого — значит вследствие этого»? Но в таком случае можно спросить: почему же Пушкин дописал и опубликовал «Путешествие в Арзрум» не сразу после возвращения с Кавказа, а лишь спустя шесть лет, в 1835 году? И все-таки не дописал «Тазита»... Непонятно.

Закончим выкладки важным для всей нашей нестройной системы соображением.

Если согласиться с высказанным выше утверждением, что поэма не была окончена потому, что Пушкин, сделав в апреле 1830 года предложение семье Натальи Гончаровой, не получил отказа, то из этого логически вытекает следующий вывод: второй план являлся не только программой для поэмы, но был для Пушкина **программой его жизненной судьбы.** (Случайно ли, спросим попутно, имея в виду, как сильно верил Пушкин в приметы, случайно ли он приурочил свое третье, последнее сватовство ко дню светлого христова воскресения?)

Доказательства? Они опять-таки в стихах.

26 декабря 1829 года, то есть во время работы над «Тазитом», Пушкин создал едва ли не самое свое печальное стихотворение — стансы «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Оно все проникнуто мыслью о недалекой смерти. В том виде, как мы его заучиваем в юности, оно звучит элегически. Трагизма в нем не ощущается, даже в таких строках:

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

Но надобно помнить, что в первоначальной рукописи вместо двух первых строф стояло:

Кружусь ли я в толпе мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбежной
Везде близка, всегда со мной.

А кончалось стихотворение так:

Вотще! Судьбы не переломит
Ни скорбь, ни смех, ни суета,
Но не вотще меня знакомит
С могилой важная мечта.

В этом варианте уже нет ничего элегического; здесь явственно проглядывается та же программа, что и в плане поэмы.

Не по тем же ли причинам, по которым Пушкин бросил в ящик недописанного «Тазита», он переменил концовку стихотворения?

Что такое **«важная мечта»? Самой важной мечтой была для Пушкина в те дни женитьба на Наталье Гончаровой. Но, повторяем, он вовсе не был уверен, что его предложение примут. Отсюда это «но не вотще».**

«Важной мечтой» можно считать мысль поэта о бегстве от всего, чем он жил прежде,— в случае, если женитьба на Наталье не состоится.

Из этого же становится понятно, почему вдруг Пушкин в 1829 году, выбирая поэтическую форму для исповеди, вернулся к «кавказской теме». Может быть, он вспомнил свою молодость, вспомнил Байрона. Байрон окончил жизнь в восставшей Греции. Пушкин хотел найти свою смерть на поле брани.

* * *

Да простят автору его дерзость глубоко им уважаемые пушкиноведы, мнение которых он пытался здесь оспаривать. Эта статья, разумеется, не претендует ни на какую научность. Она всего лишь догадка рядового почитателя пушкинской поэзии. Малые познания в методологии помешали автору изложить предмет менее бегло и более систематично.

Скорей всего все мои выкладки покажутся профессиональным литературоведам вульгарно-дилетантскими. В таком случае автору остается утешать себя мыслью, что Пушкин, как и Гомер, принадлежит всем и что Троя была раскопана дилетантом Шлиманом, который не постеснялся приземлить Гомера до уровня топографии.

СМЕРТЬ ТРАНЗИТНОГО ПАССАЖИРА

Сергей ВЫСОЦКИЙ

Рисунки И. УШАКОВА.

ПОВЕСТЬ

На улице было сыро. Ветер утих, и все окрестности мгновенно затянуло туманом. Снова пропали башни Пулкова, самолеты. Машины двигались медленно, с зажженными фарами. Буров быстро прошел метров шестьсот от аэропорта до шоссе. Ему вспомнилось, что где-то здесь рядом, у поворота, была раньше остановка автобуса на Бересть. Какой-то автобус и впрямь стал притормаживать. Буров побежал легкой рысцой и успел — последний пассажир заталкивал в автобус чемодан. Уже взявшись за поручни, Буров разглядел слово «Бересть» на маршрутной доске. Он прыгнул на ступеньку, двери со скрежетом захлопнулись, и автобус тронулся. И только тогда Буров сообразил, что у него нет ни копейки советских денег... Растерявшись, он хотел было застучать в дверь, чтобы автобус остановился, но перед ним уже стояла кондуктор.

— Билетик, гражданин,— требовательно сказала она.— Куда мы едем? — Голос у нее был крикливый, неприятный.

— Вы знаете, я совсем забыл деньги,— сухо сказал Буров, раздражаясь и досадуя, что попал в такое глупое положение.— Я прошу вас, остановите автобус.

Кондуктор на мгновение опешила.

— Деньги забыл, папаша? А я должна тебе автобус останавливать? Как бы не так!— Голос у нее стал сварливый. Пассажиры с сочувствием смотрели на Бурова.— А не хочешь ли, папаша, проехаться со мной до милиции?

Крику не видно было конца.

Бурову хотелось броситься на нее с кулаками или провалиться сквозь землю. Выручил его мужчина, сидевший на заднем диване.

— Ты что кричишь? — негромко, но твердо сказал он кондуктору.— Эко дело. Забыл человек деньги. Мало ли, расстроился... Может, несчастье какое... А ты сразу в крик! Что он, в лесу, что ли? И помочь некому? — И кивнул Бурову: — Тебе куда?

— Да я, право, не знаю, мне лучше выйти...

— Право, лево,— усмехнулся мужчина.— Ехать тебе, спрашиваю, куда?

— До Берести,— ответил Буров и тут же пожалел. «Надо было бы совсем оставить эту дурацкую затею с поездкой,— подумал он,— выйти сейчас же и вернуться в аэропорт... А то ехать ведь и назад придется...»

— Ну вот,— сказал мужчина,— подавая мелочь кондуктору.— Тебе в Бересть, а мне в Займище. Попутчики вроде...

Деревня Займище стояла в двух километрах от Берести.

Кондуктор оторвала билеты, протянула их Бурову. Смотрела она на него исподлобья, неодобрительно. От ее взгляда Бурову стало не по себе. Он подчеркнуто равнодушно оглядел автобус, ища свободного места, и сел рядом с выручившим его мужчиной.

Автобус поднимался в гору. Буров прильнул к окну, стараясь разглядеть обсерваторию, но туман был плотный. Мелькнули только красивые жилые дома рядом с дорогой, высеченный из гранита памятник, потом танки на постаментах. Справа Буров разглядел какие-то гигантские металлические конструкции. Они начинались за оградой почти у самой дороги и пропадали в тумане.

— Радиотелескоп,— сказал, обернувшись к Бурову, попутчик.— Такую громаду отгрохали... Говорят, сигналы с Марса слушают.

— Так неловко получилось,— сказал Буров,— впопыхах вскочил в автобус и плащ забыл, а деньги все в нем... Спасибо вам.

— Эка беда,— усмехнулся мужчина.— Разве это деньги? И говорить не стоит.

— Избаловались люди... Копейку ни во что не ставят,— проворчала сидящая рядом старуха.

— А что твоя копейка...— вступил в разговор еще один пассажир.— На базар с ней не пойдешь. А чтобы беречь ее, копейку,— так этого нынче нет. Нету у людей теперь жадности к деньгам. И на крестьянина посмотришь — надрываться за деньгу не будет. Червонцем больше, червонцем меньше...

Буров молчал, прислушивался к разговору, поглядывая в окно. Было похоже, что туман начинал полегоньку рассеиваться. Из него выплывали то островки леса, то деревенские избы. Буров отметил, что избы все чистенькие, светлые, словно только-только покрашенные. Навстречу автобусу с ревом неслись грузовики, автофургоны. Легковые машины обгоняли их. Автобус часто останавливался, входили и выходили люди, а спор о деньгах все продолжался. Потом старушка, что сетовала на избалованность нынешнего поколения, и сама слезла. Спорить стало не с кем. Все оставшиеся сошлись на том, что, дескать, человек нынче жадность к деньгам потерял. Буров с недоверием смотрел то на одного, то на другого из говорящих, потом вдруг не выдержал и сказал тихо:

— За червонец человек, конечно, надрываться не будет, а вот за миллион?.. Горло ж перегрызет. Не так ли? — И хохотнул зло.

Никто не ответил. Говорившие смолкли, словно испытывали неловкость от сказанного. Буров почувствовал, что его слова почему-то не понравились остальным пассажирам. А может быть, просто спорить всем надоело, да уже и не о чем было. Только никто не проронил ни слова.

«Святошами друг перед другом прикидываются, а как дойдет дело до миллиона — ого-го!» — подумал Буров.

Скоро автобус свернул с асфальтовой глади шоссе и запрыгал на ухабах проселка. Народу осталось совсем мало. «Еще километров пять»,— подумал Буров, и сердце у него екнуло.

«Спокойно, старик,— сказал он себе.— Спокойно. Захотел приключений — пожалуйста. Только зачем же волноваться... Посмотрю краешком глаза — и назад».

В это время автобус вдруг так накренился, что у пассажиров попадали чемоданы. Мимо пронесся с ревом огромный самосвал. Шофер чертыхнулся, резко затормозил. Взвыл мотор, но автобус не двинулся. Видимо, крепко засел в канаву. Шофер выскочил из кабины. За ним выползли и пассажиры.

— Еще немножко — и кувырнулись бы,— проворчал мужчина, что ехал в Займище.

— Без трактора не выберемся,— хмуро сказал шофер, разглядывая увязшие в канаве колеса.— Носятся, идиоты, как угорелые,— вдруг снова взорвался он,— все план делают, а ты хоть пропади. Вон как дорогу размесили.

Дорога и впрямь была разбита. После дождя в наезженной колее стояла жидкая грязь.

— Ну что ж, пассажиры и пассажирочки, закуривай.— Шофер достал портсигар, щелкнул зажигалкой. —Будет попутка — сгоняюсь за трактором...

Буров огляделся. Туман почти рассеялся. Рядом с дорогой начинался густой еловый лес. Чуть подальше виднелась просека. Шагнув через дорогу, по просеке уходила в лес линия электропередачи. «Да это никак дорога из Берести в Кушкино,— вспомнил вдруг Буров.— Ну конечно! Тут до Берести рукой подать».

— А тебе-то что здесь с нами куковать? — словно угадав его мысли, сказал займищенский мужчина.— По тропке напрямки за пятнадцать минут дошагаешь...

— Да я вот и собираюсь,— ответил Буров.— Будьте здоровы.

Мужчина кивнул.

Буров перепрыгнул через канаву, прошел десяток шагов вдоль дороги и свернул на просеку. Дороги здесь никакой не было, хотя он помнил, что до войны по ней ездили даже на телегах. Видно, заросла ольхой и ивняком. Зато тропка была сухая, утоптанная. Она вилась по гребню невысокого, заросшего густой травой вала. Когда-то этот вал разделял земли двух волостей.

Дорогой этой ходил Буров в Кушкино еще со своей бабушкой. К каким-то родственникам. К каким — он не помнил. Ходили обычно на Николу, на зимнего и на летнего. Или в Петров день. Буров попытался вспомнить, на какие же числа приходились эти праздники, но тоже не вспомнил. Забыл.

Лес по сторонам стоял красивый. Ельник кончился, и пошел негустой смешанный лес, в черед с полянками. Огромные березы с поникшими ветвями-плетями, словно плакучие, сосна кондовая, можжевеловые заросли... «Грибов-то нету, наверное,— подумал Буров.— Разве что сморчки...» В глубине леса протяжно ворковали лесные голуби. «Витютни, что ли, называются?» — вспомнил он.

Где-то тут рядом должен был быть разрушенный кирпичный сарай. Буров вспомнил это с необыкновенной ясностью. И рядом с сараем — небольшой взгорок. С густой травой. Кажется, там всегда рос клеверок, кашка. Запах стоял прекрасный. И летом радовали глаз красные капли земляники. С этой горки, если посмотреть в сторону Берести, среди замшелых елей должен быть виден прогалок. И там поле, всегда засеянное рожью. Не знающее никаких севооборотов и родившее прекрасно.

Горку эту называли у них в семье бабушкиной. На ней бабушка... («А как же звали бабушку? Как же ее звали? Бабушка Мариша? Нет. Ефросинья? Тоже нет...») На ней бабушка всегда отдыхала. Считала, что полдороги от Берести до Кушкино пройдено. Закусывала. Лес слушала...

Буров шел легко, наслаждаясь гомоном птиц, густым, пьянящим голову настоем лесного воздуха. Глядел по сторонам, ожидая вот-вот увидеть разрушенный сарай и бабушкину горку. Но их все не было. «Может, перепутал что? Да нет. Места, похоже, те...»

То ли лес так разросся, то ли Буров забыл напрочь все, но так и не увидел он бабушкину горку...

Тропинка взяла круто вверх. И снова екнуло сердце у Бурова. Вот сейчас он увидит Бересть. Стоит только подняться по тропке на гору. Взбежишь — и увидишь.

Он остановился передохнуть, стараясь унять зачастившее вдруг сердце. Постоял немного и стал подниматься...

Василий Кузьмич проснулся рано. Солнце, пробившись сквозь макушки сосен, проникло в дом, чуть-чуть пригрело ему лицо. Он посмотрел на часы: еще не было и шести. Сладко потянулся и, снова закрыв глаза, несколько минут лежал не шевелясь. Ему было покойно и хорошо лежать, пригретому солнцем, и слушать, как слабо шелестят сосны под дуновением утреннего ветерка

Он уже второй день жил на кордоне у одинокого лесника Журавлева. Журавлеву было около пятидесяти, все звали его дядей Костей, а за глаза просто Журавлем. Кордон его стоял километрах в семи от Берести. Для грибников и охотников он был хорошим ориентиром, делящим лес на две части: «до дяди Кости» и «за дядю Костю». «За дядю Костю» считалось уже далеко.

Василий Кузьмич вспомнил вчерашние завирания Журавлева про охоту и улыбнулся. «Вот ведь мастак... Жаль, сегодня уже не послушаю его. Утречком закончу здесь дела,— подумал он,— сгоняюсь домой переодеться. Помогу Лидке с матерью по хозяйству. Да они, небось, и без меня управились... Свадьба — дело нешуточное, впопыхах не делается».

Лида, его дочь, выходила замуж. Василий Кузьмич души не чаял в ней и был рад, что с ее замужеством все складывается так удачно. Он хорошо знал жениха, долговязого Толика Гонохова, их деревенского парня. И, уже несколько лет приглядываясь к нему, считал, что лучшего мужа для дочери трудно было бы найти. Но Лиде об этом никогда не говорил. И жене тоже не говорил. «Семейное дело хитрое. Посоветуешь, а потом чего не выйдет у них, не сложится — будешь всю жизнь себя попрекать»,— рассуждал Василий Кузьмич.

Толик жил с матерью и двумя младшими сестрами. Отец лет десять назад погиб во время большого пожара на главной усадьбе опытного леспромхоза, в котором работал лесничим Василий Кузьмич. Погиб, пытаясь вывести из гаража трактор. Толику в то время было пятнадцать. Он ушел из школы и стал работать в колхозе — надо было помогать матери растить сестер. Учебу, впрочем, он не забросил совсем, а стал учиться в заочной школе. Как ухитрялся он справляться с работой, с хлопотами по дому да еще учиться, Василий Кузьмич понять не мог и только восхищался да ставил Толика в пример многим парням из своего леспромхоза.

Удивлял его Толик и еще одной своей чертой — бесконечной любовью к ребятишкам. Они так и вились вокруг него. Ходили к нему в поле, торчали в огороде, когда он копал гряды или окучивал кусты смородины. Он давал им походить за плугом, отвести лошадь в табун, отвечал на десятки самых разных вопросов, брал с собой на рыбалку. И самое главное — он мастерил для них луки из можжевельника, пулеметы с трещотками, самострелы, которые стреляли чуть ли не через всю деревню, из конца в конец.

Кое-кто, и Лидка тоже, сначала посмеивался над Толиком — вечно он с младшими, будто не найти товарищей среди сверстников, но потом к

Продолжение. См. «Огонек» № 26.

этому так привыкли, что приходили к Толику искать управы на своих сорванцов. Даже школьные учителя искали в Толике своего союзника и часто говорили между собой о том, что из парня мог бы получиться прекрасный педагог. Но с Толиком на эту тему не заговаривали — считали, что ему не до учебы, семью надо тянуть. Каково же было их удивление, когда Толик, сдав экзамены за десятилетку, послал документы в областной пединститут. Одна из его сестер, Женя, Лидина подружка, к тому времени уже стала работать счетоводом в колхозе. Жить стало легче.

Василий Кузьмич пришел тогда к Гоноховым, прихватив бутылку водки, закуску, и долго сидел, обсуждая с Толиком жизненные проблемы.

— Уж раз ты решил, Анатолий, учиться — держись,— говорил Василий Кузьмич.— Держись и, как бы трудно ни было, не бросай. Мы тут матери подможем. И дров, как всегда, завезем. И на нашей лесопилке распилим... И еще что будет надо...

Толик смущенно улыбался. Лицо от нескольких рюмок у него зарделось. Густой русый чуб растрепался и придавал лицу какое-то совсем младенческое, доброе выражение.

— Я не брошу, Василий Кузьмич. Ну, что вы... И матери помогать буду. И летом и на зимние каникулы... Зачем же я бросать-то буду? Ведь я давно мечтал учителем стать. Только чтобы обязательно у нас в деревне работать... У своих...

Василий Кузьмич, теплея душой, подивился словам Толика: «Надо же, он уже давно все спланировал, надо же... А мы-то думали — тихоня». Сказал:

— Ты, Анатолий, учись, ни в чем не сомневайся. К твоему учительству мы здесь такую школу отгрохаем — будь здоров!..

— Вот хватил, Кузьмич,— сказала молчавшая до сих пор тетя Настя, мать Толика.— Эту-то школу отремонтировать не поможете, а тут — новую.

Василий Кузьмич устыдился немного своего бахвальства, но, словно решившись, вдруг сказал серьезно:

— Не сомневайся, мать. И ты, Анатолий, не сомневайся. Говорю: построим новую. Я уж давно думал, да все как-то не подступиться было. Много еще прорех в хозяйстве.

Вот тогда-то, во время этого разговора, и подумал он: «Эх, такого бы жениха моей Лидке!»

Но Лидка, по его наблюдениям, не обращала на Толика ровно никакого внимания, даже подшучивала над его сопливой компанией переростков. Что же касается Толика, то он, судя по всему, вообще ни на кого из девчат внимания не обращал.

И вот — нá тебе — завтра свадьба учителя Гонохова и лаборантки опытного леспромхоза Лидии Павловой. И он, Василий Кузьмич, закончив нынче дела здесь, на кордоне, поедет домой помочь жене и дочери с приготовлениями.

Как и когда произошло сближение Лиды и Толика, Василий Кузьмич так и не заметил. Правда, в каникулы Толик всегда заходил к Павловым, но Василий Кузьмич считал, что Толик приходит к нему поговорить о жизни, поделиться новостями. А, оказывается, дело-то было не в нем одном...

Василий Кузьмич снова раскрыл глаза и вскочил с постели. Помахал руками, присел — делать настоящую зарядку он себя так и не приучил — и вышел во двор умываться.

Утро стояло тихое, прозрачное. Лишь в северной части неба громоздились одно на другое темные облака. На озере низко-низко над самой водой расстилался легкий туман. Слабый ветерок наносил крепкий настой цветущей черемухи, пахло сосной.

Вода в умывальнике была ледяная. Василий Кузьмич поеживался, обдаваясь водой, потом долго растирался полотенцем, чувствуя, как расходится тепло по всему телу. Ему хотелось петь — так радостно было у него на душе, такое хорошее настроение было у него от этого погожего утра. Василий Кузьмич даже замурлыкал себе под нос свою любимую «Шагом, шагом, шагом, братцы, шагом, по долинам, рощам и оврагам...» и пошел будить лесников. Предстояло еще обойти ближнюю лесопосадку, посмотреть, как прижились посаженные в прошлом году сосны...

Василий Кузьмич успел только добраться на лесопосадку, как прискакал лесник Харитон, оставшийся на кордоне кашеварить, и, хитро улыбаясь, сказал:

— Там, Василь Кузьмич, к тебе гостей понаехало со всех волостей... Собирайся, мы тут справимся без тебя... Все в лучшем виде осмотрим и заприходуем.

— Каких еще гостей? — спросил Василий Кузьмич.

— Поедешь — узнаешь. Одно скажу — важные гости. А мы тут быстренько заделаем да вернемся. Отобедаем вместе.

— Хватит тебе, Харитон, зубы скалить. Кто приехал? По делу, что ли? Или свои?

— Да я, Василь Кузьмич, тебе всерьез говорю,— ответил Харитон.— Приехали — говорят, по делу ты им нужен. По серьезному, а по какому, мне не доложили...

Гостей было четверо. Они сидели на бревнах и о чем-то спорили. Рядом, прислоненные к бочке с водой, стояли велосипеды.

Василий Кузьмич слез с лошади, снял уздечку и седло, пустил лошадь на поляну. Потом, не торопясь, пошел к гостям.

Двоим пареньками было, наверное, лет по 13—14, двое были постарше, лет шестнадцати. Увидев, как подъехал Василий Кузьмич, они поднялись с бревен и шли ему навстречу. Одеты они были в защитного цвета форму, в пилотках, у каждого на руках были нашивки. Василий Кузьмич обратил внимание, что шли они как-то уж больно торжественно. «Как на параде,— подумал он,— Наверное, попросят лекцию о лесе прочитать. Или принять на практику в лесничество...»

Каждое лето в лесничестве работали ребята из окрестных школ. Даже из области приезжали. Рассаживали саженцы, помогали чистить лес, собирали шишки. Василий Кузьмич всегда бывал рад приезду ребятишек. «Природа — прекрасный воспитатель»,— говорил он. С приездом ребят в лесу становилось весело, по вечерам даже на самых дальних кордонах звучали песни.

— Здравствуйте, ребята, вы ко мне? — спросил Василий Кузьмич, когда ребята подошли.

— Здравствуйте, товарищ Павлов,— очень четко и слаженно приветствовали его ребята хором.

Высокий темный паренек с раскосыми глазами, с очень серьезным лицом только было хотел что-то сказать, как из-за его спины выглянул совсем белесый разбитной парнишка и быстро спросил:

— Вы ведь товарищ Павлов? — Голос у него был совсем простуженный, хрипатый. И лет, наверное, поменьше, чем всем остальным.

— Не высовывайся, Гаврила! — дернул белобрысого за рукав другой паренек.

— Я хотел у вас об этом же спросить,— сказал серьезный.— Вы Павлов Василий Кузьмич?

— Павлов я, Павлов, ребятá. Коль в гости пожаловали — прошу в дом. Там и поговорим. А то здесь вас комары заедят.

Он было повернул к дому, но серьезный дотронулся до его руки.

— Одну минуточку! Вы Павлов, Василий Кузьмич, восемнадцатого года рождения, уроженец деревни Бересть...

— В сорок первом году ушли добровольцем на фронт,— опять перебил его белобрысый Гаврила.

— Мы же договорились, Гаврила...— обернувшись к нему, укоризненно сказал серьезный.

— Не буду, Вова, не буду...

— В сорок первом году вам пришлось держать оборону недалеко от своих родных мест, под Заозерьем. Да?

Василий Кузьмич с удивлением смотрел на ребят, не зная, что и сказать.

— Да вы никак биографию решили мою написать? — улыбнувшись, спросил он наконец.

— Мы уже давно написали,— ответил один из ребят,— только вот с вами долго не могли встретиться. Кое-что уточнить.

— Чудеса,— сказал Василий Кузьмич.— Так что вы хотели узнать? Воевал ли я под Заозерьем? Воевал, ребятки. Воевал. Под Заозерьем я и войну закончил — контузило меня. Да так контузило...

Он тяжело вздохнул и махнул рукой, будто отгоняя неприятные воспоминания.

— Ну вот, все сходится,— радостно сказал белобрысый.— Это и есть тот Павлов — Василий Кузьмич! Я все время был уверен.

— Василий Кузьмич,— спросил, почему-то сильно волнуясь, серьезный Вова,— у вас есть правительственные награды? За Отечественную войну?

Василий Кузьмич вдруг заметил, что все четверо мальчишек просто впились в него глазами, что они напряжены до предела, словно ждут от него чего-то совсем необычного. Белобрысый Гаврилов прикусил нижнюю губу и ожесточенно крутил пуговицу на курточке. Вова подался вперед, боясь пропустить хоть слово. Два других парня замерли, не шевелясь...

— Да вы что, ребята...— начал было Василий Кузьмич, вглядываясь в лица мальчишек. Он хотел спросить, отчего это они так волнуются, но почувствовал, как ждут они сейчас его ответа, их непонятное волнение вдруг передалось и ему, и, разведя руками, Василий Кузьмич сказал:

— Ну, есть у меня награды, ребятки. Есть. Красная Звезда. В сорок первом получил. И «За Победу над Германией». Вот и все. Больше не успел. Я ж говорю, контузило меня сильно... Несколько лет себя не помнил.

— Вы Герой Советского Союза! — торжественно, срывающимся голосом произнес Вова.

— Герой Советского Союза! Мы нашли... Мы вели...— крикнул нетерпеливый Гаврилов и неожиданно всхлипнул.

— Ура! — закричали мальчишки и, схватив Василия Кузьмича за руки, за плечи, стали трясти его, тормошить, уже не скрывая своего волнения.— Ура! Мы вас нашли... В архиве Министерства обороны есть все документы... Ура, Василий Кузьмич!

И Василий Кузьмич, еще ничего не понимая, оглушенный криком, почувствовал, что в словах мальчишек заключена большая правда. Не смея поверить в нее, растроганный искренностью, теплотой этих неожиданных пришельцев, Василий Кузьмич обнял их и повел в дом, приговаривая:

— Ну, как же это? Ну, что же это, соколики? Перепутали вы что-то. У меня Красная Звезда и «За Победу...».

Они сели на лавки за большой гладко обструганный сосновый стол. На одну лавку Василий Кузьмич, а напротив — ребята. Гаврилов встал на лавку коленями, чуть не лег на стол животом — смотрел во все глаза... В комнате пахло смолой, хлебом. В пыльные стекла большого

окна билась пчела, стремясь выбраться на волю...

Василий Кузьмич слушал сбивчивый рассказ Володи о том, как два года назад на школьном комсомольском собрании ребята решили написать историю боев под Заозерьем, разыскать людей, которые воевали в этих местах, привести в порядок братские могилы. И самое главное — они сказали себе: безымянных героев нет!

Вот тогда-то и доискались ребята до истории о том, как в двенадцати километрах от Заозерья в сорок первом году были на несколько суток остановлены немецкие танки...

— На двое суток,— поправил Василий Кузьмич Володю.— Только на двое...

...В те дни стояла сушь, и небо побелело от зноя. Пыль от телеги висела часами. Казалось, что даже болота высохли. Когда солдаты копали окопчики в кочкарнике у дороги, то на дне их было совсем сухо. Невесть кем подожженная, горела мшара. Ветер гнал черный дым вдоль дороги и мешал стрелять по танкам. Слезились глаза. В перерывах между атаками Василий Кузьмич думал о том, как хорошо было бы сейчас забраться в глубь мшары и, лежа на одуряюще пахнущем ковре мха, искать прошлогоднюю клюкву. А в горле было сухо, и мысли о клюкве даже не вызывали слюну.

Первый день долбали танки из сорокапяток. Но немцам во что бы то ни стало хотелось прорваться к шоссе и перерезать путь отступающим войскам. Когда несколько танков задымилось на дороге, пустили в ход авиацию. «Хейнкели» перелопатили половину мшары вместе с сорокапятками и всем боезапасом. В роте Павлова осталось в живых человек пятнадцать. Но они держались еще целый день.

Пока фрицы пытались оттаскивать с дороги подбитые танки, Василий Кузьмич поливал их из ручного пулемета, не давая высунуться из-за брони. И танки не начинали новой атаки. Ведь дорога была совсем неширокой... И болото по сторонам под названием Чертова топь...

Потом к Василию Кузьмичу в окопчик приполз трясущийся Мишка Буров, погодок, его земляк. Приполз и сказал, что все, конец. В живых почти никого не осталось, надо уходить. Василию Кузьмичу некогда было оторваться от стрельбы, посмотреть Мишке в глаза, он молча сунул ему «дегтярь», заметив лишь, как дрожат у Мишки руки. Но у Василия Кузьмича тоже дрожали руки от напряжения. И пальцы не слушались, когда он пытался сворачивать цигарки. Поэтому, не обратив внимания на трясущиеся Мишкины руки, Василий Кузьмич пополз в соседний окопчик, где уже минут двадцать молчал «максим».

На дне окопа, свернувшись калачиком, словно прикорнули на часок, лежали два убитых солдата, но пулемет остался цел, и Василий Кузьмич, вставив новую ленту, начал стрелять. Он услышал, что Мишка тоже стреляет, и от этого ему стало спокойнее. Надо было продержаться хотя бы до ночи...

Его ранило в руку. Сначала он подумал, что это просто отрикошетил камешек, но потом почувствовал, как намокает рукав гимнастерки. Он разорвал его и, зорко следя за дорогой, стал перевязывать руку, стараясь не глядеть на рану. Василий Кузьмич не выносил вида крови, ему становилось дурно. Потом он достал из кармана плоскую жестяную баночку, высыпал из нее махорку и положил туда все свои документы и комсомольский билет. И вдавил баночку глубоко в податливый мох. И снова стал стрелять короткими очередями, стараясь экономить патроны. Но, видно, он потерял много крови, потому что вдруг все перед ним заволокло плотным радужным туманом. Василий Кузьмич почувствовал страшную слабость и потерял сознание.

Когда, очнувшись, он с трудом подтянулся к пулемету и выглянул из окопа, то увидел, что в сторону подбитых танков шел человек с поднятыми руками. Правая рука высоко вздернута вверх, а левая раскорякой, словно клешня у краба.

Сломана была ключица у Мишки Бурова еще в детстве — с лошади упал неудачно.

Цепочка немцев стояла со вскинутыми автоматами, поджидая Мишку. А он двигался по раздолбанной дороге торопливо, чуть ли не вприпрыжку. Словно боялся не успеть.

— Мишка, сволочь! Стой!— крикнул Василий Кузьмич, хватаясь за ручки пулемета. Крик получился совсем слабенький, будто всхлип. Но один из немцев, тот, что стоял ближе к окопу, видно, услышал его и, напружинившись, метнул гранату.

«Ах, сволочь!— подумал Василий Кузьмич, пытаясь выстрелить.— Какая сволочь!» Но ленту заело. В это время сзади ухнуло, и он провалился во тьму...

...Василий Кузьмич вышел проводить мальчишек. Расцеловал крепко, по-мужски каждого. Растроганный, разбередивший душу воспоминаниями, хотел сказать мальчишкам теплые слова о том, как дорого их внимание видавшим виды фронтовикам, но сказал только: «Спасибо, соколики!»— притянул к себе, прижал к груди.

Ребята уезжали гордые, довольные. На их лицах светилась такая радость, такое удовлетворение, словно не они, а им привезли известие о запоздавшей на десятилетия награде. Они сели на велосипеды и, помахав Василию Кузьмичу, поехали по лесной тропинке к большаку.

Василий Кузьмич взглянул на часы. Было без пяти одиннадцать. На двенадцать в загсе райцентра назначена регистрация брака. Времени завернуть домой и переодеться уже не оставалось. «Ну и будет мне на орехи за мой «парадный» костюм,— подумал Василий Кузьмич, и вдруг ему стало весело.— До самой смерти жена вспоминать будет. Как же! Мало того, что помощи по хозяйству никакой, так на свадьбу единственной дочери в робе явился!»

Он оседлал свою каурую кобылу, легко прыгнул в седло, гикнул озорно, по-мальчишески и поскакал мягкой тропкой, ныряющей в лес, где только что скрылись принесшие счастливую весть мальчишки. Он ехал и вспоминал о том, как после нескольких лет мрака и небытия возвращался из больницы в родные места...

...Когда Василий Кузьмич шел от станции лесом к Берести, совсем стемнело. С реки тянулся туман, начало холодать, лес стоял тихий, величавый и страшноватый. Василий Кузьмич шел быстро, надеясь, что вот-вот увидит огоньки санатория, который раскинулся в лесу, неподалеку от его деревни, услышит музыку. Но ни огоньков, ни музыки не было. Стояла глухая, плотная тишина. И скоро в этой тишине услышал Василий Кузьмич такой знакомый с детства негромкий, покойный шум. Это шумела мельница. «Значит, сейчас конец лесу, сейчас уже и деревня»,— подумал он. Через пять минут Василий Кузьмич, волнуясь и ускоряя шаг, подходил к деревне.

Он узнавал дома по очертаниям на фоне светлой полоски на западе ночного неба. Это Липатовых, это Семеновых... и вдруг — провал, здесь должен стоять дом тети Веры Васиной... И еще провал и еще...

Свернув с прогона на боковую улицу, Василий Кузьмич остановился как вкопанный: за кустами маленького сада было пусто — дома нет. «Так вот почему никто не приехал в больницу...— прошептал Василий Кузьмич.— Так вот почему...» Сердце его сжалось и словно приостановилось. Он почувствовал озноб, какой-то внутренний озноб, от которого уже никогда не согреться... Василий Кузьмич стоял и стоял на дороге перед тем местом, где когда-то был его дом, и не мог сделать ни шагу. Тихо шелестели кусты в саду, а где-то далеко-далеко стучал поезд.

Наконец Василий Кузьмич стряхнул с себя оцепенение и пошел к соседнему дому, к Буровым. Дом был на месте.

«Уже спят»,— решил он, не увидев в окнах огня. Он раздвинул густые заросли сирени и подобрался к окну. Оно было забито... Второе — тоже. И третье...

«Может быть, на кухне?» С трудом продираясь сквозь разросшуюся сирень, Василий Кузьмич обошел дом. И кухонное окно было забито. Еще не веря, что в доме никто не живет, он зашел во двор и толкнул ворота. Они подались, визгливо заскрипели, растворились. Сыростью, прелой соломой и затхлым духом давно покинутого жилья пахнуло на Василия Кузьмича. Где-то под крышей не то захлопала крыльями курица, не то слетел с гнезда голубь. Василий Кузьмич чиркнул спичкой. Робкий, трепетный огонек высветлил кусок двора. У маленькой лестницы при входе в дом он заметил кучу тряпья и лохматую голову. Спичка погасла — он чиркнул второй. Увидел, как приподнялась голова...

— Кто здесь?— спросил Василий Кузьмич.

Спичка снова погасла, и он стоял, напряженно вслушиваясь. Раздался неясный шепот, потом шаги. Кто-то схватил его за руку, гладил голову, всхлипывая.

— Кто это? Кто это?— шептал растерявшийся Василий Кузьмич.

Старушечий голос произнес:

— Вернулся, мальчик мой, вернулся, деточка. Порадовал старуху. Вернулся...

Костлявая, жесткая рука сдавливала руку Василия Кузьмича все крепче и крепче. Напрасно он все спрашивал, теряясь в догадках:

— Кто это? Кто это? Тетя Лена?

Женщина не отвечала, гладила, гладила по голове, прижимая Василия Кузьмича к груди.

— Все меня кинули, все. Только ты, Мишенька, вернулся. Им теперь что, на небушке яблочки кушают, забыли про старуху... И боженька забыл.

— Да пустите же...— Василий Кузьмич вырвался с трудом из цепких рук.— Я спичку зажгу, я не Миша, тетя Лена. Я Василий. Павлов Василий. Сосед ваш...

Он дрожащей рукой зажег спичку, прикрыл ладонью. Лохматая, изможденная, похожая на ведьму старуха впилась в него глазами. Она молчала секунду и, как только погасла спичка, ударила Василия Кузьмича наотмашь по лицу.

— Ах, ирод! Где мой Мишенька? Куда дел моего сыночка? Будь ты проклят, тьфу!

Василий Кузьмич почувствовал, как кровь ударила ему в голову, оранжевые круги пошли перед глазами, тяжестью налилось все тело... «Опять приступ»,— мелькнула мысль. Он с трудом, словно пьяный, нашарил дверь в темноте и вышел на улицу. В голове гудело колокольным звоном. Василий Кузьмич прошел с десяток шагов, ничего не замечая вокруг, наткнулся на бревна и молча осел на них, теряя сознание...

...Он очнулся не скоро. Кто-то светил ему фонариком прямо в лицо. Василий Кузьмич зажмурился. Голова все еще гудела. В теле чувствовалась непреодолимая слабость.

— Никак оклемался,— сказал светивший.— Я уж думал, помираешь...

— Фонарь-то убери,— попросил Василий Кузьмич.

Человек погасил фонарь и сел рядом на бревне. Василий Кузьмич увидел, что уже начинало светать: сквозь фиолетовую темень стали проступать очертания деревьев, редких деревенских крыш.

— А я на реку топаю через прогон — слышу, вроде мычит кто,— стал рассказывать человек. Василий Кузьмич разглядел, что это пожилой, крепкого сложения мужчина. И еще заметил: вместо левой руки — засунутый в карман пальтушки рукав.— Удочки вон положил на забор и сюда. А ты тут разлегся. Чую, что не по пьяному делу. Я и так и этак, ворот вон расстегнул, водой попрыскал... Да ведь не доктор... А ты вон и оклемался.

Он помолчал немного и спросил:

— Да я поглядел — ты никак здешний? Навроде Васька Павлов? Аль сыскался?

— Сыскался.— Василий Кузьмич понемногу приходил в себя. Сел поудобнее. Вынул папиросы, протянул безрукому.

— Я тебя тоже узнал, дядя Гриша...

— Гришу узнать за версту можно,— усмехнулся безрукий.— Пустой рукав — хорошая примета!

Руку Гриша Дружков потерял еще до войны, на лесопилке.

— Да теперь таких пустых-то... Куда ни глянешь... Моих, что, фрицы спалили?— спросил, стараясь сдержать дрожь в голосе, Василий Кузьмич и почувствовал, как снова пошли круги перед глазами.

— А кого они не спалили, ты спроси лучше. Пять домов цельных осталось. Только начинают отстраиваться... Твои вроде скоро вернутся. Луша Ветрова письмо получила с Германии.— Он помолчал.— Жить у меня будете, больше не у кого. Пока отстроитесь. Не подеремся... Ты чего не писал-то, Вася? В плену был?

— В госпитале лежал,— тихо ответил Василий Кузьмич,— с сорок первого... Меня же здесь, под Берестью, и ранило и контузило. Еле выходили. Да память отшибло начисто. Так и лежал четыре года безымянный.

— Что ж, документа при себе не было?

— Ага,— сказал Василий Кузьмич.— Не было. Закопал, как увидел, что фриц обходит. Думал, живым все равно не дамся, а как мертвеца звали — знать им необязательно. А что, в Германии-то и мать и Татьяна?

Татьяной звали младшую сестренку Василия Кузьмича.

— Ну да. Мать и Танька. На Кузьму Тимофеича похоронка еще в августе сорок первого пришла. Ты, наверно, слышал...— Дядя Гриша

НА ШОЛ
КОНФЕ

В. АРХИПОВ

Творения Шолохова — огромное поле боя, на котором вот уже сорок лет идет великая битва за правду нашей революции, за правду нашей литературы.

Это первая и самая главная черта недавней шолоховской конференции в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Она характеризует всю конференцию от вступления В. А. Ковалева, открывавшего большой разговор о писателе, до содержательной и интересной полемики Ф. Г. Бирюкова и А. Ф. Бритикова, в которой решался и перерешался вопрос о сущности образа Григория Мелехова. Этим же пафосом борьбы отличались «мирные» по форме доклады А. И. Хватова о Шолохове-критике и Л. Ф. Ершова — «Национальный характер в эпосе М. Шолохова».

И ученые-литературоведы ГДР, Венгрии (и это тоже характерно) прислали своих землепроходцев по бескрайнему, необозримому материку, имя которому — творчество Михаила Шолохова. И они неустанно исследуют, бурят эту землю, открывая в ней новые породы и новые пласты, важные для себя и для нас, советских читателей. Выступления Эдварда Ковальски (научный сотрудник Центрального института истории литературы при немецкой АН в Берлине) и Эржебет Каман (Будапешт) были поистине интересны. Возрожденная «страна философов и поэтов» (мы, естественно, говорим о ГДР) ставит на творчестве Шолохова вопросы идеологии, философии, эстетики, чем и порадовал собравшихся Эдвард Ковальски. Собст-

ОХОВСКОЙ
РЕНЦИИ

венно, они-то и подтвердили своим живым словом не только правомерность, но и неизбежность постановки на шолоховских конференциях таких докладов, как «Восприятие творчества Шолохова в социалистических странах» (А. Ф. Бритиков) и «Шолохов в странах Западной Европы, Америки и Азии» (К. И. Прийма). Без подобных сообщений раскрыть суть творчества писателя невозможно: Шолохов давно перешагнул границы стран, государств, материков.

Но в данной связи хотелось бы сделать одно замечание в адрес Бритикова и Приймы. Почему их доклады так заниженно названы? Подлинное название (с последующей локализацией и уточнением объема) этих докладов только одно: «Мировое значение творчества Шолохова», «Мировое значение советской литературы». И дело здесь совсем не в «громокипящем» наименовании. Другое важно. Во-первых, предлагаемое нами название точно передает смысл тех материалов и фактов, что щедро бросали в аудиторию Константин Прийма и Анатолий Бритиков. Во-вторых, оно, это название, обязывает. И прежде всего обязывает к теоретическим обобщениям, чего явно не хватало докладам, которые вплотную подводили к обобщениям большой исторической важности и... И останавливались на пороге обобщений, увязая в «эмпирии». Тогда как, по слову Герцена, здесь требовалась «эмпирия и идеализм».

Мировое значение творчества Шолохова отражает мировое значение Великой Октябрьской социалистической революции.

Это непосредственно вытекает из тех материалов, которыми мы сейчас располагаем и которые собраны прежде всего и главным образом самоотверженными усилиями, бескорыстным, подвижническим трудом ростовского журналиста Константина Приймы. Он отдал все, всего себя служению идее — раскрыть и показать мировое значение «Тихого Дона», мировое значение творчества Шолохова. Раскрыть предметно, зримо. Он вступает в сношения с издательствами всех стран мира, с деятелями коммунистических и рабочих партий, преодолевает все то, что встает (и все то, что ставят!) на его пути, и добивается поистине больших успехов. Сейчас Ростовский краеведческий музей, которому Константин Прийма принес в дар свое собрание, обладает таким шолоховским фондом, которого нет нигде. И собранный К. И Приймой материал (кстати, в ближайшее время в Ростове выйдет книга, в которую включена большая часть собранного — незаменимая основа для исследований творчества писателя) уже сейчас позволяет сделать ряд выводов.

Первый. С Шолоховым начинается новый этап в воздействии советской русской литературы на мировой историко-литературный процесс.

Второй. Творчество Шолохова глубоко национально. И вместе с тем необозрима его роль в деле утверждения пролетарского интернационализма. Иными словами, пролетарский интернационализм отнюдь не предполагает безнациональности. Он враждебен национальной безликости, ему чуждо чувство неуважения к своему народу.

Третий. Чисто литературоведческий. Образ Григория Мелехова настолько известен миру, настолько близок, понятен и любим народами разных стран, к нему настолько сильно приковано внимание и политиков и ученых-литературоведов, в нем так много слилось и отозвалось так много, что его с полным правом можно назвать мировым образом. Своей могучей поэтической жизнью в сердцах и сознании миллионов он включился в число вечных образов...

Эта масштабность тем и материалов конференции, составляя вторую ее особенность, заставляет предполагать, что шолохововедение, набирая силы, делает новый шаг в своем развитии.

Шаг этот, естественно, предполагает пересмотр некоторых ходячих канонов, уточнение «истин», ополовинивание очень толстых книг о Шолохове, установление новых истин. И прочее. Истин уже без кавычек.

Но кто знает, возможно, жестокое время и эти истины заключит в кавычки. И здесь я имею в виду не бог весть что. Я имею в виду то свойство великих произведений искусства, которое называется бесконечностью содержания. Оно раскрывается во времени. Великое творение неисчерпаемо. И то, что нам представляется истиной в последней инстанции, означает часто, что время, эпоха, люди сейчас фиксируют свое внимание на данной стороне произведения: оно повернулось ко времени этой стороной. Но не следует забывать, что у него есть и другие стороны, которые в процессе исторического развития могут выдвинуться и обрести свою активность, ослабляя (пусть на время) активность других.

Об этом думалось, когда Федор Бирюков читал свой блестяще аргументированный доклад о «Тихом Доне». Приведенные в докладе архивные документы изобличают меньшевистскую линию Троцкого и его подручных в отношении к крестьянству. И это так горестно сказалось на судьбе многих крестьян, олицетворенной в судьбе Григория Мелехова.

В свете разысканий докладчика и его работ идея «отщепенства», будто вдохновившая Михаила Шолохова на создание «Тихого Дона», выглядит довольно жалкой. На исключительном материале (о чем любят говорить авторы «отщепенства»), на изображении жизни и судеб казачества Шолохов ставит и решает общенациональные вопросы — вопросы о роли крестьянства в пролетарской революции. В том-то и сила, в том-то и великое значение шолоховского анализа, что в среде казачества, поставленного в исключительные условия, писатель обнаружил те же самые процессы, которые характерны для русского (и не только русского!) крестьянства в целом. А исключительность условий жизни казачества лишь подчеркивает с особой силой незыблемость закономерностей развития и сущности крестьянства, раскрытых Лениным. Именно отсюда идет общенациональное и мировое значение «Тихого Дона».

Эту сторону дела (а это не сторона, а суть дела) и должен развивать Федор Бирюков, так чутко нащупавший основное в проблеме и уловивший слабость своих «оппонентов». Свою концепцию он должен достроить. Для этого надо сформулировать идею «Тихого Дона» как идею классового союза рабочего класса и крестьянства. Именно она является тайною тайн великого творения, именно она побеждает, пройдя через самые страшные испытания. Именно ее несет на волнах — страницах своих «Тихий Дон».

Эту идею нерушимости союза рабочего класса и крестьянства Шолохов решает на самом неблагоприятном, трагическом материале. И, несмотря на это,она торжествует в романе. В чем и состоит величие художника.

Но вполне понятно, что идея «Тихого Дона» не укладывается в личную судьбу Григория Мелехова, не равна ей. Роман Пушкина «Евгений Онегин» не роман только об Онегине. Зачем же мы низводим «Тихий Дон» до судьбы Григория и считаем его единственным носителем идеи романа? Даже для школьного восприятия это непростительно. Суть творческого метода Шолохова (это у нас идет от Пушкина) в том, что автор постоянно корректирует одного героя через другого. Огромность эпической идеи Шолохова не поднять одному герою. Ее несут все. Все население этой удивительно красивой и умной страны, имя которой «Тихий Дон».

затянулся папиросной и посмотрел на Василия Кузьмича вопросительно.

Василий Кузьмич слышал о гибели отца. В последнем письме из дома мать писала ему об этом.

Они посидели, помолчали. Уже совсем разъяснило. Легкий утренний ветерок зашелестел в липах, принес дымок растапливаемой плиты.

Продрогшая за ночь, потемневшая от осенних дождей, лежала перед Василием Кузьмичом его родная деревня. О том, что когда-то деревня была большая, можно было судить только по буро-зеленым островкам садов, выстроившихся вдоль дороги в ряд с несколькими уцелевшими домами. А за садами — провалы, груды кирпичей, заросшие крапивой. И такой же провал там, где стояла пятистенка Павловых.

Василий Кузьмич разглядел несколько землянок, наскоро сколоченных хибарок. В двух или трех местах отстраивались всерьез — стояли подведенные под крышу свеженькие срубы. И только один большой дом был отстроен полностью. На том месте, где раньше была школа. Судя по размерам, и новый дом был отведен под школу.

Необычная, неестественная тишина поразила Василия Кузьмича. Ни крика петухов, ни мычания выгоняемых в поле коров, ни треска заводимого трактора... Только тонкий свист перелетающих с дерева на дерево синичек.

— А что за старуха у Буровых? Сумасшедшая?— нарушил Василий Кузьмич молчание.— Ночью во дворе на меня кинулась...

— Да это Елена Ильинишна,— отозвался дядя Гриша.— Она была совсем трехнутая, нынче отходить помаленьку стала. И то ведь — сколько пережить-то пришлось. Старшего-то, Кольку, под Псковом убили в начале войны. А мужик — да ты, поди, помнишь — еще до войны посажен был. За кулацкую его натуру. Так словно в воду и канул — ни одной весточки. Только недавно вдруг письмо пришло — оказывается, с тюрьмы в армию пошел. Дрался так, что орден дали. Жив, здоров, демобилизоваться собирается. Младший, Мишка, считай, тоже погиб. Без вести. Пропал...

— Пропал?— крикнул Василий Кузьмич.— Пропал, говоришь? Нет, дядя Гриша, не пропал Мишка без вести. Вести о том, куда он пропал, у меня вот здесь сидят, словно уголья раскаленные.— Василий Кузьмич ударил себя в грудь.— На моих глазах свои кривые лапы поднял и немцам навстречу пошел. Из того окопа, где мы оборону держали. Танки держали! А он лапы поднял... Погибших ребят предал, родню свою, деревню свою... А, да что говорить, Родину предал, гад трусливый. Иуда! Эх, у меня в пулемете тогда ленту заело!— Василию Кузьмичу стало жарко. Ненависть к этому человеку, с которым они провели вместе детство, юность, сидели в одном окопе, душила его.

— У меня для этой падали всегда один патрон храниться будет. До самой смерти. А если умру, то детям своим накажу... Кто бы его ни судил, кто бы его ни оправдывал — у меня к нему свой суд, особый. Не жить нам с ним на одной земле...

— Вот как!— Дядя Гриша даже присвистнул.— Сдался. Ну, Мишка, мамкин тихоня, недаром на всех звереныше смотрел... Сдался! А я-то думал, погиб как человек. Не вытянул, значит... Что ж, всяк родится, да не всяк в люди годится. А как здесь мать убивалась... Сколько вытерпела от фашистов.— Дядя Гриша заволновался, он тоже чуть ли не кричал:— Ведь и били они ее и повесить грозились за то, что оба сына в Советской Армии воевали. А она и не скрывала... «Сама,— говорит,— в партизаны бы ушла, если бы не слепая». Ведь она куда как плохо видит... А они ее бить... До болезни довели. Ну, слава богу, кажись, получше сейчас, поспокойней она стала. Днем, на людях, и совсем хорошо... Э-эх! Ну, что, служивый? Пойдем до дому. Надо тебе жить начинать.

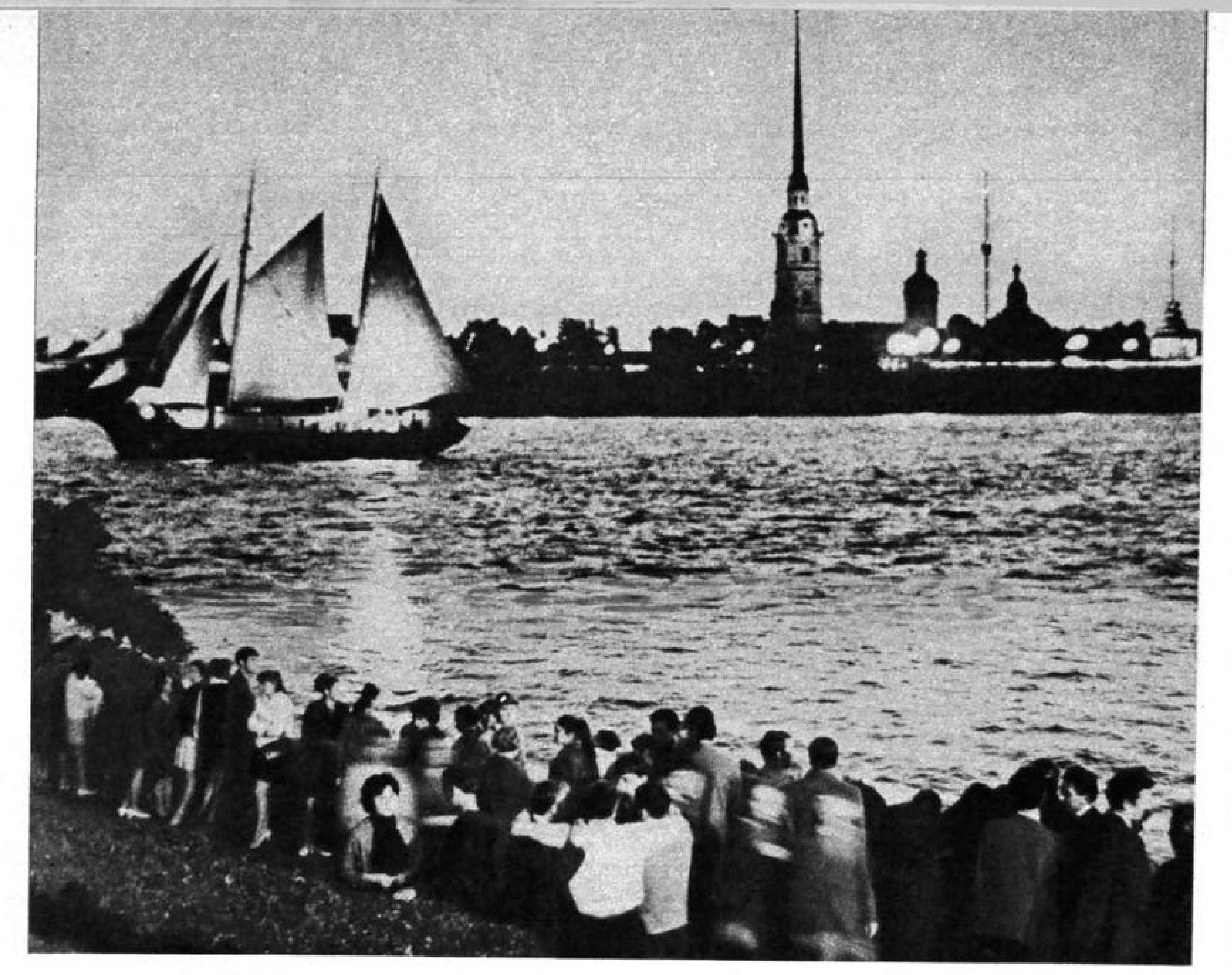
Они поднялись с бревен. Дядя Гриша взял свои удочки, Василий Кузьмич — тощий вещмешок и потихоньку зашагали по булыжной дороге, туда, где притаился в густых зарослях разросшейся сирени дом Григория Сидорова.

...Сколько лет прошло с этих пор! Сколько утекло воды! Люди рождались и умирали. Вчерашние дети становились отцами семейств. Сколько событий, больших и незначительных, стершихся навсегда из памяти! Уже чем-то безмерно далеким стала война. Нет-нет, да и мелькнет мысль: да было ли все это? Эти страшные бои, смерть товарищей у тебя на руках, горящие танки с черными крестами, пепелища вместо деревень. Было ли все это? А если было, то как смогли перенести все эти муки, как смогли выстоять, не сломиться, сохранить в себе доброту и радость?

Все это было. И все жило в памяти людей, передаваясь из поколения в поколение. В памяти народной ничто не было забыто. И сегодня он убедился в этом... Василий Кузьмич вздохнул. Война пыталась отнять у него самое важное в жизни человека — память. Самое важное, потому что без памяти нет человека. Но не смогла...

В райцентре он успел побриться и, благоухающий одеколоном, веселый, появился в загсе в то время, когда дочь с женихом, родня, гости заходили в просторный зал, где должна была проходить церемония. Жена шепнула, смерив его уничтожающим взглядом: «Все не как у людей». А дочь улыбнулась и заговорщически подмигнула. «Эх, и гульнем!— подумал Василий Кузьмич.— Не каждую субботу дочерей замуж выдаем!»

Окончание следует.

БРИГАНТИНА ПОДНИМАЕТ ПАРУСА

Тысячи вчерашних школьников собрались на набережной Невы. Сегодня их день, их праздник — последний школьный бал... В матовом сумраке белой ночи появился корабль с гриновскими алыми парусами, символ юношеской мечты. За галиотом «Секрет» последовали другие корабли — «Серп», «Стройка», «Атом», «Искусство», «Спорт», «Воины Родины». И на палубах этих белых теплоходов юноши и девушки исполнили первый праздничный вальс. А потом прошли корабли, на палубах которых били великолепные фонтаны. И сразу разноцветные гроздья фейерверка вырвались откуда-то из Петропавловской крепости, взмыли над фонтанами и вмиг превратили все в сказочную феерию.

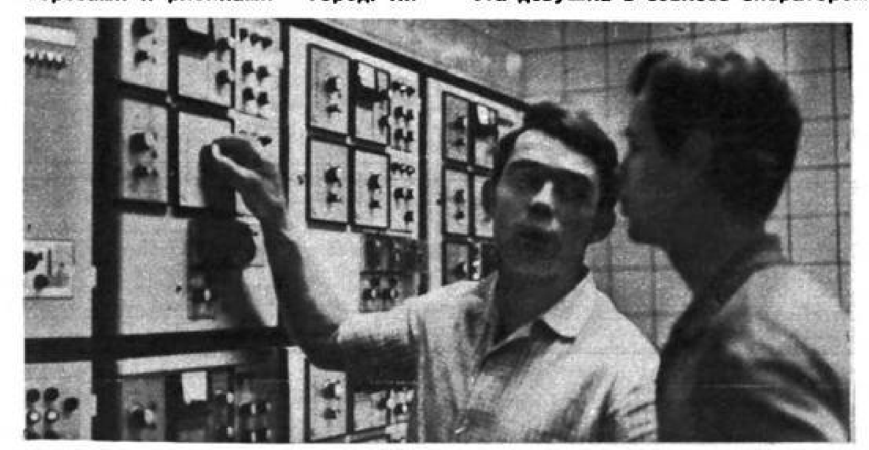
Здесь, на набережной, мы встретили первого секретаря Ленинградского горкома комсомола Владимира Пылина. Он рассказал нам о тех питомцах ленинградских школ, которые в свое время решили пойти на завод. Один из

ТРУДЫ ПОДМОСКОВЬЯ

Начало см. на стр. 1.

фальт, когда выросли города-спутники! Бетон и березы, стекло многоэтажных домов и трава у подъездов, гул мощных лайнеров над стадами. Все это характерно для сегодняшнего Подмосковья.

Триста метров от бетонки... За березами и рябинами — город. Пятиэтажные дома, универмаг, спортивный комплекс («малые Лужники») и — дирекция совхоза имени Ленина. Да, это совхоз. Только что поднялось над садами солнце, на балконе девушка поливает цветы. Чуть позже узнаем, что работает эта девушка в совхозе оператором

Старший оператор смены Юрий Емелин.

Магазин в колхозе имени Владимира Ильича.

на машиносчетной станции, зовут ее Галина. Галина Гусева. Новая профессия, новый поселок, да, по существу, новизна здесь на каждом шагу. Новизна для нас, еще не привыкших вот к таким совхозным городам, но только не для ребятишек, которые уже не почитают за особое благо и этот асфальт, и такие вот цветники, и специально оснащенные площадки для умных детских забав, и «малые Лужники». И только у отца попавшейся нам на глаза девчушки Тамары Шашковой заботы старые, как мир. Сергей Шашков — тракторист, и все его думы были о дожде. Весна пришла рано, быстро отсеялись, а дождя все не было... Не на завалинке, а в совхозном парке или за ужином в уютной, как в городе, квартире толкуют наследники подмосковных мужиков о тепле, о близком укосе...

Иное дело в соседнем совхозе «Московский». Там построены (и еще строятся) теплицы с полной автоматикой. Тридцать шесть гектаров (а будет скоро пятьдесят четыре!) под стеклянным небом. Недаром «Московский» зовут теперь комбинатом-совхозом. Ибо по-прежнему он должен давать и молоко, и мясо, и зерно, и картофель. А тепличный комплекс — дело особое. Тут нет извечной проблемы: «Пойдет дождь или не пойдет». Трактористы пашут землю... в стеклянных цехах. На дворе зима, а в теплицах лето. Само по себе это не ново. Ново то, что не было еще у нас до сих пор таких комбинатов. Теперь лук, огурцы, помидоры идут отсюда потоком в столичные магазины. За пять первых месяцев этого года отсюда отгрузили уже более двух тысяч тонн овощей. Директор Евгений Сергеевич Рычин рассказал, что всего за год будет продано 5 100 тонн овощей, в том числе 3 600 тонн огурцов, 500 тонн помидоров, ну и прочей «петрушки». Если раньше на долю «среднего» москвича приходилось пологурца в год, то теперь ему достанется два килограмма — речь идет не вообще об огурцах, но о подмосковных, выращенных в подмосковных теплицах. Вот что такое новинка области, комбинат-совхоз «Московский»!

...Под стеклянным небом безлюдно. Погоду в буквальном смысле слова делают операторы. Старший оператор первого отделения Юрий Емелин пригласил нас к пульту управления микроклиматом. Картина фантастическая и вполне современная: щит с десятками кнопок. Агрохимическая кухня, в которой царствует электроника. Отсюда даются команды на подкормку, на дождь, на тепло. А Юрий Емелин вроде и не оператор, а сменный Илья-пророк!..

Конечно, нельзя было не спросить управляющего отделением, каковы же урожаи здесь, где не ждут милостей от природы. Альберт Григорьевич Макшин, выпускник Тимирязевки, молодой ученый и агроном нового, так сказать, инженерного склада, рассказал:

— Многие наши девушки, например, звено Вали Клычниковой, звено Тамары Смирновой, собирают по пятнадцати и даже по семнадцати килограммов огурцов с квадратного метра. В среднем же урожай нынче по отделению составил пока четырнадцать килограммов. Но учтите, что сбор огурцов в разгаре, а помидоры вот-вот пойдут. И еще учтите, что нагрузка здесь на каждую работницу втрое больше, чем в обычных, старых теплицах. Помогает им справиться высокая механизация и полная автоматизация, электронное управление с одного пульта.

Чтобы иметь общее представление о мощи такой индустриальной агрономии, добавлю от себя, что здесь планируют нынче собрать овощей по 1 400 центнеров с гектара. Это пока начало, действует лишь первая очередь. А когда комбинат будет построен и освоен полностью, то будет давать до 16 тысяч тонн огурцов и помидоров в год! И, что очень важно для горожан, овощи будут поступать круглый год.

Но это под небом стеклянным... Впрочем, «но» не совсем уместно тут. В прошлом году подмосковные хозяйства намолотили по 22 центнера зерновых с гектара. Это впервые за долгие-долгие десятилетия. Слово свое сказали химия и механизация. Совхозы и колхозы столичной области сейчас оснащены по последнему слову агрономической науки.

— Мы в постоянном поиске нового,— рассказал первый секретарь Ленинского райкома партии Николай Михайлович Овсянников.— Иначе нельзя. Чем больше Москва, тем меньше Подмосковье. Пашня, луга уходят под строящийся город. Не спасает и бетонное кольцо. За три последние года только наш район лишился почти полутора тысяч гектаров! Такова реальность. Но продукции-то нужно давать с каждым годом не меньше, а больше! Значит, увеличивается нагрузка на оставшиеся гектары. Например, мы должны и обязательно будем иметь не менее тридцати пяти — сорока коров на сто гектаров угодий. Корма у нас есть: кукуруза, люцерна, рожь на зеленку,

них — Владимир Целуев — стал бригадиром слесарей объединения «Электросила». Он представляет комсомолию города в ЦК ВЛКСМ. А недавняя школьница Вера Купрейко избрана турбостроителями Металлического завода имени XXII съезда КПСС в городской Совет депутатов трудящихся. Вероятно, многие участники этого школьного бала на Неве тоже пополнят семью ленинградских рабочих.

...Праздник развивался стремительно. На импровизированных эстрадах выступали артисты. Летний сад-музей превратился в литературно-музыкальный салон, в парках, в причудливо оформленных торговых рядах продавали воздушные шары, цветы, бенгальские огни. Окончилось гулянье только рано утром.

В. ГЕРАСИЧЕВ

На снимке: в ту ночь на берегах Невы.

Фото М. Савина.

окультуренные пастбища, сено... Проблема в другом: все меньше рабочих рук. Ну, да ладно, и тут коечто нашли. В совхозах монтируются новые доильные установки, думаем, что они помогут решить проблему автоматической дойки. Техника! Только она поможет нам заменить людей: ведь сколько их уходит на заводы и стройки Москвы! Техника уже сейчас помогает нам в раздельной уборке картофеля. Ныне впервые у нас осуществлена подкормка озимых полей с самолетов, а тут, знаете ли, нужен высший пилотаж, поля у нас невеликие, здесь не то что в степи. А главное, совершенствуем экономику. Нужен иной подход во всем. Хозрасчет, прибыль, реалистический подход к любой проблеме возвращают нас на давно проверенный путь — прочно лишь то, что имеет прочную базу, технико-экономический фундамент. Это касается и формирования стада на фермах Подмосковья, и строительных дел, и системы оплаты, и собственно агрономии, которая в наших условиях принимает все более индустриальный характер.

Я убедился в этом на плантациях земляники в совхозе имени Ленина, на фермах колхоза имени Владимира Ильича, на полях колхоза имени М. Горького, где полностью проведена мелиорация, наконец, в зеленых цехах комбината-совхоза «Московский». Без новой организации труда, без машин и автоматики, без помощи электронного мозга счетных станций не соберешь на супеси и суглинках Подмосковья по 36,5 центнера зерновых с гектара, по 438 центнеров овощей, по 164 центнера картофеля, по 47 центнеров трав. А именно таковы прошлогодние урожаи в Ленинском районе столичной области. Есть здесь и свои рекорды — колхозники артели имени Владимира Ильича в минувшем году намолотили по 53 центнера с гектара, а в колхозе имени М. Горького — более 44 центнеров! Да, да, таков был намолот под Москвой, в трехстах метрах от бетонки. На тех самых белесых полях, что лежат себе обочь лесков, где любил Владимир Ильич походить с ружьем. И добились всего этого люди, с отцами которых не раз встречался Ленин — вместе мечтали о наших днях, о нашем сегодняшнем Подмосковье.

...Плывут сквозь утренний туман к Москве молоковозы, авторефрижераторы, грузовики с овощами. Бегут к Москве сквозь летние грозы электрички, полные охапок ромашки. Приветливо машет столице березовой веткой Подмосковье...

До свиданья, мама, не горюй!

ТРЕТИЙ СЕМЕСТР

На перроне Казанского вокзала столицы звучат веселые студенческие песни, алеют знамена. Московское высшее техническое училище имени Баумана вступает в третий — трудовой — семестр. Училище посылает в Казахстан, в поселок Кургальджино, свой первый в этом году студенческий строительный отряд.

В Казахстане хорошо знают бауманцев. По доброй патриотической традиции они работают там уже несколько лет подряд.

— В Кургальджине мы будем строить жилые дома, производственные здания, нефтебазу,— рассказывает главный инженер отряда, студент-дипломник Валерий Дианов.

Валерий едет на студенческую стройку пятый раз. Работал бригадиром, прорабом, так что опыт получил достаточный. Хорошо знают строительное дело и пятикурсники Виктор Попов, Павел Булавин, Владимир Мануйлов. В отряде есть и свои квалифицированные повара — Света Лаптева, Люда Терехина, Алла Самофалова...

Однако большинство бойцов стройотряда — первокурсники. Многие впервые уезжают так далеко от родного дома. Их провожают мамы и папы. Мамы волнуются, просят почаще писать, не простуживаться, беречь себя. Папы утешают мам: «Это же не как мы в их возрасте, не на фронт. Хорошее дело! Самим польза будет, и государству помогут!»

Всесоюзный студенческий отряд — большая сила. В его рядах 300 тысяч бойцов. Они участвуют в сооружении Волжского автозавода, Нурекской и Усть-Илимской ГЭС, работают на Тюменской стройке, во многих селах. Но не менее важно и воспитательное значение этого патриотического движения студенчества. Коллективный труд обогащает молодого человека духовно, укрепляет его уверенность в своих силах.

Счастливого вам пути, бойцы студенческих строительных отрядов!

А. ГОЛИКОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

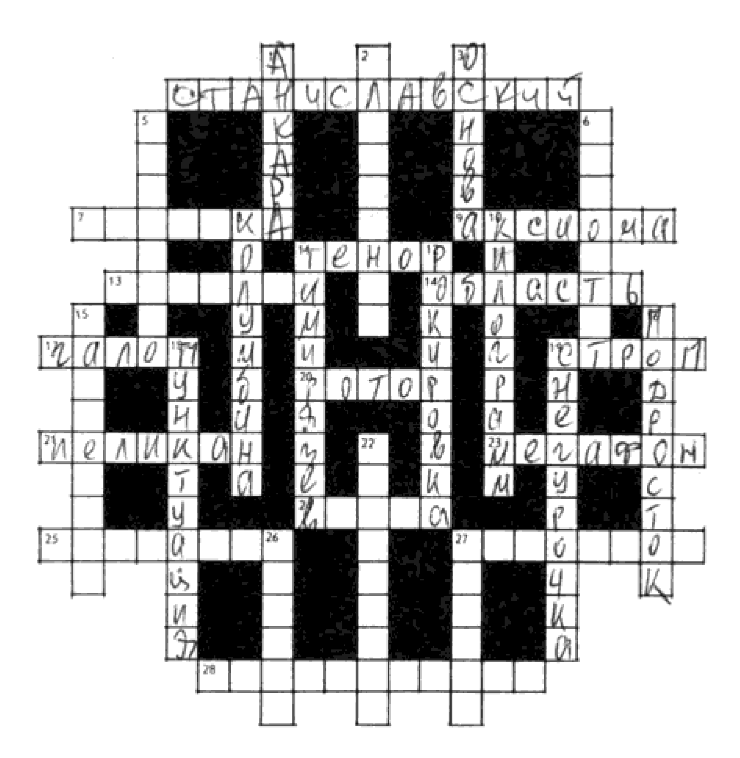
Счастливо тебе, дорогая!

Жди меня...

Боец студенческого отряда МВТУ второкурсник Сергей Котухов.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Режиссер, педагог, теоретик театра. 7. Ягода. 9. Положение, принимаемое без доказательства. 11. Мужской голос. 13. Народная игра. 14. Административно-территориальная единица в СССР. 17. Быстрый аллюр. 19. Трос парашюта. 20. Вращающаяся часть турбины. 21. Веслоногая птица. 23. Приспособление для усиления человеческого голоса. 24. Малая планета. 25. Сорт груш. 27. Хищный зверек семейства куньих. 28. День недели.

По вертикали: 1. Столица Турции. 2. Декоративное растение. 3. Продольные нити в ткани. 5. Областной центр в РСФСР. 6. Летательный аппарат. 8. Персонаж итальянской комедии масок. 10. Единица веса. 11. Русский естествоиспытатель. 12. Шахматный ход. 15. Город в Великобритании. 16. Роман Ф. М. Достоевского. 18. Расстановка знаков препинания. 19. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 22. Советский живописец, график. 26. Порт на берегу Адриатического моря. 27. Сигнальный гудок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 5. Ксилофон. 7. Арматура. 8. Слон. 9. Орлан. 10. Лира. 11. Руда. 13. Анод. 15. Нонет. 16. Хорей. 17. Самбо. 18. Апорт. 20. Джуба. 23. Крот. 25. Сари. 26. Анды. 27. Офорт. 28. Санд. 29. Проекция. 30. Капитель.

По вертикали: 1. Цикламен. 2. «Лоэнгрин». 3. Павлодар. 4. Лукреций. 6. Нерка. 7. Асама. 12. «Детство». 14. Находка. 18. Астангов. 19. Открытка. 21. Ушинский. 22. Арсеньев. 24. Тефия. 25. Сурик.

На первой странице обложки: Зеркало крупнейшего в мире телескопа — БТА в процессе контроля на специальном шлифовально-полировальном станке. Чем тщательнее контроль зеркала, тем больше информации получит человечество из глубин Вселенной.

Фото М. Цебоева.

На последней странице обложки: Резьба по дереву — фрагменты оконных наличников. Фрагмент резьбы на воротах. Керамические изделия Н. И. Фадеева. Город Мышкин.

Рисунки И. Михайлина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/VI-70 г. А 00401. Подп. к печ. 30/VI-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1370. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1674.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Город Мышкин со стороны Волги.

Мышкинский сувенир

Михаил ЛАВРЕНТЬЕВ,

Игорь МИХАЙЛИН.

В Мышкине над окошками
наличники, как кокошники,
искусной резьбой точеные,
орнаментами крученые.

Стали доски в руках умельцев
голубями, цветами да сердцем.
И пророчил резьбою мастер
мир над домом, любовь и
счастье...

Это стихи об умельцах районного центра Ярославской области Мышкина, что издавна глядятся резными оконцами в зеркало Волги, на полпути между Угличем и Рыбинском. История не обошла стороной эти края. Летопись донесла до нас сведения, что в 1609 году в Мышкине проходили важные для России дипломатические переговоры: послы Шуйского встречали здесь шведского дипломата Дельгарди. В тревожном 1812 году городок послал на войну с Наполеоном значительную часть мужского населения: тысяча сто горожан стали ратниками-ополченцами.

В 1905-м хлеборобы и льноводы уезда с вилами и охотничьими ружьями выходили встречать отряды царских карателей, а в октябре 1917-го одними из первых в Ярославской губернии они начали строить в Поволжье Советскую власть.

Но не только знаменательные события истории послужили причиной тому, что красиво расположенный над волжским раздольем, в ожерелье сосновых корабельных рощ, смешанных лесов и полей городок-малышка попал в «Русское золотое кольцо» — проект большого туристского маршрута по городам и весям северо-запада России. «Повезло» Мышкину потому, что сохранился тут облик и дух исконно волжского поселения, потому что наряду с новыми традициями, рожденными в годы Советской власти, сберегли в районе многие замечательные обычаи русской старины. И в искусстве (резьба по дереву, северная вышивка, гончарный промысел), и в народном спорте (охота, перетягивание каната, русская лапта, городки), и в быту.

Около иного дома остановишься и думаешь: не в сказку ли о Берендее или о царевне Несмеяне попал? Снизу, от первого венца до конька на крыше,— деревянный узор, не уступающий по фантазии вологодскому кружеву. Тут и голуби, и цветы, и сердце... К другому дому подойдешь — новый узор и новая сказка. Ходишь по улицам и удивляешься: ни разу не повторится рисунок деревянного кружева! И хочется купить на память набор фотографий мышкинской резьбы. Но негде...

А почему бы не продавать в газетных киосках, в книжном магазине, на пристани Мышкина мышкинские сувениры — наборы открыток с видами городка, снимками наиболее выдающихся произведений мышкинских резчиков?

«Охота» за местным сувениром привела авторов этих строк к потомственному волгарю-гончару лауреату всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства Николаю Ивановичу Фадееву. Простая красная глина в руках Фадеева превращается в произведения народного прикладного искусства: крынки, миски, кувшины для кваса, горшки-корчаги, банки под варенье, поражающие изяществом и строгостью линий, трогательно бесхитростным узором отделки, истинно русскими формами. Посуда, из которой пивали да едали наши деды и сто, и двести, и триста лет назад... Ведь из века в век передавалась в семье Фадеевых страсть к гончарному рукомеслу. Теперь фадеевская керамика далеко пошла: у Николая Ивановича — почетные награды «ЭКСПО-67», ВДНХ и многих других союзных и международных выставок.

— Есть у меня мечта,— говорит гончар-художник,— подарить каждому гостю по посудинке. Да отделать ее почище, да герб наш, мышкинский — с ярославским медведем и маленькой мышкой — глазурью нарисовать, да пару-тройку добрых слов написать на память... Уж очень желаю, чтоб не забывали в нашей стране русскую глину. Она хоть и не фарфор, не хрусталь, а как хороша!

Однако нет пока возможности у мастера одаривать сувенирами гостей-путешественников. Работает он при районном комбинате бытового обслуживания. План ему дают не в штуках, а... в литрах. Вот и крутит художник на гончарном станке аляповатые цветочные горшки по заказу и образцу оранжерей... «Литраж» нагоняет. Лишь по вечерам после работы остается у него время для работы над художественной керамикой.

Удивленные таким положением, мы обратились за разъяснением к своим коллегам — журналистам районной газеты «Волжские зори».

Уже не раз поднимали в районной печати вопрос о возрождении на базе мастерской Фадеева народных промыслов по производству сувенирной керамики. И в райисполкоме заверяют, что скоро ни один гость не уедет без сувенира. Что в ближайшее время мастерская знаменитого гончара будет оснащена нужными механизмами, что замечательные сувениры мышкинского мастера появятся не только на стендах музеев и выставок.

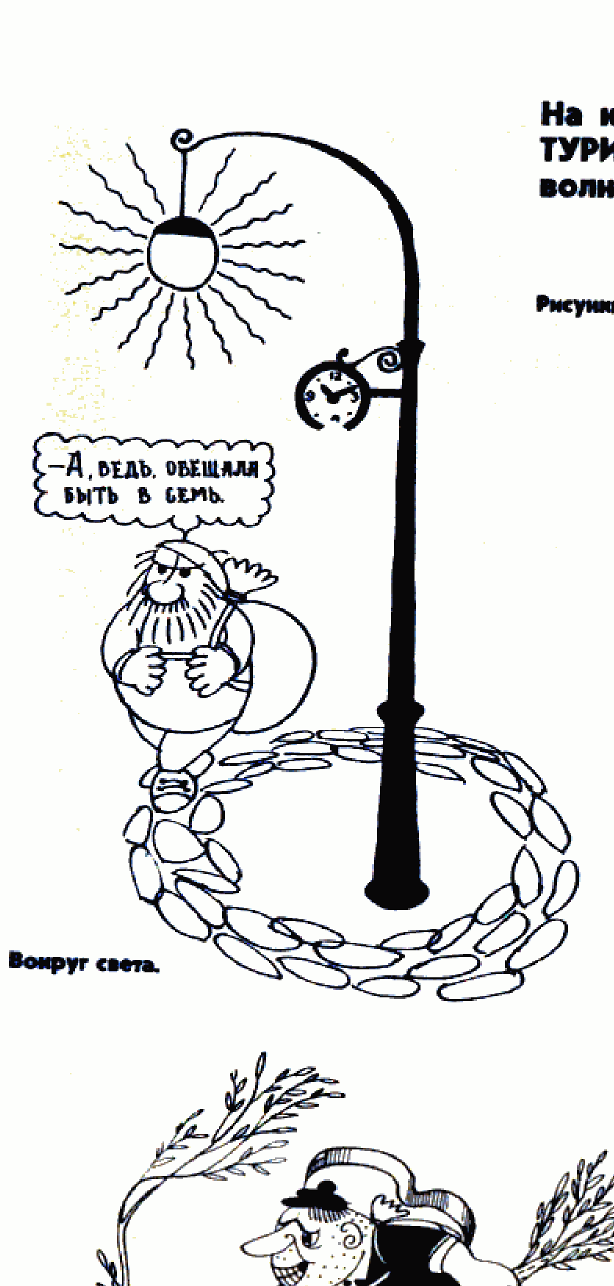
А пока... Пока посуда, крынки, миски, горшки-корчаги стоят в народном краеведческом музее Мышкинского района. Правда, его экспозиции старинного быта поволжских крестьян могут позавидовать иные центральные музеи. Ведь, пожалуй, только в Мышкине вы познакомитесь с десятками различных «моделей» старинной крестьянской обуви. Тут и огромные лапти богатыря-пахаря, и остроносые «шептуны» сельской модницы из бечевы, и лыковые обутки рыбака...

«Золотое кольцо» еще официально не действует, а мышкинские краеведы-общественники уже готовятся встречать гостей. Под руководством журналиста В. Гречухина подготовлены интересные лекции, экскурсии по музею и городу. Старейший краевед района А. К. Салтыков создал хор ветеранов, исполняющий старинные волжские обрядовые песни и танцы.

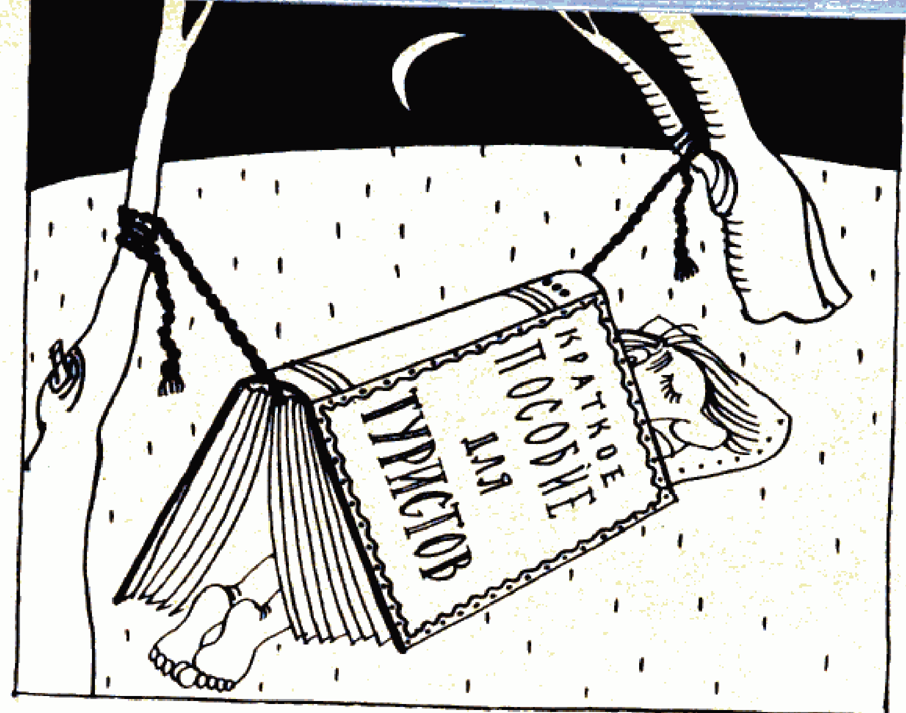
Кончились времена, когда Мышкин был городком, который «на карте генеральной кружком означен не всегда»...

На карика-ТУРИСТСКОЙ волне

Рисунки В. Воеводина.

Вокруг света.

Без слов.

Не с кем оставить.

Турист-топорист.

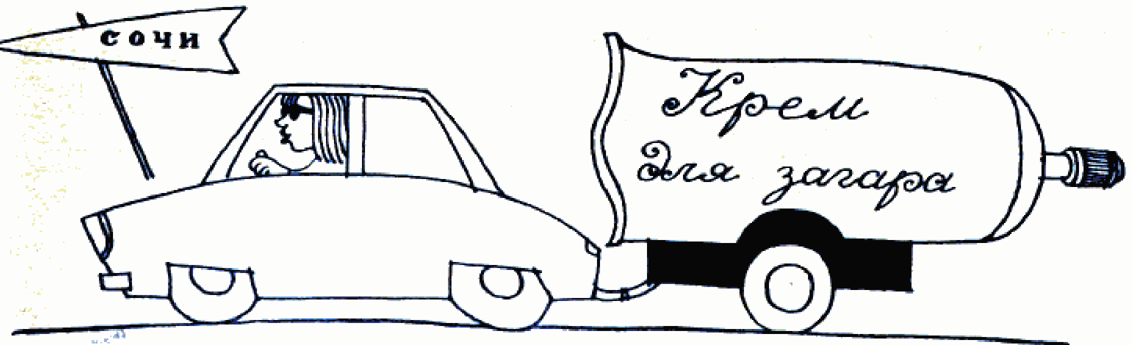
На память.

Без слов.

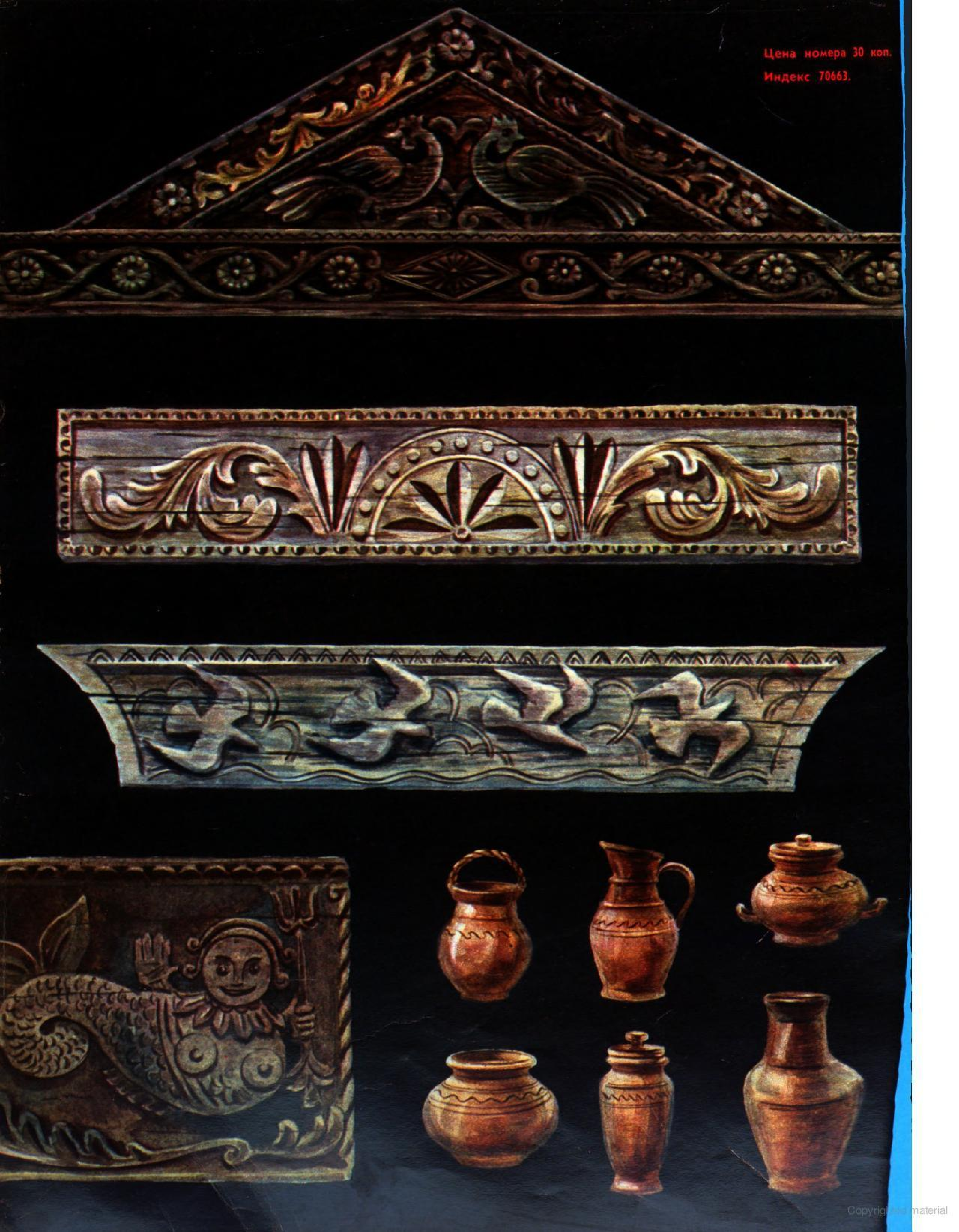

— Ха! Диетические!

Без слов.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.